

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА**

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 1

Том 1. Филология

Санкт-Петербург
2011

Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

Научный журнал

№ 1 (Том 1)'2011
Филология
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрин, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор.

Редакционный совет:

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;
Н. К. Данилова, кандидат филологических наук, доцент (отв. за выпуск);
О. Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент;
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент;
Н. Л. Шадрин, доктор филологических наук, профессор;
М. В. Ягодкина, доктор филологических наук, доцент.

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10
тел. / факс: (812) 476-90-34
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2011

Содержание

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

Т. Н. Куркина

Церковь в сознании героев и автора
в повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» 7

П. Е. Янина

Роман И. А. Гончарова «Обрыв» в структуре журнала «Вестник Европы» 14

Т. В. Бузина

Самообожнение мелкого беса в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского 22

К. А. Нагина

Траектории «метельного» текста (толстовское присутствие
в творчестве Б. Пастернака) 31

Е. А. Худенко

Жизнетворчество русского романтизма и символизма: поведенческие стратегии 41

Е. А. Постнова

Пейзаж в романе В. Каверина «Перед зеркалом» 50

Т. Н. Козина

Святочная повесть О. А. Николаевой «Ничего страшного» 59

О. И. Чудова

Аркадий Долгорукий как литературный прототип главного героя романа
Ф. Н. Горенштейна «Место» 67

ЛИНГВИСТИКА

И. Н. Смирнов

Противопоставление действий по признаку локализованности /
нелокализованности во времени: спорные случаи истолкования 75

Е. С. Епарина

К вопросу становления терминосистемы экономики
(словообразовательный аспект) 84

Т. Н. Федуленкова, И. В. Бечина

Квантитативная вариативность английской фразеологии
(на материале ФЕ с глаголом движения) 91

С. В. Шустова

Элементы среды аспектологического значения акциональности 96

Е. Г. Скребова

Поаспектное описание сложноподчиненных локативных
предложений немецкого языка 106

Л. С. Абросимова

Когнитивно-словообразовательный и социолингвистический анализ
единиц вторичной номинации (на материале английских неологизмов) 114

О. Н. Морозова

Типы персональных политических сайтов
в интернет-пространстве Великобритании 122

И. А. Попова

К вопросу о семантике, метасемиотике
и метаметасемиотике креолизованного текста 131

Н. В. Савицкая

Языковые особенности эмоционально-смыслового
противопоставления реального и идеального миров в рассказах Т. Толстой 139

<i>А. Г. Ахиярова</i>	
Определение значения словообразовательного форманта.....	145
<i>Ю. В. Гилясов</i>	
Категории художественного времени и пространства в текстовой цитате	151
<i>Н. А. Никифорова</i>	
Соотношение семантических и формальных признаков английских глаголов в языке описания словаря «Macmillan English Dictionary».....	161
<i>В. А. Белов</i>	
Заглавие как способ пропозициональной организации художественного текста в романе А. Белого «Петербург»	168
<i>Г. Н. Тельминов</i>	
Минимизация импозитивности американской и российской рекламы в интернете	175

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>И. Б. Смирнов</i>	
Об истоках агрессивности послевоенного поколения австрийцев в романе Эльфриды Элинек «Перед закрытой дверью».....	183
<i>О. А. Степаненко</i>	
Национальная идентичность как сюжет немецкой художественной литературы....	193
<i>Е. С. Петрова</i>	
«Элитарный английский» и его лексико-грамматическая специфика (лингвокультурологический аспект)	202
<i>Е. М. Семенова</i>	
Метафорическая репрезентация концепта национальная культура	213
<i>Т. Н. Федуленикова, Н. В. Поцелуева</i>	
Культурологический комментарий во фразеологическом словаре.....	219

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ

<i>М. С. Перевёрткина</i>	
Проблема отбора английских фразовых глаголов в учебных целях.....	225

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Д. И. Петренко</i>	
Виталистические идеи метакритики К. И. Чуковского: А. П. Чехов.....	229
<i>А. Ф. Цирулев</i>	
О жанровой специфике трилогий Л. Толстого и М. Горького	237
<i>А. А. Петров</i>	
Тунгусские языки России: исследования и преподавание в вузах.....	242
<i>Э. Ф. Нагуманова</i>	
Судьба вольных переводов 30-х годов XX века (на материале переводов стихотворений А. С. Пушкина на татарский язык).....	245
<i>М. М. Магамедова</i>	
Феминные и маскулинные явления в дагестанских языках	250
Сведения об авторах	255

Contents

THE STUDY OF LITERATURE AND FOLKLORE

T. Kurkina

Church in the Minds of the Characters and the Author
of the Novel N. S. Leskov «Lady Macbeth of Mtsensk» 7

P. Yanina

Goncharov's Novel «Obryv» in the Structure of the Magazine
«Vestnik Evropy» 14

T. Buzina

Self-deification of a Petty Demon of the Novel by F. M. Dostoevsky
«Notes from the Underground» 22

K. Nagina

Trajectories of «Snow-storm's» Text
(Tolstoy's Presence in Works of B. Pasternak) 31

E. Khudenko

Life-creativity of Russian Romanticism and Symbolism:
the Behavioral Strategies 41

E. Postnova

Landscape in the Novel by V. Kaverin «Before the Mirror» 50

T. Kozina

Christmas Story by O. A. Nikolaeva «It does not Awful» 59

O. Chudova

Arkady Dolgoruky as a Literary Prototype of the Main Character
of the Novel «Place» by F. N. Gorenshtein 67

LINGUISTICS

I. Smirnov

Contraposition of Actions According to the Feature of Localizing/non-localizing
in Time: the Moot Points of Interpretation 75

E. Eparinova

Concerning the Way Economic Terminology Takes Shape
(Word Building Aspect) 84

T. Fedulenkova, I. Bechina

The Quantitative Variability of Phraseological Units of Modern English 91

S. Schustova

The Environment's Elements of the Aspectological Meaning of the Actionsart 96

E. Skrebova

Aspectual Characteristics of Complex Locative German Sentences 106

L. Abrosimova

Cognitive, Word-formation and Sociolinguistic Analysis of the Second
Nomination Units (Based on the Study of English Neologisms) 114

O. Morozova

Types of Personal Political Websites in the Internet of Great Britain 122

I. Popova

On the Issue of Semantics, Metasemiotics and Metametaseiotics
of the Creolized Text 131

N. Savitskaya

The Linguistic Features of Emotional-semantic Dominant «The Opposition
of the Ideal and the Real Worlds» in the Short Stories of T. Tolstaya 139

<i>A. Akhiyarova</i>	
Defining the Meaning of the Derivational Formation.....	145
<i>Y. Gilyasev</i>	
Categories of Fictional Time and Space in Text Citation	151
<i>N. Nikiforova</i>	
Correlation of Semantic and Formal Features of English Verbs in the Defining Vocabulary of «Macmillan English Dictionary».....	161
<i>V. Belov</i>	
A Title as a Way of Propositional Organization of Text in Beliy's Novel «Peterburg»	168
<i>G. Telminov</i>	
Imposition Minimizing in the American and the Russian Internet Advertising.....	175

LINGUISTIC CULTUROLOGY

<i>I. Smirnov</i>	
The Source of Aggressiveness of the Postwar Generation in Austria in the Novel «In Front of the Closed Door» («Die Ausgesperrten») by Elfrida Elinek	183
<i>O. Stepanenko</i>	
The National Identity as the Subject of the German Fiction	193
<i>E. Petrova</i>	
Upper-class English and its Lexical and Grammatical Features: a Linguistic and Cultural Perspective.....	202
<i>E. Semenova</i>	
The Metaphoric Representation of a Concept National Culture	213
<i>T. Fedulenkova, N. Potseluyeva</i>	
Culturological Comment in the Phraseological Dictionary	219

THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

<i>M. Perevertkina</i>	
Selecting of English Phrasal Verbs for Teaching Purposes	225

INFORMATION AND SURVEYS

<i>D. Petrenko</i>	
Vitalistic Ideas of K.I. Chukovsky's Metacriticism: A. P. Chekhov	229
<i>A. Petrov</i>	
Tungus Languages of Russia: Research and Teaching in High Schools	237
<i>A. Tsirulev</i>	
On Specifics of the Genre of Trilogies by M. Gorky and L. Tolstoy	242
<i>E. Nagumanova</i>	
The Problem of Liberal Translations of the 30ies of the 20 th century (Based on the Translations of Poems by A.S. Pushkin into the Tatar Language).....	245
<i>M. Magamedova</i>	
Feminine and Masculine Phenomena in Dagestan Languages.....	250
About authors.....	255

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

УДК 821.161.1.

Т. Н. Куркина

Церковь в сознании героев и автора в повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда»

Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию (Рособразования) в рамках исследовательского проекта 2.1.3/4705 «Универсалии русской литературы (XVIII – начало XX вв.)».

В статье раскрывается воцерковленность героев повести Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» как на уровне обряда, так и на уровне христианской морали. Религиозное сознание автора находит воплощение в сюжетно-композиционном решении повести. Лесков отстаивает идею симфонии церкви и государства в деле просвещения народа и охранения основ православной нравственности.

The article reveals heroes' churching in Leskov's novella «Lady Macbeth of Mtsensk» at the level of ritual, and at the level of Christian morality. The author's religious consciousness is embodied through the plot-composite solutions of the tale. Leskov defends the idea of a symphony of Church and State in the sphere of education of the people and preserving the foundations of orthodox morality.

Ключевые слова: воцерковленность, обряд, христианские заповеди, сюжетно-композиционные приемы, возмездие, авторская позиция, проза Лескова.

Key words: ritual, Christian precepts plot compositional devices, retribution, author's position, Leskov's prose.

В основу повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1865 г.) положены события судебной хроники русской общественной жизни XIX века. Лесков, будучи ребенком, наблюдал публичное наказание купчихи, уголовная история которой была художественно переосмыслена писателем в повести. Художник натуралистически точно, с мельчайшими подробностями изображает сами акты злодеяний, чтобы вызвать этическое потрясение у читателя. При этом Лесков значительно усложняет реальное преступление, нанизывая на него целый ряд вымышленных убийств, – это отравление мужа, удушение малолетнего наследника, утопление соперницы и, наконец, самоубийство главной героини. Лескова критика сразу окрестила как «безмерного писателя» (Н. Михайловский). В дружеских письмах Толстого к Лескову неоднократно встречаются указания на художественные излишества последнего то в одном, то в другом произведении. Это признавал и сам Лесков, он не

отрицал, что ему порой трудно совладать со своей художественной стихией.

Сюжетную схему «старый муж – жена – молодой любовник», традиционную для русской литературы ещё со времен пушкинского «Евгения Онегина», Лесков использует для того, чтобы показать разрушение патриархального уклада жизни в купеческой среде пореформенной России XIX века. Грех прелюбодеяния и сребролюбие толкают любовников и в повести на кровавые злодеяния.

Тема взаимоотношения полов в русской литературе XIX века редко освещалась в гедонистических тонах, она чаще рассматривалась в контексте социально-философских и религиозных проблем трагического плана. Православная вера русского народа способствовала формированию достаточно строгой морали. Национальное самосознание признавало законность любви между мужчиной и женщиной только в браке, причём брак считался величайшим таинством. Внесемейные любовные связи квалифицировались как блуд и разврат. Чтобы полнее обнажить начавшиеся процессы утраты священного ореола брачных уз в сознании людей пореформенной России и свободу любовных отношений, оба художника используют в структуре своих произведений явление сюжетного полифонизма. Так, Лесков четыре раза воспроизводит парадигму любовного треугольника: Копчиков – жена Копчикова – Сергей; Зиновий Борисович – Катерина – Сергей. В повести все конфликтные столкновения возникают вокруг молодого героя-любовника, ради которого жена подносит отравленный чай мужу. Катерина подсыпает в чашку яд от крыс. В символическом плане этим ядом героиня отстраняет от себя не только мужа, но и любовника. Сергей впоследствии скажет, что ему «стоптанный Сонеткин башмак милее, ... рожки» Катерины Львовны, «кошки эдакой ободранной» [2, V, с. 290].

Развитие сюжетного действия художник строит «по ступенчато-кольцевому принципу». Герои, совершающие темные деяния, проходят несколько этапов-ступеней, они устраняют существующие препятствия и добиваются своих целей, поэтому каждый этап тесно связан с предыдущим. Лесков «вхождение» в сферу зла воспроизводит согласно христианскому миропониманию. По учению церкви зло развивается, как цепная реакция, увеличиваясь и расширяясь по типу снежного кома.

О воцерковлённости героев повести Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» свидетельствует уже убранство купеческого дома Измайловых, куда была выдана замуж Катерина Львовна, «не по любви или какому влечению, а так, потому что Измайлов к ней присватался» [2, V, с. 247]. Согласно древнему благочестивому обычаю русские христиане стремились обустроить своё жилище как малую церковь. В доме знатных в городе купцов везде по комнатам были развешены образа, перед ними сияли лампы. Никаких книг в доме не было, «окромя киевского патерика», но «читать Катерина Львовна была не охотница». Все эти предме-

ты церковного быта в семейном укладе дома Измайловых имеют исключительно внешнее обрядовое значение, так как в нём отсутствует духовная жизнь. Более того, дом чаще всего бывает пустым: «нигде по дому ни звука живого, ни голоса человеческого» не слышно. Катерина Львовна, выросшая в деревне, в бедной семье, но на свободе и среди людей, нестерпимо страдает от скуки среди полного материального достатка и богатства. Героиня страдает до такой степени, что рассказчик иронично заявляет: от этой русской скуки «весело, говорят, даже удавиться». Впоследствии о церковной жизни в доме Измайловых упоминается в связи с похоронами свёкра. Его спешно, не дожидаясь сына, «ничтоже сумняся, схоронили по закону христианскому» [2, V, с. 255]. Это замечание рассказчика имеет явно саркастическую окраску, так как свёкор был отравлен невесткой, которая так благочестиво его хоронила. Вслед за Катериной Львовной и Сергей профанирует церковный обряд, но другой – обряд венчания. Он, внушая любовнице преступные мысли против законного мужа, говорит: «Я б хотел пред святым предвечным храмом мужем Вам быть» [2, V, с. 267].

Иначе в отношении церковного обряда ведёт себя муж Зиновий Борисович, когда в его дом пришла беда. Он, желая проверить скверные слухи о своей жене, тайно возвращается домой. Первое, что он делает, зайдя в дом, – молится и зажигает свечу. Дурные предчувствия Зиновия Борисовича не обманули, в спальне он застал жену с любовником. Дерзкое и наглое поведение любовников вызывает в душе Зиновия Борисовича вопль отчаяния: «Господи! Боже мой! Да что ж это такое? Что ж вы это, варвары?!» [2, V, с. 267]. Исход смертельной борьбы решает момент, когда Катерина Львовна оглушает мужа тяжёлым литым подсвечником. Зиновий Борисович, понимая, что пришёл его конец, «тупо простонал»: «Попа», – и «ещё невнятнее»: «Исповедаться». На что Катерина Львовна, сдавливая горло мужа, «прошептала»: «Хорош и так будешь» [2, V, с. 268]. В сцене убийства мужа наблюдается противопоставление. Зиновий Борисович в предсмертные минуты явно неформально совершает церковные обычаи, взывает к помощи Бога и вспоминает об обряде последней исповеди, в отличие от Сергея и, особенно, Катерины Львовны, которые нагло попирают все святыни веры.

Кульминацией повести Лескова является убийство племянника Зиновия Борисовича, деньги которого, как неожиданно выяснилось, тоже были вложены в дело купца Измайлова, и он также оказался в числе наследников наряду с Катериной Львовной. На это обстоятельство поначалу спокойно прореагировала героиня, но алчный Сергей вновь внушил любовнице преступные мысли. Вся сцена детоубийства происходит на фоне двенадцатого праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, который отмечался 21 ноября по старому стилю. Автор выбирает событие в христианской истории, которое отсылает читателя к самому началу земного пути Девы Марии. Её в трехлетнем возрасте праведные родите-

ли Иоаким и Анна отдали на воспитание и служение при храме. Так Дева Мария приурочивалась стать Богоматерью, и это начало её святого подвижничества ежегодно прославляет церковь. Чтобы ещё больше усилить момент отпадения главных героев от церковной жизни, Лесков делает этот праздник престольным «в приходской Церкви измайловского дома» [2, V, с. 277].

Лесковская героиня, ожидая своего первенца, не идет в столь знаменательный день в храм, а, напротив, чувствует, что в её душе «вдруг словно демоны с цепи сорвались и разом осели её прежние мысли о том, сколько зла причиняет ей этот мальчик и как бы хорошо было, если бы его не было» [2, V, с. 273]. Катерина и Сергей, обсудив, что «нонче все-ночная скоро не кончится» [2, V, с. 274], закрывают ставни и в замкнутом пространстве купеческого дома, который уже дважды скрыл их преступления, решаются на третье. Христианскую символику числа три автор использует здесь ещё дважды. Катерина трижды входит в комнату больного ребёнка, и он трижды напоминает ей о жизни во Христе. Первый раз на вопрос Катерины, что читаешь и занятно ли, Федя отвечает: «житие» и «очень, тетенька, занятно». Второй раз он просит Катерину положить эту книгу, а подать ему «вон ту, с образника» [2, V, с. 274]. Затем мальчик отклоняет совет тетеньки заснуть и объясняет, что он хочет дождаться бабушку, которая обещала принести ему «благословенного хлебца от всенощной» [2, V, с. 274]. Наконец, в третий раз, когда Федя заметил, что тетенька вошла к нему «отчего-то совсем бледная», он сам стал рассказывать ей, что читает житие своего ангела святого Феодора Стратилата. «Вот угождал Богу-то», – умильно говорит ребенок и, ласкаясь к тетеньке, предлагает послушать, как он ей прочитает это житие.

Великомученик Феодор Стратилат, живший в Малой Азии, в городе Ираклее, был воеводой, но отличался благочестивой жизнью, кротостью и умел располагать к себе окружающих язычников, многие из которых стали христианами. В 319 году он пострадал за веру Христову, был обезглавлен. Само имя Феодор в переводе с греческого языка обозначает Божий дар. Все эти художественные детали подчеркивают светлый облик ребенка, который в любом случае не может быть носителем зла, как это представляется в искаженном грехом сознании преступников. Насильственная кончина Феди оказалась созвучной мученической казни его святого покровителя.

Контраст света и тьмы, который в наибольшей степени усиливается в кульминационных эпизодах повести, Лесков воспроизводит и в бытописании измайловского дома. Накануне большого праздника все лампадки пред иконами были зажжены, и на фоне света от них по стенам разбегалась тень блуждающей по пустым комнатам тетеньки Катерины. Продолжая совмещать реальный и символический планы изображения, художник заставляет предчувствовать беду те части купеческого дома,

через которые в него входит солнечный свет, – окна: «закрытые ставнями окна начали оттаивать и заплакали» [2, V, с. 274].

Художественная логика кульминационных эпизодов, с одной стороны, отражает убеждение автора, что методами непротivления невозможно остановить злодеяния закоснелых преступников. С другой стороны, запечатлевает веру автора в то, что вдохновить на борьбу со злом по-сильно только церкви. Она в произведении Лескова выступает в роли нравственного охранителя моральных устоев народной жизни. В повести злодеев разоблачает возвращающийся с церковной службы народ. Используя прием сюжетной инверсии, писатель силу народного гнева воспроизводит в духе средневековой мистерии. Преступникам кажется, что сам Господь не выдержал их злодеяний и обрушил на них свою кару, всё вокруг загудело и задрожало, «какие-то неземные силы колыхали грешный дом до основания» [2, V, с. 276]. Катерина и особенно Сергей обезумели от суеверного страха. И только в следующей главе автор реалистично объясняет произошедший оглушительный шум и стук.

В повести Лесков дает развёрнутую характеристику церковного сознания жителей уездного города. Рассказчик отмечает, что «наш народ набожный, к Церкви рачительный» [2, V, с. 277], но его привлекает главным образом эстетика православного обряда. «Благолепие церковное и стройное «органистое» пение» являются одним «из самых высоких и самых чистых ... наслаждений» церковного люда, особенно молодёжи. Эти умозаключения рассказчика художник подкрепляет сюжетным монтажом. «Расходясь шумною толпою» из церкви, молодёжь толкует «о достоинствах известного тенора и случайных неловкостях столь же известного баса» [2, V, с. 277]. И только некоторые молодые люди обсуждают не «вокальные вопросы», а нравственные. Они, подходя к дому Измайловых, вспоминают о дурной молве, которая гуляет по городу о «молодой Измайлихе», и тут же предполагают, что «её и в Церкви, знать, не было» [2, V, с. 278]. Молодые люди выносят народный приговор Катерине Измайловой: «скверная бабёнка, испаскудилась, что уж ни Бога, ни совести, ни глаз людских не боится» [2, V, с. 278]. Примечательно, что инициатива обнаружения и задержания преступников в повести исходит не от местного жителя, а от молодого машиниста, «привезенного одним купцом из Петербурга, на свою паровую мельницу» [2, с. 278]. Автор акцентирует более высокий уровень профессиональной квалификации и духовно-нравственной просвещенности столичного рабочего.

В финале Лесков приводит своих героев к юридическому признанию вины убийства. В концептуальном плане значимо, что во время дознания не следователь, а священник заставляет Сергея дать признательные показания. Злодея привели к трупу Феди, и «при первых же словах священника о Страшном суде и наказании нераскаянным» Сергей «расплакался и чистосердечно сознался» [2, V, с. 278] во всех преступлениях. Однако раскаяние героя не затрагивает глубин души и

потому не влечет за собой духовно-нравственного очищения. Сергей лично примитивен и неразвит.

Художник считал, что зло способно глубоко проникнуть в человеческую натуру и, завладев ею полностью, сделать её ненасытной во зле. Это убеждение писатель акцентирует и названием своей повести, внося в него имя шекспировской героини леди Макбет, которая стала в мировой культуре символом зла и коварства. Лесков полагал, что «есть случаи, когда человек не может оставаться человеком, не оказав самого быстрого и самого сильного сопротивления злу» [3, с. 55], поэтому писатель обосновывал понятие справедливого возмездия. Он был уверен в его необходимости на современном этапе исторического развития человечества.

Заключительные эпизоды повести: публичное наказание Сергея и Катерины на городской площади, изображение арестантской жизни героев на этапе, – это социально-государственное наказание преступников, земное возмездие над ними. Божье возмездие у Сергея связано с проклятием своей прошлой и настоящей жизни, а у Катерины с душевными страданиями из-за измены любовника. В финале произведения происходит насильственное разрушение нового любовного треугольника. Купчиха, доведенная коварством Сергея до последней степени отчаяния, губит себя и свою соперницу. Лесков не оставляет в душе героини ни малейшего просвета для покаяния. В воспалённом сознании Катерины на фоне темных волн бушующей Волги всплывают видения лиц убитых ею людей. Она хочет произнести спасительную молитву, но не может. «Губы её шепчут» слова оскорблений, которыми осыпал ее любовник, и под их аккомпанемент она совершает двойное преступление.

Лесковские герои – это натуры во многом одномерные, жестокие помыслы и страсти захватывают их целиком. Православный исследователь русской литературы М. М. Дунаев считает, что Катерина и Сергей «ни дать, ни взять наивные дети природы, живущие звериными инстинктами и не замутняющие душу никакими нравственными сомнениями» [1, с. 418]. Во внутреннем мире героев, действительно, не наблюдается никакой борьбы, но нельзя сказать, что писатель совсем не усложняет характеры героев. Лесковские преступники, дерзко попирая законы христианской этики, церковные обряды и обычаи, тем не менее, до конца не отрекаются от веры в Бога. Сергей временами глубоко переживает страх божий. Что касается Катерины, то её натура вообще изначально имела мощную религиозную закваску, но тёмную и непросветлённую. В её душе жила и жажда справедливости, и сознание греха, и богоборчество, а главное – её захватила вера в истинную и вечную любовь. И если ее любовник расчетливо хитрит, признаваясь в своей давней любви к ней, то Катерина всегда с ним открыта, проста, прямодушна. Правда, её понимание любви имело примитивный и биологический характер. Недаром писатель окружает героиню образами животных, которые подчеркивают сладострастные, хищнические и собственнические порывы её натуры.

Вся эта дикость стихийных страстей парадоксальным образом совмещается в душе Катерины с предельной жертвенностью её любовных переживаний. Тем не менее, Лесков дорожит даже малым «остатком человечности в душе героини». В финале он показывает Измайлову не только как уголовную преступницу, но и как лицо трагическое.

Причины ужасающих тенденций национального бытия Лесков видит в капитализации общественных отношений и в непомерной власти денег. Он убедительно показывает в повести, что разрушение культурно-бытовых традиций, стремительное раскрепощение личности, её духовное опустошение, забвение ценностей, заключённых в христианской морали, порождает стихию разврата и насилия. Остановить эти негативные явления русской жизни по мысли писателя, только симфоническому единству церкви и государства. Церковь должна духовно окормлять и просвещать общество, хранить как бы внутреннюю чистоту, а государство должно подавлять зло своими внешними насильственными методами принуждения. При этом первостепенной задачей Лесков считал повышение уровня народного просвещения, он не раз писал в своей публицистике: «Хотите уменьшить тюрьмы – размножайте школы». Именно образование дает человеку добрые навыки, помогает ему «удалиться от зла под защиту рано усвоенного добра» [3, с. 252].

Повесть «Леди Макбет Мценского уезда» свидетельствует о том, что писатель достаточно критично оценивает деятельность русской церкви и реформаторские усилия государства в шестидесятые годы XIX века. Лесков всегда верил в Россию и любил её, но не с закрытыми глазами.

Список литературы

1. Дунаев М. М. Лесков // Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6 частях. – М., 2003. – Ч. IV.
2. Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. – М., 1989.
3. Лесков Н. С. О литературе и искусстве. – Л., 1984.

**Роман И. А. Гончарова «Обрыв»
в структуре журнала «Вестник Европы»**

В статье поставлена проблема восприятия художественного произведения в структуре печатного издания, дана характеристика принципов взаимодействия художественного текста, материалов литературной критики и публицистики на примере романа И. А. Гончарова «Обрыв», опубликованного автором в журнале «Вестник Европы» (№№ 1-5 1869 года).

The article is devoted to the problem of the perceiving of the literary work, including to the sociopolitical edition and to exposing principles of the interaction between fiction, literary criticism and journalism. The problem is demonstrated on the material of Goncharov's novel «Obryv», published on the magazine «Vestnik Evropy» in 1869 (№№ 1-5).

Ключевые слова: «Вестник Европы», проблема читателя, литературная критика, публицистика, роман, И.А. Гончаров.

Key words: «Vestnik Evropy», the problem of reader, literary criticism, journalism, the novel, I.A. Goncharov.

Журнал «Вестник Европы» известен как один из ведущих публицистических органов в России 60-70-х гг. XIX века. Журналы подобного типа играли важную роль в формировании не только литературной, но и, что важнее, социально-политической жизни русского общества на протяжении всего XIX века. Фактически, любой журнал являлся официальным органом того или иного общественного круга, с помощью которого его представители заявляли о своих социальных взглядах, производили оценку определенных событий отечественной и зарубежной истории, литературных фактов, политических явлений. Не случайно цензура с таким вниманием следила за жизнью периодической печати, в том числе и за содержанием «толстых» журналов, обладавших меньшей оперативностью, чем газета, но не в меньшей степени выполнявших важную социальную функцию формирования общественного мнения.

Вместе с тем, «толстый» журнал XIX века представляет собой яркий пример взаимодействия литературы и общественного самосознания. Художественное произведение, опубликованное в составе прочих материалов того или иного печатного органа, приобретало новое звучание, иначе прочитывалось публикой. Задачей данного исследования является анализ романа И. А. Гончарова «Обрыв» в контексте литературной, социополитической и эстетической программы «Вестника Европы».

Что касается идейной позиции издания «Вестник Европы» в целом, то она определялась установками, заявленными в программных статьях,

содержанием публикуемых материалов, а также принципами организации структуры номеров журнала в целом. Анализ материалов нескольких номеров «Вестника Европы» (№№ 1-5 за 1869 год) позволяет выявить некоторые вполне определенные закономерности в принципе подбора публикаций, а также позицию, занимаемую изданием по отношению к общественному и политическому строю. Информировав жителей России о событиях, происходящих в странах Европы, «Вестник Европы» призывал ориентироваться на европейскую парадигму развития общества в вопросах реформирования социальной и политической жизни российского государства.

Важной составляющей идейной программы «Вестника Европы» являлась позиция журнала по вопросам эстетики и искусства. Несмотря на то, что «Вестник Европы» был журналом социально-политически ориентированным, проблемам эстетики и развития искусства уделялось в нем достаточное внимание. Хотя, нужно отметить, что позиция, занимаемая изданием в этих вопросах, позволяет характеризовать не только эстетические, но и социальные взгляды авторов статей. Например, существенное место на страницах журнала заняли споры о сущности и назначении искусства, вызванные публикацией в 1865 году автореферата диссертации Н. Г. Чернышевского. Чтобы сформулировать свою позицию по этому вопросу, анонимный автор одной из статей «Вестника Европы» обратился к фактам итальянской социальной истории 2-й трети XIX века, а именно, к общественной и литературной деятельности Маццини. Автор акцентировал внимание на том, что в ту эпоху, когда творил Маццини, литература была единственным поприщем, на котором было возможно «путем аллегорий и намеков выражать стремления итальянского общества» и указывать способы социального преобразования, так что литературная полемика обозначала определенное политическое противостояние [5, с. 195]. Очевидно, автор статьи затронул актуальную для России середины XIX столетия проблему возможности участия представителей русского общества в социальной и политической борьбе.

Другой пример тесной взаимосвязи искусства с жизнью общества представляет, по мнению публициста, выступившего под инициалами Л.П., творчество Д. Россини. Произведя революцию в музыке – искусстве, казалось бы, наименее «реальном» из всех искусств, – Россини отразил общий социальный переворот начала XIX века. Вот, по мнению автора статьи, яркий пример того, как в искусстве «сказываются потребности, отзывается дух времени» [6, с. 289].

Еще одно интересное наблюдение обнаружил автор статьи «Декабрьский переворот во Франции», скрывшийся под инициалами И.Н. Речь идет о революционных событиях во Франции в декабре 1868 года, «главным поводом, если не источником» которых явилась публикация

сочинения Тено о перевороте 2-го декабря 1851 года [4, с. 353]. В ней автор описал события недавнего прошлого Франции в соответствии с документальными источниками, чем пробудил в сознании народа память о былом величии и свободе, в результате чего всеобщее недовольство установившимся во Франции политическим режимом достигло кульминационного момента. Книга Тено, по-видимому, спровоцировала политические события во Франции конца 60-х гг. XIX века. Наконец, в статье «Современные мудрецы», написанной Е. Утиным, постоянным корреспондентом и критиком издания, по поводу выхода в свет новой комедии А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», автор прямо заявил, что литература является мерилom, по которому можно судить о нравственном состоянии общества, идеях, стремлениях, интересах, владеющих им [12].

Итак, издание провозглашало тесную связь искусства с развитием общества, его активную роль в осуществлении социальных и даже политических преобразований. В целом, публицистические и критические материалы, помещаемые на страницах издания, представляли собой некую систему, объединенную общностью методологических установок авторов, тематикой их публикаций, а также способами аргументации высказанных положений.

Художественные произведения, публикуемые «Вестником Европы», кажется, не представляют примера подобной системности. Что касается № 1-5 за 1869 год, то одновременно с «Обрывом» Гончарова в «Вестнике Европы» был опубликован роман Ауэрбаха «Дача на Рейне», трагикомедия В. Гуцкова «Нерон» и несколько поэтических опытов А. К. Толстого («Песня о Гаральде и Ярославне», «Песня о трех побоищах»). Эти произведения характеризуют, скорее, желание членов редакции познакомить читателей с различными жанровыми формами, типами художественных конфликтов, затронуть разнообразные темы.

С другой стороны, каждое из названных произведений вписывалось в общую программу издания. Исследование романа «Обрыв» в контексте проблематики и эстетической позиции журнала в целом позволяет предположить, что включение романа в число материалов, опубликованных в «Вестнике Европы», не случайно. Роман «Обрыв» был задуман Гончаровым как роман о художнике. Несмотря на то, что в окончательном варианте на первый план выдвинулся общественный конфликт, тема искусства получила всестороннюю интерпретацию в романе. Судьба творческой личности в современном мире рассматривается Гончаровым на примере образа Райского. Нравственные искания героя, раскрываемые в сюжетных ситуациях и многочисленных диалогах с Аяновым, Верой, Лаврентием, отражают вопросы, занимавшие самого писателя: вопрос о роли искусства и художника в жизни общества, поиск им способа художественного отображения действительности в жанре романа.

Существенную роль в интерпретации заявленной проблемы играют, кроме текста самого романа, критические статьи самого писателя. Например, суждение Гончарова о назначении искусства содержится в статье «Намерения, задачи и идеи романа «Обрыв». В ней романист обращается к разъяснению понятия «долг», утверждая, что «на искусстве лежит серьезный долг – смягчать и улучшать человека». Чтобы достичь этой высокой цели, искусство, по мнению автора, должно освещать скрытые глубины жизни (требование реализма), «обнажать ее основы и весь механизм, – тогда с сознанием явится и знание, как остеречься» [2, VIII, с. 457]. Проецируя это суждение на действие романа, Гончаров заявляет: и драма Веры, история ее «падения, страдания и искупления» дана в назидание всем, кто, обнаружив неправду в «старой жизни», собственными силами хочет доискаться «новой правды», не зная твердо, где и как искать. На примере частной судьбы Гончаров изображает борьбу «старого» и «нового» в жизни, вводит широкий исторический план. Так, в конце романа Райский, окончательно разочаровавшийся в своем призвании писателя, откладывает в сторону черновики романа в надежде, что после смерти художника другой найдет «его бумаги»: «Засветит он, как я, свою лампаду...», – декламирует Райский строки из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» [1, VII, с. 765]. Оканчивая написание летописи, отец Пимен завещает свой труд потомкам в назидание:

Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне грешному. <...>
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду –
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют [8, IV, с. 194].

Аллюзия на Пимена, создателя летописи, позволяет глубже понять тот смысл, который сам Гончаров вкладывал в свой роман. В статье «Лучше поздно, чем никогда» писатель настаивает на том, что три его романа – «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв» – составляют единое целое, и в этой трилогии отразились «как в капле воды <...> периоды русской жизни»: «застой», «сон» и «пробуждение» [2, VIII, с. 104]. Гончаров, как видим, придавал большое историческое значение своей трилогии, буквально уподобляя ее летописному своду.

Признание Гончаровым активной роли искусства в развитии и формировании общественной ситуации соответствовало эстетической программе издания. Что касается общественного пафоса романа, то призыв Гончарова сохранять все жизнеспособное, проверенное временем, устойчивое, что выработала русская патриархальная традиция на протяжении истории, отчетливо звучащий в романе, не совсем вписывался в социально-политическую установку издания. Непосредственно это противоречие сказалось в 11 номере «Вестника Европы» за 1869 год в статье Евгения Утина «Литературные споры нашего времени», написанной по поводу романа «Обрыв» [11]. Что касается восприятия последнего романа Гончарова литературными критиками, то оно было достаточно бурным, но однобоким. Сразу после окончания публикации «Обрыва» журналы один за другим стали публиковать статьи с жесткой критикой как самого произведения, так и идейно-эстетических установок его автора. Более того, редакции не пропускали положительные рецензии на роман, а таковые присылали в редакцию «Русского вестника» Н. И. Соловьев, П. Анненков [3].

Так, статью Н. И. Соловьева, хвалившего роман Гончарова, редактор журнала М. Н. Катков заменил на статью Л. Нелюбова «Новый роман г. Гончарова», вышедшую вскоре после окончания публикации «Обрыва», в которой автор в очень изощренной форме критиковал роман [3, с. 198]. Нелюбов начал свою статью с похвал автору «Обрыва», за которыми, правда, скрывались иронические намеки и даже оскорбления. Так, восхищаясь талантом Гончарова живописать деревенский быт, критик называл писателя «поэтом захолустья» [7, с. 337]. Подробно проанализировав образы героев романа, его сюжет, творческий метод Гончарова в целом, Нелюбов пришел к выводу о том, что роман лишен правдоподобия, основные лица не удалась Гончарову, а история Веры и вовсе «омерзительна по своей лживости» [7, с. 360]. Основной же интерес романа, по мнению критика, заключается не в его содержании, а в посторонних, эпизодических описаниях и характеристиках.

Журнал «Отечественные записки» сразу после окончания публикации «Обрыва» поместил на своих страницах статью «Уличная философия (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрыв»)», без подписи. Автор статьи (впоследствии выяснилось, что им был М. Е. Салтыков-Щедрин) с недоумением замечал, что многие беллетристы, которые в 40-е годы во всеуслышание заявляли о своих либеральных взглядах и преследовали зло во всех его проявлениях, теперь отказались от своих воззрений и перешли на сторону иной морали, называемой им «уличной». Эту мысль, признается критик, ему навеяло чтение романа «Обрыв», автор которого старую жизнь называет «прочной, живой и верной», а новую (в лице Марка Волохова) предает анафеме. В действи-

тельности же, заявляет автор статьи, Гончаров своим романом защищает невежество, «бросает камень в людей за то, что они ищут, хотят стать на дороге познания», поэтому автор «Обрыва» и является, по мнению Щедрина, типичным носителем «уличной философии» [10, с. 159].

Еще более оскорбительная для И. А. Гончарова статья Н. В. Шелгунова была опубликована в журнале «Дело». В названии статьи – «Талантливая бесталанность» – отразилось резкое неприятие романа критиком. Шелгунов заявил, что писатель должен быть общественным деятелем, а тот роман, который не возбуждает у читателя прогрессивного мышления и прогрессивного вывода, может быть написан только отсталым и слабо мыслящим автором. Дав анализ творчества Гончарова в целом, критик пришел к выводу, что талант автора «Обрыва» заключается лишь в умении живописать, и своим последним романом Гончаров подтвердил мастерство художника, но в очередной раз продемонстрировал идейную отсталость. Шелгунов вынес приговор Гончарову как писателю: «В «Обрыве» Гончаров похоронил себя: мир его праху!» [13].

В октябрьском номере за 1869 год журнал «Отечественные записки» снова поместил критический разбор «Обрыва» – статью А. Скабичевского «Старая правда («Обрыв», роман И.А. Гончарова, в 5-ти частях)». Критик, подражая герою «Обрыва» Борису Райскому, сравнивал роман Гончарова со статуей Венеры и заключал, что если рассматривать каждую часть статуи отдельно, то придешь в восторг от той или другой мелочи, исполненной художественности, будь то мизинчик или локон. Если же отойдешь от статуи на некоторое расстояние и взглянешь на нее целиком, то вскрикнешь от ужаса – такое безобразное зрелище представится взору. Так и в романе «Обрыв»: мелкие сцены, лица в их будничной обстановке выписаны с присущей Гончарову тонкой художественностью; в отношении же умственном, нравственном, с точки зрения соединения частей в единое художественное целое, роман безобразен. Основная же вина Гончарова, по мнению Скабичевского, – уродливое, лживое, нелепое изображение как старой, так и новой жизни, нового учения и новых людей, что в действительности повлечет за собой немало разрушенных иллюзий, горя и слез среди тех, кто по неведению и неопытности поверит писателю [9].

На этом фоне статья Евг. Утина (сотрудника «Вестника Европы») отличалась оригинальностью. В ней критик проанализировал причины возникновения в русской литературе и, как следствие, в обществе, борьбы между «старым» и «новым» поколениями. Главную причину этого противостояния Утин усмотрел в отрыве «старых» писателей от действительности, их нежелании и, главное, неспособности понять новые идеи и стремления. К представителям «старого» поколения критик причислил и И. А. Гончарова, в очень корректной форме заметив, что современному

обществу уже неинтересны образы и идеи романа «Обрыв». С прискорбием Утин отметил, что своим романом писатель «несознательно» подключился к той «зловредной литературной клике», которая, используя клевету и искажая реальные факты, борется против «нового» учения и «новых» людей [11, с. 362].

Итак, публицист «Вестника Европы», как и многие другие русские критики, воспринял «Обрыв» как роман антинигилистический, увидел в нем исключительно недоверие Гончарова к нарождающейся в России «новой силе». Между тем, тот факт, что Гончаров опубликовал свой роман именно в «Вестнике Европы», и журнал принял его к печати, позволяет иначе расставить акценты в восприятии самого «Обрыва», а также общественной и эстетической позиции журнала.

Очевидно, момент сопоставления Европы и России стоял на первом месте для Гончарова. В его романе Райский, подобно авторам многих публицистических статей «Вестника Европы», являлся носителем европейского сознания и с высоты этого сознания оценивал события, происходящие в русской Малиновке, и ее обитателей (не случайно постоянное сравнение героинь то с греческой статуей, то с Мадонной). Надо отметить, что именно отъезд в Европу и приобщение к европейскому образу жизни позволили Райскому понять все величие России, и звучащая в финале романа хвалебная песнь России доносится из Европы.

Патриотический пафос романа имеет непосредственное отношение и к прояснению мировоззрения издателей «Вестника Европы»: по всей видимости, для них оказался важным принявший форму романа опыт самого Гончарова, имевшего более, чем кто-либо из современных ему писателей, основания для сравнения России со многими другими странами мира.

Итак, подбор художественных текстов является одним из этапов выстраивания общей программы издания. Это необходимо учитывать, давая характеристику эстетическим и социально-политическим установкам печатного органа. С другой стороны, исследование художественного текста в контексте определенного издания расширяет представление о художественном замысле произведения и о литературном процессе в целом.

Список литературы

1. Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: в 20 т. – СПб.: Наука, 2004.
2. Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1980.
3. Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. – Л.: Искусство, 1991.
4. И. Н. Декабрьский переворот во Франции // Вестник Европы. – 1869. – № 3. – С. 352-399.
5. Италия и Маццини (1808-1868) // Вестник Европы. – 1869. – №1. – С. 175-208.

6. Л. П. Джоакино Россини и его время // Вестник Европы. – 1869. – № 1. – С.285-311.
7. Нелюбов Л. Новый роман г. Гончарова // Русский вестник. – 1869. – № 7. – С. 335-378.
8. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Правда, 1981.
9. Скабичевский А. Старая правда («Обрыв», роман И.А. Гончарова, в 5-ти частях) // Отечественные записки. – 1869. – № 10. – С. 189-237.
10. Уличная философия (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрыв») // Отечественные записки. – 1869. – № 6. – С. 127-159.
11. Утин Евг. Литературные споры нашего времени // Вестник Европы. – 1869. – №11. – С. 347-374.
12. Утин Евг. Современные мудрецы. Комедия А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» // Вестник Европы. – 1869. – № 1. – С. 316-356.
13. Шелгунов Н. В. Талантливая бесталанность («Обрыв». Роман И.А. Гончарова. 1869 г.) // Гончаров И.А. в русской критике: Сб. статей. – М.: ГИХЛ, 1958. – С. 235-276.

**Самообожение мелкого беса
в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского**

В статье рассматривается проблематика самообожения в творчестве Достоевского на примере «Записок из подполья». Повесть прочитывается как история мелкого беса, стремящегося занять место Бога, но теряющего собственную сущность и отвергающего возвращение к Богу через приобщение к другим людям.

The article deals with the problem of self-deification in the works of F.M. Dostoevsky with the «Notes from the Underground» as an example of the problem in question. The novella is read as a story of a petty demon who strives to take over the place of God but loses his own essence and still stubbornly denies a return to God through a union with other people.

Ключевые слова: Достоевский, «Записки из подполья», С. Н. Булгаков, самообожение, «Демон», мелкий бес, бл. Августин, Фома Аквинский, своеволие, свобода воли.

Key words: Dostoevsky, «Notes from the Underground», S.N. Bulgakov, self-deification, Demon, petty demon, St. Augustine, Thomas Aquinas, self-will, freedom of will.

Одним из самых известных понятий в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» является понятие «человекобожие», то есть мысль о том, что человек, «кончивший», по словам Кириллова, Бога и уверовавший в своеволие, ставит самого себя на место Всевышнего. Позже, в 1909 году, С. Н. Булгаков назовет самообожение главным побудительным мотивом современной интеллигенции и основной силой революционного движения и таким образом имплицитно определит жажду самообожения как одну из основных сил истории XX века [4]. В данном случае нас интересует самообожение как искушение, которым библейский змей искушал Адама и Еву в Книге Бытия: «Вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт, 3:5). Смерть также является частью этих представлений – именно ее обещает Бог Адаму и Еве за вкушение яблока; однако основной акцент ставится на обретении этического знания, следовательно, возможности осознанного и свободного выбора и появления у человека свободы воли как одного из основных богоподобных качеств. В «Бесах» именно своеволие становится основным атрибутом человекобога Кириллова:

– Если бог есть, то вся воля его, и из его воли я не могу. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие.

– Своеволие? А почему обязаны?

– Потому что вся *воля стала моя*. Неужели никто на всей планете, кончив бога и уверовав в своеволие, не осмелится заявить своеволие в самом полном пункте? <...> Я *обязан* себя застрелить, потому что самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому. <...> Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет бога, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет бога, и не сознать в тот же раз, что сам богом стал, есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Если сознаешь – ты царь и уже не убьешь себя сам, а будешь жить в самой главной славе. Но один, тот, кто первый, должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет? <...> Я еще только бог поневоле и я несчастен, ибо обязан заявить своеволие. <...> Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – *Своеволие!* Это все, в чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою [5, X, с. 470-472; курсив мой. – Т.Б.].

Однако «Бесы» не являются первым экскурсом Достоевского в эту проблематику. Скорее, первое исследование самообожения на скрещении человеческого и дьявольского – это «Записки из подполья». В «Записках из подполья» проблема самообожения трактуется в отрыве от тематики смерти, но в тесной связи с проблематикой свободы воли, воления и определения мира своей волей. Проблема отсутствия всякой власти подпольного над миром, особенно остро проявляющаяся в его отношениях со своим слугой Аполлоном, носящим пародийно гордое и одновременно имеющее вполне серьезный смысл имя бога солнца [10, р. 171-188], оказывается следствием его желания утвердить – в «теоретической» части своих «Записок» – свое право на полную и абсолютную волю и свое право распоряжаться окружающим и окружающими по собственному усмотрению. Самообожение в «Записках из подполья» связывается, прежде всего, со стремлением утвердить полную и безграничную волю личности – свободу от всяких человеческих связей. Для подпольного человека личность, которая должна бы быть инструментом достижения истинной свободы, свободы от греха, оборачивается стремлением узурпировать свободу Бога и место Бога в мире. Однако подпольный – не просто мелкий чиновник, стремящийся к высотам демонизма. Подпольный – сам черт, и он почти естественно стремится занять место Бога в мире, ведь прецедент был установлен самим Люцифером.

Достоевский подчеркивает дьявольскую сторону подпольного человека, выстраивая необычную параллель между мышью из подполья и величественным лермонтовским Демоном [6, с. 142-156]. Левин, обращаясь только ко второй части повести Достоевского, доказывает, что подпольный человек – это пародия на Печорина. С нашей точки зрения, элемент пародии на «Демона» добавляет к характеру подпольного существова-

другое измерение: подпольный перестает быть пародией на пародию, и его бесовская природа обретает более непосредственное значение.

В начале пути и у подпольного, как и у Демона, есть «вера, надежда, любовь» [5, V, с. 132], которые они затем утрачивают. Оба живут в созданном ими самими аду одиночества (хотя в пространственном отношении ад каждого из них противопоставлен аду другого: Демон летает над миром, тогда как подпольный человек выглядывает из своего подполья; это противопоставление прекрасно соотносится с величественным злом поэмы Лермонтова и мелким бесовством произведения Достоевского). И подпольный человек, и Демон на краткое время возвращаются в мир чувств, сталкиваясь с женщиной: Демон с Тамарой, подпольный человек с Лизой. Однако их дьявольская сторона берет верх, и они соблазняют своих потенциальных спасительниц. («Да и как с молодой такой душой не справиться?» [5, V, с. 156], – размышляет подпольный человек, словно настоящий дьявол, обдумывающий, как ему вернее искусить очередную душу). Оба искусно играют с собственной демонической природой: Демон описывает Тамаре собственное зло, свое космическое одиночество, и говорит ей, что она может вернуть его в мир Божий, а подпольный человек наслаждается, говоря Лизе о собственной ничтожности и зле, подражая, что она может поднять его из подполья. И Демон, и подпольный человек доводят соблазнение до его физического завершения. Любовь Демона буквально убивает Тамару («Смертельный яд его лобзанья // Мгновенно в грудь ее проник. // Мучительный, ужасный крик // Ночное возмутил молчанье» [7, I, с. 573]), а любовь подпольного человека духовно опустошает Лизу. Такое взаимодействие текстов «Записок из подполья» и «Демона» выполняет двоякую цель: с одной стороны, оно возвышает подпольного человека до уровня таких героев, как Ставрогин, Свидригайлов и Иван Карамазов, а с другой стороны, оно отражается на Ставригине, Свидригайлове и Иване Карамазове, обнажая ничтожную и мелкую сторону их величественного зла.

Однако как только подпольный человек утвердился в демонической роли, в его положении немедленно появляется новое свойство: подпольный человек живет в мире, который отрицает Бога и, как следствие, отрицает дьявола. Подпольный человек понимает, что в отсутствии Бога дьявол уходит в небытие; теперь его первостепенная цель – обрести сущность, то есть парадоксальным образом утвердить то, что он пытался ниспровергнуть: Бога и добро, которое и есть та сущность, которой у него нет и в которой он отчаянно нуждается, чтобы продолжать существовать. Демоническая сторона подпольного человека и невозможность для него существовать в мире без Бога находят многочисленные подтверждения в тексте романа. «Хоть бы одно свойство было бы во мне как будто и *положительное*, в котором я сам бы был уверен. <...> И такое себе отрастил бы я тогда брюхо, такой тройной подбородок соорудил,

такой бы сандальный нос себе выработал что всякий встречный сказал бы, смотря на меня: «Вот так плюс! вот так уж настоящее *положительное!*» [5, V, с. 109-110; курсив мой. – Т.Б.]. Эти слова очень похожи на те, которые Достоевский напишет примерно двадцать лет спустя в «Братьях Карамазовых», где черт Ивана Карамазова говорит: «Моя мечта это – воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит» [5, XV, с. 73-74]. Достоевский последовательно связывает такую жажду стать плотью и кровью с дьяволом. «Записки из подполья» раскрывают причину такой связи. Жажда положительного ложно отождествляется с избытком материи, плоти. Самый термин «положительное», использованный в тексте, – это философский термин, часто используемый в описании различий между добром и злом. Начиная с бл. Августина и далее, зло описывается как отсутствие положительного: «...решительно никакая природа не есть зло, и само это имя (зло) показывает только лишение добра» [3, с. 491]. Зло есть отсутствие положительного и, следовательно, черти понимаются как существа, лишённые положительного и отчаянно ищущие его, так как положительное – это то, что позволяет им обрести реальное существование. Когда-то они обладали положительным – когда они были ангелами Божьими, и поэтому они помнят о положительном и жаждут его. Следовательно, и у размышлений черта Ивана Карамазова о том, является ли он галлюцинацией или подлинной сущностью, есть глубокий философский смысл. Черт не просто дразнит Ивана. Он так же не уверен в собственном существовании, как и Иван Карамазов, и подпольный человек. Подпольный человек также говорит о скуке – и мы можем предположить, что скука есть обычное состояние в аду. Это предположение проистекает не только из знаменитого описания Свидригайловым вечности (соотносимой с адом), где она предстает банькой, полной пауками и паутиной. См. статью Чеслава Милоша, где он приписывает этот образ влиянию Августа Сведенборга [11, р. 308-310]. «Записки из подполья» живо описывают адскую сторону скуки: «Конечно, от скуки чего не выдумаешь! Ведь и золотые булавки от скуки втыкаются» [5, V, с. 113]. Золотые булавки – аллюзия на Клеопатру, которая, по легенде, мучила своих служанок, втыкая им в грудь золотые булавки. Но еще золотые булавки предстают пыткой ада, наполненного скукой. И подпольный человек думает и говорит, как дьявол, искушенный в адской скуке. Ср. слова Бердяева: «Скука, невыносимая скука – вот психологическая подпочва новейшего демонизма, вот дьявольская сила, знакомая многим из нас, а скука и есть предощущение небытия» [2, с. 241].

Подпольный человек предвосхищает черта Ивана Карамазова не только в своей жажде положительного, но и в парадоксальном утверждении веры через искушение. Само по себе объективное существование зла свидетельствует об объективном существовании Бога. Открытое призна-

ние объективного существования дьявола привело бы Ивана Карамазова к признанию существования бессмертия и Бога, которого он упорно отрицает. Черт прекрасно это понимает, и как только Иван слышит нечто, что нельзя объяснить его теорией галлюцинации, черт начинает поспешно отрицать собственное существование: «Я хоть и твоя галлюцинация, но, как и в кошмаре, я говорю вещи оригинальные, которые тебе до сих пор в голову не приходили, так что уже вовсе не повторяю твоих мыслей, а между тем я только твой кошмар, и больше ничего» [5, XV, с. 74], – говорит черт. Черту нельзя дать Ивану поверить ни во что, включая самого себя, так как нельзя верить в черта, не веря в существование Бога.

В случае с подпольным человеком проблема состоит в том, что зло не может существовать без добра, без Бога, и подпольный человек, будучи чертом, отчаянно нуждается в положительном, которое есть основа его существования. Достоевский заставляет своего антигероя все четко объяснить так, чтобы не осталось сомнений в дьявольской природе подпольного человека и в том, что в атеистическом мире его существование находится под угрозой. Подпольный человек обнаруживает, что его собственное существование растворяется: «Но что делать, если у меня и злости нет (я давеча ведь с этого и начал). Злоба у меня опять-таки вследствие этих проклятых законов сознания химическому разложению подвергается. Смотришь, – предмет улетучивается, резоны испаряются, виновник не отыскивается, обида становится не обидой, а фатумом, чем-то вроде зубной боли, в которой никто не виноват, а следовательно, остается опять-таки тот же самый выход – то есть стену побольнее прибить. Ну и рукой махнешь, потому что не нашел первоначальной причины» [5, V, с. 108-109].

С исчезновением Бога дьявол и зло тоже исчезают. Зло – это сущность дьявола, и как только зло исчезает, существование дьявола оказывается все более и более под вопросом. В этот момент в тексте появляется слово «фатум» – и это слово также указывает на безбожную вселенную, где не существует ничего, кроме слепых непостижимых сил, законов природы. В этом мире больше нет выбора: как добро, так и зло бесполезны и бессмысленны. Даже если подпольный человек воплотится в человека, эта человеческая оболочка больше не может дать ему необходимого положительного. Это выражается даже физически. Вместо массивного чиновника или «купчихи» Иванова черта подпольный человек становится «шмыгающей фигуркой», которую не замечают у бильярдного стола. Это отождествление положительного с плотью неслучайно; оно проистекает не столько из неспособности черта постичь истинно положительное – это подразумевало бы спасение бесов; к этому вопросу мы обратимся позднее, – сколько из того, что истинно положительного больше не существует в человеческом сознании в том его виде, в каком оно представляется подпольному человеку/демону/мелкому бе-

су. Метафизическая свободная воля – а с ней Бог, бессмертие и вера – испарились с появлением новой материалистической, механистической философии. Следовательно, плоть, избыток материи, которую можно пощупать, увидеть, – это и есть то единственно положительное, что осталось в мире с точки зрения подпольного человека. А для него с его дьявольской природой этого мало. Следовательно, подпольный человек чувствует себя вынужденным провозгласить существование Бога, потому что без Бога его самого бы не существовало. Однако с другой стороны, провозглашение существования Бога противоположно всему, к чему подпольный стремится, так как он все-таки черт, и цель его существования – полученного благодаря существованию Бога – помешать промыслу Божию и разрушить Его творение. Разрешение этого конфликта – не отрицание Бога, но традиционная романтическая узурпация места Бога в мире, давняя мечта черта. Это также объясняет особый тип свободы, который проповедует подпольный человек в противовес заявлениям тех, кто провозглашает отсутствие воли и возможности волеизъявления. Это, как мы уже говорили, – воля, причем, поскольку мелкий бес/ подпольный претендует на божественное место в мироздании, волю свою он явно забирает вопреки установлениям мира, и она оказывается преступной и губительной. Вместе свободы она приносит ему полное закабаление.

Оба аспекта дилеммы подпольного человека – противостояние Богу и провозглашение бытия Божия – выявляются в следующей фразе: «Хотенье ведь черт знает от чего зависит и <...> это, пожалуй, и слава Богу». «Хотенье» подпольного человека – это «своеволие», которое, как он говорит, легко может противоречить интересам самого человека. Мы уже видели, что «своеволие» – это атрибут зла у Шеллинга и, как увидим далее, у Достоевского. Подпольный человек это подчеркивает, используя слово «черт», говоря об источнике хотенья. Возможно, это всего лишь фигура речи, но это фигура красноречивая. Ее значимость еще более усиливается утверждением, что это от черта зависящее «хотенье» – «слава Богу»; и хотя само по себе это высказывание также просто фигура речи, вместе взятые две эти фразы складываются во вполне романтический и шеллингианский взгляд на свободную волю человека: как «своеволие» она есть зло, работа дьявола, и все же она служит вящей славе Божией.

Примечательно то, что первая часть тирады подпольного человека наполнена философскими терминами, используемыми в рассуждениях о существовании Бога. Достоевский, однако, сочетает эти термины со своим собственным взглядом на зло и на проблему обожения и самообожения. Следующий пример особенно интересен в этом отношении: «Я упражняюсь в мышлении, а следственно, у меня всякая первоначальная причина тотчас же тащит за собою другую, еще первоначальнее, и так далее в бесконечность. <...> Значит, он [человек. – Т.Б.] первоначальную причину нашел, основание нашел, а именно: справедливость. <...>

Злость, конечно, могла бы все пересилить <...> и, стало быть, могла бы совершенно успешно послужить вместо первоначальной причины именно потому, что она не причина [5, V, с. 108].

«Мышление», несомненно, означает философию. «Первоначальная причина» – традиционное философское определение божества. Цепочка причин – это часть одного из доказательств существования Бога, таково, например, второе доказательство бытия Божия у Фомы Аквинского в «Сумме теологии». Однако подпольный человек отказывается признать эту первоначальную причину, то есть Бога, и, как следствие, он приходит к той самой бесконечности, которую философы стремились избежать. Чтобы подчеркнуть тот факт, что «первоначальная причина» подпольного человека – это Бог, Достоевский называет эту причину «основанием», другим термином, традиционно прилагательным к Божеству, а далее определяет «первоначальную причину» и «основание» через еще один традиционный атрибут Бога – «справедливость». Бог справедлив, Бог есть справедливость. А затем раскрывается и причина, по которой подпольный человек отказывается признать Бога, – это «злость», стремящаяся занять место первоначальной причины, вполне сознавая, что на самом деле она не первоначальная причина. Таким образом, подпольный человек предстает во всем своем великолепии – как черт, чье безнадежное стремление к самообожению принимает форму узурпации места Бога в мире. Он пытается подставить себя самого на место «первоначальной причины», потому что именно это он пытался сделать всегда. Важно также то, что находит «первоначальную причину» «человек», в противоположность черту, то есть подпольному человеку. Подпольный человек не может найти Бога, потому что ищет его не по тем причинам.

Отправная точка подпольного человека – свобода и свободная воля. Однако в его понимании, в понимании черта, свобода воли – это своеволие, и его нападки на разум основываются не только на полемике с фанатично преданными разуму позитивистами; своеволие, в отличие от свободной воли, добровольно подчиняемой Богу, – единственная доступная ему форма свободы. Именно поэтому его монолог наполнен выражениями типа «я не хочу», что также напоминает об Иване Карамазове, для которого «я не хочу» было единственным аргументом в защиту его поведения, его страстных тирад против мира Божьего и его отказа принять этот мир. Подпольный человек заявляет: «Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хотя бы даже до сумасшествия, – вот это-то и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту» [5, V, с. 113].

Все системы и теории вовсе не случайно разлетаются к черту; хотенье, которое утверждает подпольный человек, не может привести куда-то еще, если только оно не просвещено «верой, надеждой, любовью», которые у подпольного когда-то были и которые он потерял. Такое хотенье соответствует желанию подпольного человека/черта самообожиться, то есть узурпировать место Бога в мире. Именно своеволие стремится занять место воли Бога. Однако несмотря на то, что теперь, когда существование Бога отрицается, эта задача кажется легче легкого, подпольный человек обнаруживает, что оказался в том положении, когда своеволие, оставшееся без поддержки воли Божества, приводит только к бесплодным взрывам разрушительной энергии, ни к чему не ведущей и совершенно бесполезной в поиске существования и положительного. Подпольный человек все еще стоит перед каменной стеной природы без Бога, которая делает его мелким, ничтожным и по сути несуществующим.

Об этом писал Н. А. Бердяев: ...«"демоническое" самоутверждение личности есть самообман, за которым скрывается уничтожение личности, отрицание объективной реальности личности, скрывается безличность. Демонический индивидуализм есть, прежде всего, отрицание *индивидуальности* путем себялюбивого ее раздувания, уклон к обезличению и небытию. Смерть никогда на этом пути не побеждается. <...> Могущественная человеческая сверхличность, о которой так мечтает демонизм, умалится до сознания подчеловеческого, если не сумеет связать себя с бытием универсальным, если не впитает в себя мировую жизнь; в своей отделенности и самообожании она идет к бедности, пустоте и смерти. Демоническое в личности, если исключить богоборчество праведное и угодное Богу, есть обманчивое, ложное, призрачное бытие» [2, с. 240-241].

Единственный возможный выход для подпольного человека – это выход к Богу через возвращение к людям, через установление истинно человеческих, братских, равноправных отношений с другим человеком. Такая возможность представляется подпольному в образе Лизы, но подпольный, для которого отношения между двумя людьми могут существовать только в форме «хозяин – раб», жаждет установить свое господство над Лизой, чтобы компенсировать унижения, которые он терпит от всех остальных, включая собственного слугу Аполлона.

Прочтение подпольного как мелкого беса может подвергнуть сомнению самую возможность обретения спасения для подобного существа, традиционно находящегося вне путей и возможностей спасения. Однако такой неожиданный поворот оказался возможным, например, для Оригена, который утверждал, что любое существо, обладающее свободной волей и разумом, в том числе и злые духи, способно к совершенствованию

[8, с. 77–78]. В русской народной легенде отшельник заставляет беса спеть ангельский гимн, и как только бес начинает гимн, он преображается в ангела и поднимается на небеса [1, с. 126]. В сборнике статей «Роман Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы". Современное состояние изучения» основополагающей концепцией становится представление об апокалипсисе как центральной религиозно-философской идее последнего романа Достоевского. Наш анализ «Записок из подполья» позволяет предположить, что мысль о всеобщем восстановлении косвенно интересовала Достоевского и в более ранних его произведениях.

Достоевский утверждает, что человек существует не только в своих отношениях с Богом, но и в своих отношениях с людьми, и две эти оси определения человеческого бытия взаимосвязаны. Теряя Бога, человек теряет способность быть частью человечества, но и уходя от человечества, человек уходит от Бога, поэтому и путь к Богу может лежать через осознание своей принадлежности к человечеству и своей ответственности за и перед людьми (именно такой путь предлагается подпольному человеку), а путь к людям может лежать через путь к Богу (так Алеша Карамазов осознает свою ответственность за все мироздание в мгновение своего религиозного экстаза). Именно этот путь приобщения к Богу через людей и отвергает подпольный.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. – Новосибирск, 1990.
2. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. – М.: Молодая гв., 1991. – С. 219-241.
3. Бл. Августин. О граде Божиим. Кн. I-XIII. – СПб.: Алетейя, 1998.
4. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России 1909-2000. – М., 2007. – С. 57-108.
5. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972-1990.
6. Левин В. И. Достоевский, 'подпольный парадоксалист' и Лермонтов // Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. – 1972. – № 31. – С. 142-156.
7. Лермонтов М. Ю. Соч.: в 2 т. – М., 1988.
8. Ориген. О началах. – СПб.: Амфора, 2000.
9. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. – М.: Наука, 2007.
10. Jackson R. L. The Art of Dostoevsky. Deliriums and Nocturnes. – Princeton, 1981.
11. Milosz C. Dostoevsky and Swedenborg // Slavic Review. – 1975. – Vol. 34. – P. 302-318.

Траектории «метельного» текста (толстовское присутствие в творчестве Б. Пастернака)

Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по образованию (Рособразования) в рамках исследовательского проекта 2.1.3/12071 «Универсалии русской литературы (XVIII – начало XX вв.)».

В статье рассматривается, как традиционная для русской литературы семантика метели-судьбы и метели-страсти приобретает в творчестве Б. Пастернака новые оттенки. Выявляются образно-мотивные ряды, корреспондирующие с метелью, исследуется трансформация пушкинского и толстовского «мифов о метели».

In the article is considered, how traditional for Russian literature semantic of snow-storm-fate and snow-storm-passion receives new tones in the works of B. Pasternak. The picturesque-motive lines, which are corresponded to snow-storm, are reveals; the transformation of Pushkin's and Tolstoy's «myth about snow-storm» is investigated.

Ключевые слова: метель-страсть, метель-судьба, Б. Пастернак, «Доктор Живаго», «Детство Люверс», Л. Толстой.

Key words: snow-storm-fate, snow-storm-passion, B. Pasternak, «Doctor Zhivago», «Childhood of Luvers», L. Tolstoy.

Мотив метели-страсти, начиная с «Анны Карениной», прочно обоснуется в русской литературе. Расцвет этой коннотации метели приходится на первые десятилетия двадцатого века и связан с творчеством А. Белого, А. Блока, Б. Пастернака. «Метельный» текст в «Зимней ночи» Пастернака демонстрирует уже знакомый образный ряд: метель / свеча / окно / судьба / деформация пространства / страсть. Сопряжение метели с оконным и огненным мотивами у Толстого очевидно в «метельных» сценах его обоих романов: это неожиданно распахнувшееся окно в комнате княжны Марьи, когда ветер гасит горящую свечу и через это же окно няня видит едущего по «прешпекту» князя Андрея; это окно вагона, в котором едет Анна, в окно задувает ветер и светит «красный огонь», слепящий глаза. В стихотворении Пастернака свеча изнутри освещает окно, как магнит притягивая к себе природную стихию: «Как летом роем мошकारа / Летит на пламя, / Слетались хлопья со двора / К оконной раме» [7, III, с. 526]. Пространство дома, освещенное свечой-жизнью / любовью-страстью, размыкается во вне, в законное пространство: происходящее внутри максимально созвучно происходящему снаружи. Подобная взаимная проницаемость локусов обращает к «метельному» сюжету «Анны Карениной», однако у Толстого она связана с абсолютно

иными смыслами. У Пастернака та же метель, как бы притянутая страстью-любовью, напротив, – сила созидательная, союзная влюбленным. Метель и свеча – одна в локусе законном, внешнем, другая в локусе домашнем, внутреннем – действуют сообща, оберегая таинство любви: «Метель лепила на стекле / Кружки и стрелы. / Свеча горела на столе, / Свеча горела» [7, III, с. 526]. Здесь не только переключки с Толстым, здесь у Пастернака – свое личное, особенное, связанное у поэта с чрезвычайной чуткостью «к символике пространства и перемещений в пространстве», отмеченной В. Абашевым и другими исследователями его творчества. В восприятии Пастернака «пространство в высшей степени неоднородно в ценностном и смысловом отношении. Оно зернистое, мозаичное, сложно структурированное <...> особенно чувствителен Пастернак к границам, узлам и складкам пространства, где встречаются, сталкиваются и соотносятся разноприродные локусы <...>. Поэтому такое значение в его поэтическом мире играет окно» [1, с. 220].

Взаимопроницаемость локусов дома и метели обращает к первоосновам, перенося происходящее с бытового плана в онтологический: «И все терялось в снежной мгле, / Седой и белой. / Свеча горела на столе, / Свеча горела» [7, III, с. 527]. Хотя в этом стихотворении метель не связана напрямую с мотивом угрозы / возмездия, традиционный, пушкинский, мотив судьбы ей, безусловно, сопутствует и омрачает «метельное» будущее влюбленных. Эмблематичны послания судьбы, среди которых не только символ вписанности в бесконечный круг бытия, «отражение того, что происходит в комнате ... древнейшая и всепонятная символика любви, взаимопроникновение мужского и женского начал [9, с. 195], но эмблема зловещая: стрелы, которыми могут быть пронзены не только сердца любящих, но и их судьбы. Свеча действует, как всегда в этом тексте, параллельно с судьбой: на «озаренном» ею потолке читаются «судьбы скрещенья». Жар соблазна походит на ангела смерти или возмездия: в «крестообразном» «вздыхании» его «крыл» читается грядущая расплата. Метель и свеча замыкают круг судьбы, бесконечность и неотвратимость ее проявлений. В этом вихревом вращении по кругу, обозначенном самой композицией «Зимней ночи», прочитываются пушкинские «Бесы», финал которых также обращен к началу. Инфернальный вариант развития сюжета метели спрятан Пастернаком в подтекст, но весьма реален. Не случайно это одно из стихотворений Юрия Живаго, роман о котором вплотную связан с историей. Напомним, что проекция хаотического варианта метельного сюжета в план истории означает «трагическую неразрешимость важнейших проблем бытия» [10, с. 194], одним из главных мотивов звучащую в «Докторе Живаго». С этим сопряжен толстовский мотив потерянного дома, также свойственный роману Пастернака.

«Зимнюю ночь», «Рождественскую звезду» и «довольно много других стихотворений близкого рода» Юрий Живаго записал в Варыкине, в последние дни его жизни с Ларой. В главах, описывающих эту «торжест-

вующую чистоту существования» [7, III, с. 430], мотив «потерянного дома» звучит особенно ясно. «Бивуачность нашего жилья действительно фальшива и взвинчена, – замечает Живаго. – Угорелое метание – участь всех, это в духе времени» [7, III, с. 429]. Оба влюбленных отдают отчет в божественном происхождении их чувства, ощущают себя избранными, а затерянность в занесенном снегом Варыкине поддерживает бытийный контекст происходящего: «Дар любви, как всякий другой дар. Он может быть и велик, но без благословения он не проявится. А нас точно научили целоваться на небе и потом детьми послали жить в одно время, чтобы друг на друге проверить эту способность. Какой-то венец совместимости, ни сторон, ни степеней, ни высокого, ни низкого, равноценность всего существа, все доставляет радость, все стало душою» [7, III, с. 428]. Однако в этом даре любви таится опасность – страсть, смертоносная, как любая другая стихия. Слова Лары ложатся на текст «Метельной ночи», перенесенной на бумагу после разговора Живаго и Ларисы Федоровны о любви / страсти / стихии: «Но в этой дикой, ежеминутно подстерегающей нежности есть что-то по-детски неукротенное, недозволенное. Это своевольная, – разрушительная стихия, враждебная покою в душе» [7, III, с. 428]. Вот она – судьбоносная взаимопроницаемость дома и законного пространства, которое в стихотворении Юрия Живаго символизирует метель. Страшный поворот судьбы предчувствует Лара: «...Я предчувствую, что нас унесет скоро куда-то дальше». Чрезвычайно любопытно, что в прозаическом тексте романа метель как воплощение страсти-судьбы отсутствует. Последние ночи в Варыкине, ночи творчества, ясны и звездны, полны огня: «Белый огонь, которым был объят и полыхал незатененный снег на свету месяца, ослепил его». Слепящий огонь имеет звуковое сопровождение: он сочетается с протяжным волчьим воем – «представлением вражьей силы, поставившей себе целью погубить доктора и Лару или выжить их из Варыкина». Белому огню незаконного топоса противостоит «яркий» и «приветливый» огонь лампы, заменяющей свечу в прозаическом тексте романа. Со свечой сравнивается сам Юрий Живаго, и это сравнение принадлежит Ларе: «А ты все горишь и теплишься, свечечка моя ярая!» [7, III, с. 432], – говорит она ему среди ночи. Стоит вспомнить, что сама Лара, в юности встречаясь с Пашей Антиповым, любила «разговаривать при зажженных свечах», и огонек свечи протаивал «черный глазок» «во льду оконного стекла» [7, III, с. 80]. Начало стихотворения «Зимняя ночь» родилось у юного Юрия Живаго как предчувствие судьбы в тот момент, когда, проезжая по Камергерскому на елку к Свентицким, он увидел этот огонек свечи, «проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало» [7, III, с. 82].

Таким образом, метель, вытесненная из прозаической 14 части романа в его последнюю, 17 часть, отождествляется со страстью / любовью

и неумолимой судьбой, уже начертавшей «свой распорядок действий», не зависимый от воли влюбленных. Метель в «Докторе Живаго» появляется не единожды и всегда демонстрирует свой судьбоносный характер, явно отсылая читателя к пушкинскому «метельному» тексту, в котором она выступает как «стихия умная, мудрейшая самого человека» [4, с. 103], в случайном вскрывающая закономерное. Такая символика судьбы как нельзя лучше соответствует самой художественной структуре романа Пастернака, «главная наиболее резко бросающаяся в глаза черта» которого, по замечанию Б. М. Гаспарова, «состоит в нагромождении всевозможных совпадений, случайных встреч и стечений обстоятельств, которые сами герои романа то и дело вынуждены объявлять «немыслимыми» и «невероятными» и которые, однако, составляют едва не главную пружину сюжета» [3, с. 241]. Но ведь если не найти верный ракурс прочтения пушкинской повести «Метель», не понять ее главную идею, тесно увязанную с образом метели, то события из жизни Марьи Гавриловны превращаются в романтически-тривиальную историю. Так и относительно романа Пастернака: за «удивительными» совпадениями, «типичными для поэтики романа», стоит отмеченная Б. М. Гаспаровым полифоничность его построения, «совмещения различных образных рядов в едином контрапункте» [3, с. 245].

Подобная метафизика случая включает «Доктора Живаго» в пушкинскую и толстовскую традицию: в «метельных» произведениях этих писателей случай играет принципиальную, сюжетообразующую роль. Соответственно, пастернаковские метели вовсе не попадают в разряд «неестественных», как иронично назвал их Набоков. Образ-символ метели как нельзя лучше соответствует понятиям истории и судьбы, воплощенным в романе: «нелинейности», полифоничности, скрещению разнонаправленных потоков. Одним из символических воплощений судьбы Б. М. Гаспаров называет «излюбленный Пастернаком образ железнодорожного разъезда»: при подъезде семьи Живаго к Юрятину поезду «никак не удастся пересечь» «открытое поле» «из-за бесконечных «контрапунктных» маневрирований» [3, с. 249]. Одну из «железнодорожных» сцен – отъезд семьи Живаго в Юрятин – как раз сопровождает метель: «Снегопад завешивал улицу до полу своим белым сползающим пологом, бахромчатые концы которого болтались и путались в ногах у пешеходов, так что пропадало ощущение движения и им казалось, что они топчутся на месте» [7: 3, 213]. В пастернаковской метели на вокзале ощутимо толстовское присутствие: «страшная буря», которая «рвалась и металась на железнодорожной станции», предсказывающая трагическое будущее героини. Эмблематичность железной дороги присутствует в творчестве обоих писателей; станция Астапово, ставшая последней в бытийном движении Льва Толстого, играет исключительную роль в ряде

произведений Пастернака: это «тупик, в котором судьба поэта переплетается с судьбами Рыльке и Льва Толстого» [3, с. 245].

Описанием бури / дождя открывается роман. Десятилетний мальчик Юра Живаго поднимается на могильный холмик матери и на него налетает облако, пролившееся дождем. «Закрыв лицо руками, мальчик зарыдал. Летевшее навстречу облако стало хлестать его по рукам и лицу мокрыми плетьюми холодного ливня» [7, III, с. 7]. Это живое облако, как бы совершающее вполне сознательные действия по отношению к герою романа, появляется в сцене свидания Ларисы Федоровны и Юрия Живаго в Юрятине: оно трансформируется в «черную завесу» из земли и мусора, скрывающую от доктора Лару. Облако – «черно-лиловая туча» – разразилось грозой в сцене смерти Живаго. «Гроза является повсеместно распространенным в мифологии архетипическим символом поединка сакрального героя (Персея, Перуна, Георгия) со змеем-драконом-тучей, то есть соответствует образу, появляющемуся и в стихах Живаго, и в целом ряде моментов, описывающих взаимоотношения героя и Лары» [3, с. 249]. Из таких туч, «черных, как хлопья летящей копоты», зимой сыпется снег «в судорожной поспешности какого-то белого помешательства» [7, IV, с. 355]. Снег сменяет дождь в ночь похорон матери Живаго. Снежная буря, как и дождь, обращается именно к Юре и стучит в окно. Стук заставляет мальчика думать о маме и ее смерти, он вызывает «желание одеться и бежать на улицу, чтобы что-то предпринять». Мистический контекст происходящего усиливается тем, что действие происходит в монастыре, накануне праздника Покрова Богородицы. Стук на фоне бури носит значение мистического сигнала и корреспондирует с темой смерти: «общераспространенным смыслом данного образа... и в мифологии, и в художественной литературе является посещение дома *ангелом смерти* (курсив автора. – К.Н.)» [3, с. 255]. Б. М. Гаспаров показывает, как через ряд эпизодов мотив стука связывает смерть матери Живаго и его собственную смерть. Продолжить образно-мотивные ряды может и сопоставление «ангела смерти», стучащего в окно, с «ангелом соблазна», «крестообразно» вздымающим «два крыла» в «метельном» стихотворении «Зимняя ночь».

К упомянутым эпизодам метели / бури / грозы присоединяются налет драгунов на митингующих, среди которых находится мальчик Паша Антипов, и вьюга, сопровождающая визит Комаровского к Юрию Андреевичу и Ларисе Федоровне, который подтолкнул их к отъезду в Варыкино. Все эти эпизоды предваряют повороты судеб персонажей, во всех буря / вьюга носит inferнальный характер, поддерживающийся мотивами деформации пространства, потери пути, противодействия стихии человеку, игры черного / белого. От бессмысленных попыток противостояния стихии к слиянию с ней – такова логика «метельного» текста романа, которой следует его главный герой. Талант Юрия Андреевича,

как созвучие тому, «что находится над ним и управляет им», занимает место «начисто отсутствующей воли» (как об этом сказано в письме Тони), обращая все душевные силы персонажа на наблюдение и вслушивание. Д.С. Лихачев, говоря о Живаго, употребляет слова из «метельного» текста романа: «... доктор Живаго безволен далеко не во всех смыслах, а только в одном – в своем ощущении громадности совершающихся помимо его воли событий, в которых его носит и *мятет* по всей земле» [6, с.10] (курсив мой. – К.Н.). «Примечательно, что у Пастернака, как и у Блока в «Двенадцати», основным образом-символом революционной стихии является метель с ее бесчисленными снежинками и пронизывающим холодом как бы из межзвездного пространства» [6, с. 13]. В этом Пастернак – наследник пушкинской и толстовской традиций. Историческое событие в его понимании отличается неизбежностью и неотвратимостью, «истории никто не делает, ее не видно, как нельзя увидеть, как трава растет». Отсюда – соотношение истории с метелью, родившееся у Пушкина и перевоссозданное Толстым.

Пушкинский и толстовский «миф о метели» составляет часть метельного текста «Детства Люверс», являющего собой первый опыт воплощения темы метели Пастернаком в прозе. В повести возникает имя Пушкина, которое связывается с зимой и метелью. Взглянув в окно на прояснившуюся после метели и блистающую снегом улицу, Женя «стала думать о Пушкине». Пушкинские аллюзии Л. Л. Горелик обнаруживает в самом описании метели; в женином чувстве неудовлетворенности от затянувшейся осени прочитывает стихи из «Евгения Онегина». Пушкин, в концепции исследователя, «для Жени (и автора) – знак гармонии жизни, естественной смены времен года и состояний человека, когда метель и блистающие снега приходят в свой черед» [5, с. 274]. Знаком оппозиции гармоническому восприятию жизни в повести становится Лермонтов, высвечивающий идею «о необходимости дисгармонии для поддержания гармонии» [5, с. 274]. Из двух оппозиционных начал складывается, по мнению Л.Л. Горелика, семантика метели в повести: «В метели Б. Пастернак видит одновременно и ведущую к гармонической жизни амбивалентность, свойственную природе вообще (жизнь – смерть), и восставшую против гармонии испепеляющую страсть, также вступающую в антиномические отношения с жизнью и тем самым дополняющую ее <...>. Помимо пушкинского значения судьбы-смерти, метель имеет у Б. Пастернака значение страсти» [5, с. 275].

Нельзя не согласиться с исследователем, однако рецепция метели как страсти связана у Пастернака не только с Лермонтовым, но и с Толстым, метельные эпизоды двух романов которого составляют подтекст жениного восприятия вьюги и родов матери. Все случившееся с Женей в метель является одним из этапов взросления, превращения девочки в «маленькую женщину». Толстовская Анна тоже переживает трансфор-

мации – начинается ее «раздвоение», из глубин души поднимается «бесовское» начало. Напомним, что Анну «ужас метели» приводит в «волшебное напряженное состояние», в нем она находит «что-то радостное, жгучее и возбуждающее» [8, с. 118]. Инфернальный характер вьюги тонко ощущает и Женя; жажда разрушительной деятельности овладевает ею, как Анной: «Ей захотелось бесноваться на манер беснующейся вокруг непогоды». Метель у Пастернака до неузнаваемости деформирует пространство, усиливая его чуждость человеку, с чем соседствует мотив безумия: «Улицы стали неузнаваемы: улиц просто не стало. Сразу наступила ночь, и город, обезумев, зашевелил несметными тысячами толстых побелевших губ». Как в лирике Пастернака снежный мир приобретает черты маски, слепка, памятника, надгробья [2, с. 34–35], так и в прозе мертвенность, нежизнеспособность становятся главными характеристиками вьюжного локуса: «Небо тряслось, и с него валились белые царства и края, им не было счета, и они были таинственны и ужасны. Было ясно, что эти неведомо откуда падавшие страны никогда не слышали про жизнь и про землю, и, полуночные, слепые, засыпали ее, ее не видя и не зная». Смешение ужаса и восторга как бы достается Жене в наследство от Карениной: «Они были упоительно ужасны, эти царства; совершенно сатанински восхитительны. Женя захлебывалась, глядя на них». Кроме того, в «метельном» тексте Пастернака, как в зеркале, отражается знаменитый толстовский мотив «переворотившегося мира», символом которого становится вьюга: «*Все смешалось* (курсив мой. – К.Н.). Ночь ринулась на них, свирепея от низко сбившегося седого волоса, засекавшего и слепившего ее» [7, IV, с. 72]. Этому знаменитому «все смешалось» соответствует у Пастернака и почти толстовское описание беспорядка в доме, предшествующего беде: «На столе валялось много яичной скорлупы, и перечница, вынутая из судка, не была поставлена на место, и много перцу было просыпано на скатерть, на вытекшие желтки и в жестянку с недоеденными «серединками» <...> Мать <...> сидела грустная-прегрустная» [7, IV, с. 72–73]. Кроме мифопоэтического отождествления яйца с жизнью, которое в этом контексте прочитывается как разбитая судьба, в скорлупе яиц отражаются лед и снег, сближающиеся с нею своей белизной и хрупкостью. Метель провоцирует быструю смену настроения у Жени, что характерно и для эмоционального состояния толстовской героини.

Анна пробует читать и вникать в содержание книги; но безумная круговерть метели отражается в ее сознании и оно начинает путаться, Каренина находится в состоянии полубреда-полусна: «Она чувствовала, что нервы ее, как струны, натягиваются все туже и туже на какие-то завинчивающиеся колышки. Она чувствовала, что глаза ее раскрываются больше и больше, что пальцы на руках и ногах нервно движутся, что в груди что-то давит дыханье и что все образы и звуки в этом колеблю-

щемся полумраке с необычайной ясностью поражают ее. На нее беспрестанно находили минуты сомнения, вперед ли едет вагон, или назад, или вовсе стоит. Аннушка ли подле нее или чужая? <...> И что я сама тут? Я сама или другая?» [8, с. 115]. Подобное происходит и с Женей, пытающейся решить задачу: «Она не заключила периода в скобки. Она продолжала деления, выписывая период за периодом. Этому не предвиделось конца. Дробь в частном росла и росла. «А вдруг корь повторяется, – мелькнуло у нее в голове. – Сегодня Диких говорил что-то про бесконечность». Она перестала понимать, что делает. Она чувствовала, что нынче днем с ней было что-то такое, и тоже хотелось спать или плакать, но сообразить, когда это было и что именно, не могла, потому что соображать была не в силах» [7, IV, с. 74]. «Свои московские воспоминания» [8, с. 114] пытается обдумать и Анна, у нее усиливается «чувство стыда», но она, как и Женя, в данный момент «решительно не может понимать» [8, с. 115].

Каренина читает английский роман, Женя берется за «Сказки Кота Мурлыки» Н. П. Вагнера. Придя за «взрослой книгой» в мамину спальню, девочка наблюдает трансформацию пространства и предметов: «Пахло фиалкой, и шкаф был иссиня-черен, как ночь на дворе и как тот сухой и теплый мрак, в котором двигались эти леденеющие блистания. Одинокую бусиной сверкал металлический шар кровати. Другой был украшен наброшенной рубашкой. Женя прищурила глаза, бусина отделилась от полу и поплыла к гардеробу. Женя вспомнила, зачем пришла» [7, IV, с. 75]. Происходящее с Женей вновь параллельно тому, что переживает толстовская героиня: «...опять все мешалось... Мужик этот с длинною талией принялся грызть что-то в стене, старушка стала протягивать ноги во всю длину вагона и наполнила его черным облаком <...> она (Анна. – К.Н.) поднялась и опомнилась» [8, с. 115–116].

Обе героини «метельных» текстов – Анна Каренина и Женя Люверс – находятся в состоянии «измененного сознания». Экстатические состояния сознания в творчестве Пастернака В. Абашев связывает с мотивом «севера»: «В мире Пастернака ‘север’ присутствует как топос сказочного, магического, он связан с вдохновением и творчеством. Говоря словами автора, север – это страна “наитий”» (курсив автора. – К.Н.) [1, с. 266]. Исследователь указывает, что «север» представлен в повести не только метонимически – «зимой», «снегом», «метелью», «бураном», «холодом», но и «анаграмматической инвертацией имени героини: *Люверс – Север*» [1, с. 266]. «Магически-северную» компоненту имени Люверс В. Абашев соотносит с эпизодом «андерсеновской снежной ночи в Екатеринбурге», чтением Женей «Сказок Кота Мурлыки» и самим определением «сказочный», возникающим в повести. Экстатическое состояние Анны тоже отчасти спровоцировано вьюгой, что подтверждает устойчивая связь измененных состояний сознания персонажей Толстого

с бурей / метелью: герой-повествователь рассказа «Метель» видит провидческие сны, Василий Брехунов, находясь в экстатическом состоянии, жертвует собой ради своего работника Никиты и во сне встречается с Создателем, объясняющим ему смысл жизни.

У Пастернака метель – одно из многочисленных проявлений «трансцендентной истины», «небывалого», «запредельного и вечного» [3, с. 265], данное человеку как форма откровения и «узнавания все нового и нового о себе и о жизни». Подобную рецепцию метели в повести Пастернака определяет и сама фамилия героини, этимологически связанная с «швейно-текстильным» мотивом (люверс – «это морской термин, заимствованный из голландского и обозначающий крепежную петлю на парусе» [1, с. 266], свойственным всему «метельному» тексту русской литературы. Отождествление снегопада с «пологом», «занавесом», а снежного покрова с «ковром», «покрывалом», изначально присущее большинству «зимних» стихотворений русских поэтов, означает созидательную работу зимы / метели, включенную в мифопоэтический контекст «тканых» мотивов, включающих в себя представление о мироздании / жизни / судьбе как спряденной, сотканной нити. Это сходство зимы / метели с тканью обнаруживается у Пастернака не только в прозе, где оно репрезентируется через метафорические образы «полога», «мотков» «ткани», «пелен», «савана», «завесы» как в «Детстве Люверс», так и в «Докторе Живаго», но и в лирике: «У Пастернака ... сходство с тканью <...> обращено к зиме, которая то «вяжет из хлопьев чулок», то в «заплатанном сарафане» спускается с небес, то свисает «занавеса бахромой», то ложится «тесьмой густою», – одним словом, входит в разряд “материй, из которых хлопья шьют”». Эти «тканые метафоры» М. Эпштейн и Е. Юкина объясняют «эластичностью», «пластичностью» пастернаковской зимы, которым соответствует образ ткани [9, с. 94]. Однако исследователями отмечена и «бурная деятельность», «хлопотливость» этой зимы: «... она у него нечто вроде пряжи, мастерицы, хозяйюшки», она прилагает «рабочие усилия по выделыванию вещи из хаотической материи. Она любит подсматривать, как из ничего образуется нечто, – чудесный момент отливки новой формы, еще мягкой, дышащей, не ожесточенной углами» [9, с. 195]. Мифопоэтическое отождествление зимы / метели с пряжей, создающей чью-то судьбу, в XIX столетии было спрятано в подтекст, в большей степени подразумевалось, чем проговаривалось: о ней свидетельствовало само уподобление метели судьбе, а снегопада и покрытого землей снега всевозможным тканым покровам. В прозе эта ассоциативная связь была нагляднее всего выражена у А.П. Чехова в рассказе «Ведьма», где метель была соотнесена с деятельностью самой героини: шитьем. Можно предположить, что у Пастернака эта связь выражена столь отчетливо благодаря рецепции зимы / метели как стихии-труженицы, целеустремленной, творчески актив-

ной, придающей сущностям формы и тяготеющей к деятельной, судьбоносной коммуникации с человеком. Она совсем не та, какой кажется при поверхностном приближении: «И белому мертвому царству, / Бросавшему мысленно в дрожь, / Я тихо шепчу: “Благодарствуй, / Ты больше, чем просят, даешь”» [7, II, с. 97].

Таким образом, традиционная семантика метели-судьбы и метели-страсти вновь воссоздается в творчестве Пастернака, приобретая новые оттенки: только зимняя стихия может рисовать и чертить, «вступать в переписку с человеком» [9, с. 196], что усиливает ее благорасположение к тому, кто сквозь внешнюю отчужденность и «мертвенность» прозрел ее созидательный, щедрый характер и собственным творческим усилием откликнулся на призыв.

Список литературы

1. Абашев В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. – Пермь, 2008.
2. Баевский В. С. Б. Пастернак – лирик: основы поэтической системы. – Смоленск, 1993.
3. Гаспаров Б. М. Очерки по русской литературе XX века. – М., 1993.
4. Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. – Томск, 1997.
5. Горелик Л. Л. Пушкинский «миф о метели» в повести Б. Пастернака «Детство Люверс» // Русская филология. Учен. зап. Смоленского гос. ун-та. – Смоленск, 1994. – Т. 1. – С. 265–278.
6. Лихачев Д. С. Размышления над романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Пастернак Б. Доктор Живаго. – М., 1989. – С. 7-24.
7. Пастернак Б. Л. Собр. соч.: в 22 т. – М., 1981.
8. Толстой Л. Н. Анна Каренина // Л. Толстой. Собр. соч.: в 22 т. – М., 1981. – Т. 8.
9. Юкина Е., Эпштейн М. Поэтика зимы // Вопросы литературы. – 1979. – № 9. – С. 169–201.
10. Юртаева И.А. Мотив метели и проблема этического выбора в повести Л.Н. Толстого «Хозяин и работник» // Литературный текст: проблемы и методы исследования. Аспекты теоретической поэтики. – Москва; Тверь, 2000. – С. 192–201.

Жизнетворчество русского романтизма и символизма: поведенческие стратегии

В статье исследуются жизнетворческие стратегии в русском романтизме и символизме. На примере поведенческих моделей индивидуальных представителей этих двух школ вырабатываются понятия игровой и монистической стратегий жизнетворения и описываются их основные признаки.

The article is devoted to the investigation of life-creating strategies in Russian romanticism and symbolism. Behavior models of the representatives of these two schools are taken as an example and the understanding of performing and monetary strategies of life creating are developed, and their main features are described.

Ключевые слова: жизнетворческие стратегии, романтизм, символизм, поведение, творческая биография, монистическая, игровая модель.

Key words: life-creating strategies, romanticism, symbolism, behavior, artistic biography, monetary, performing model.

Жизнетворчество как феномен исследуется самими разными областями гуманитарного знания. В последнее время интерес к жизнетворческим поискам личности возрастает в связи с тем, что человек все более интересуется собственной жизненной историей, процессами самореализации и самоидентификации в сложном, постоянно меняющемся мире. Жизнетворчество художника – творческой личности – содержит в себе, помимо экзистенциальной сущности всякого человеческого пути, еще и эстетический ракурс. Художник занят не просто жизненным, а эстетическим жизнетворением. Цель такого эстетического феномена заключается в том, чтобы преодолеть изначально внутренне конфликтное противостояние искусства и действительности. Художник-творец вынужден вырабатывать стратегию по преодолению этой конфликтности или стратегию игнорирования ее. Такие жизнетворческие стратегии базируются, прежде всего, на поведении художника, которое становится неким эстетическим образованием. Проблемы художнического поведения, а шире – творческой биографии – в литературоведении рассмотрены представителями формалистической школы (Б. Эйхенбаум [21], Б. Томашевский [19]), московской лингвистической школы (Г. Винокур [6], В. Виноградов [5]), связаны с достижениями семиотиков, выработавших язык исследовательских работ о соотношении «текста искусства» и «текста жизни». На фоне всего перечисленного проблема исследования жизнетворческих стратегий в русской литературе по-прежнему остается открытой.

Как известно, романтизм выдвинул максималистскую концепцию человека, реализующуюся на поведенческом уровне через укрупнение поступков (героизация личности; мотивы избранничества, божьего дара). Для поэтов и писателей романтизма их собственное поведение и поведение героя (часто эти категории выступали как тождественные) представлялись в качестве цепи поступков, способной соединить берега быта и бытия, слова и поступка, избранничества поэта и обыкновенности человека. Идея жизнотворчества, явившаяся одной из доминирующих в романтизме, обусловила определенное подчинение фактов эмпирической действительности высшей идее бытия. Стремление к единству поведения способствовало созданию и единого текста жизни, построенного на примере высших образцов искусства.

В русском романтизме четкую интенцию на жизнотворчество выразил К. Н. Батюшков: «Я желаю – пускай назовут странным мое желание! – желаю, чтобы поэту предписали особенный образ жизни, пиитическую д и э т и к у (выделено Батюшковым. – *Е.Х.*); одним словом, чтобы сделали науку из жизни стихотворца <...> Первое правило сей науки должно быть: живи, как пишешь, и пиши, как живешь <...> иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы» [2, с. 134]. А. С. Грибоедов в письме П. А. Катенину выразил свое жизнотворческое кредо: «Я как живу, так и пишу свободно и свободно» [цит. по: 8, с. 509]. Наконец, В.А. Жуковский в стихотворении 1824 г. восклицает: «Жизнь и Поэзия одно», правда, подчеркивая временность подобного единства. Наиболее значимое воплощение романтической программа единства поведения нашла в творчестве поэтов-декабристов. Статья Ю. М. Лотмана [14], посвященная этой проблеме, указывает, что организация желаемого единства поведения происходила у поэтов-романтиков примерно по одной и той же схеме.

«Снятие» границы между искусством и действительностью совершалось через отмену «стилевого многообразия поступка и речевого поведения». Определенный поступок мог означать только одно, но не другое. Ритуализация поведения и его «эстетизация» производилась намеренно: соответствие между этическим и эстетическим выдвигалось в качестве нормы. Далее происходило ограничение себя в рамках деятельности, зависящей от самого человека, сосредоточение на достижимом. Программирование жизни и судьбы шло через «бытийные» формы поведения (презрение к мелочам, суете, быту, стремление к самосозерцанию, нравственному совершенствованию и гармонии). Обстоятельства жизни, разрушающие эту программу, признавались как исключение из правил и преодолевались смирением (В.А. Жуковский) или бунтом (декабристы). Интересно, что две эти поведенческие формы, находясь на крайних полюсах, выполняют одну и ту же функцию «хирургического» отсекающего всего лишнего, мешающего программе, предпочтения «серьезного» типа

поведения (жизнь – служение) игровому (жизнь – праздник): серьезность культивировалась как норма поведения, что, по Лотману, «и в быту предполагало для каждой значимой ситуации некоторую единственную норму правильных действий» [14, с. 32]. Каждое высказывание в такой ситуации становится программой, знаком.

Максимализм подобных установлений чаще всего приводил к их нарушению, так как это была, по мысли Л. Я. Гинзбург, «задача с заведомо неудавшимся решением» [7, с. 68]. Ю. М. Лотман указывает, что неизбежная в этом случае театральность поведения ни в коей мере не означала его неискренности или каких-либо других негативных характеристик. Это лишь указание на то, что «поведение получает некоторый сверхбытовой смысл», сопровождается «преднамеренным построением в жизни художественных образов и эстетически организованных сюжетов» [7, с. 81].

Художнические интенции на единство поведения формируют особую стратегию поведения, которую можно обозначить как монистическую. В ее основе лежит осознание границы между искусством и действительностью и преодоление этой границы путем иерархического подчинения одного – другому. При этом, монизм данной поведенческой модели не разрушается даже ее возможной инвариантностью: искусство ли подчиняется жизни (романтики-декабристы) или жизнь – искусству (В. А. Жуковский), суть житнетворческих устремлений не меняется: одно создается как другое. Стратегическая невыполнимость подобной модели задается высотой требований: естественное отклонение от поведенческих норм вступает в конфликт с желаемым единством поведения.

Важно отметить, что в эпоху романтизма в русской литературе, наряду с монистической, зародилась и совершенно другая модель житнетворческой стратегии. Она представлена творческой судьбой А.С. Пушкина и связана с соблюдением границы между пространством жизни и пространством искусства. Более того, четкое осознание границы приводит художника в такого рода стратегии чаще всего к игровому преодолению изначально конфликтной ситуации «искусство – действительность». В этой модели житнетворчества творец не делает никаких теоретических и программных построений собственной жизни, а естественно погружается в нее, подчиняясь где природным законам, где собственной интуиции. «Взаимопереплетение» творчества и биографии протекает органично.

Для понимания природы пушкинского варианта поведенческой модели, которую можно обозначить как игровую, обратим внимание на функцию маски (роли), исследованную на материале творческой биографии и эпистолярия поэта [11]. Тип поведения, зафиксированный в письмах начала 1820-х гг. соответствует литературной маске Пушкина в Арзамасском обществе, его игровой стихии самовыражения, его прозви-

щу Сверчок. Он – новичок в литературе, еще читает авторитеты, только нащупывает свой путь. Поведение можно назвать ритуально-игровым (ролевым). Эпистолярные материалы конца 20-х гг. позволяют говорить о вариации мотива: отчуждение от роли (ирония)/сближение с ней; отказ от роли как знак признания индивидуальности и уникальности каждого человека, убежденности в том, что человек больше роли; намеренное конструирование маски как знака свободного выбора типа жизненного поведения, независимости от вкусов толпы. Значение этих манипуляций сводится к желанию поэта «сохранить» себя от быта в бытии. Поведение можно назвать монтажно-игровым. Начало 30-х гг. – «попадание» в роль; все чаще возникает мотив необходимости поступка и его неотвратимости по тем или иным причинам (например, роль жениха несет для поэта смысл другого (непоэтического) пути – пути всякого обыкновенного смертного). Из необходимости роли, ее частотной проигрываемости (*все так поступают*) вырастает постепенно ее естественность: из быта открывается выход в бытие. Медиаторную функцию при этом переходе выполняют для Пушкина понятия рода, чести, независимости, и, следовательно, положительный поведенческий статус несут роли отца (и даже «старика» по отношению к молодым поэтам), мужа (реализуется комплекс чести) и непридворного поэта. Поведение можно определить как свободно-игровое.

Трагедия такой жизнетворческой стратегии в случае с Пушкиным состоит в том, что свободно выбранные роли, казалось бы, находящиеся в противоположных текстах, – одна в «тексте жизни» (муж), другая – в «тексте искусства» (поэт), оказались в зоне пересечения с другой ролевой парой: царь (человек) – Поэт (царь), где столкновения было не избежать. И если уязвимость монистической стратегии жизнетворения состоит в ее максимализме, то уязвимость игровой – в случайном попадании (в порыве игры) в поле «соположения» онтологически конфликтных и одновременно референтных пространств: искусства и жизни, искусства и власти.

Одним из ведущих признаков игровой модели является также четкое осознание позиций поэта и не-поэта, но разграничиваются они независимо от соответствующих им контекстов. В данном случае не столько важна принадлежность поэтического поведения только литературной (жизнеподобной) ситуации, а непоэтического – бытовой (жизненной), сколько возможность их соположения через «стилевое многообразие» поведенческих кодов, признанных для себя художником. Важна возможность творческой личности инициировать перемены, постепенно приводящая к слиянию в определенной точке (для Пушкина это 30-е гг., в текстовом отношении вершина найденного игровым путем единства – «Евгений Онегин») в гармоничное целое искусства и жизни, быта и бытия. Пока художник пребывает в роли Творца такой «зоны пересече-

ния» – он свободен. Как только его жизнетворческая стратегия начинает становиться объектом интерпретации другого Творца (в широком смысле слова, по М. Фуко, носителя Власти [20]), художник оказывается в ситуации жесткого выбора – то есть попадает в первую – монистическую – модель жизнестроения. Таким образом, обозначенные нами модели жизнестроения – монистическая и игровая – антитетичны по отношению к друг другу. Столкновение этих моделей могло принимать часто конфликтный характер (например, Жуковский в письмах «выговаривает» Пушкину за его легкомыслие и несоответствие его поступков высокому званию Поэта; А. Белый разрывает с Блоком из-за «демифологизации» последним образа Прекрасной Дамы).

И в той, и в другой модели художник четко осознает границу между искусством и действительностью (иначе бы не возникали жизнестроительские интенции), но отношение к этой границе разное. В рамках монистической стратегии задача преодоления границы «мучит» художника, объявляется серьезным жизненным (творческим) делом, превращаясь в рубеж и Рубикон. Выполняя программу по «добыванию» единства творчества и жизни, художник вынужден пребывать на границе, это постулирует состояние амбивалентности и, несомненно, отражается на поэтике писателя. Во второй поведенческой стратегии – игровой – граница осмысливается художником как переходная и проницаемая, принимая на себя свойства медиатора, а игровое поведение творца становится «трудом» по доведению бытия до состояния гармонии. Парадокс состоит в том, что данная стратегия в большей степени способна осуществить «программу» первой поведенческой стратегии, т.е. найти «сцепку» искусства с действительностью.

Представленный материал носит гипотетический характер и, безусловно, требует фактического подкрепления. Однако на функциональность предложенной схемы указывает ситуация другого поведенческого опыта литературы – опыта символизма, где аналогом первой модели можно признать жизнестроительство А. Белого и Вяч. Иванова, а второй – позднего А. Блока.

По существу, поведенческая модель символизма, связанная с эстетизацией бытового поведения, приближается к жизнестроительским стратегиям романтиков. Символистское мифотворчество может быть признано «повтором» в новой точке культурного поля уже существующих поведенческих моделей (не случайно символистов часто именовали неоромантиками). Однако, в отличие от романтиков, для которых поведение, как и искусство, выступало в значении средства выражения высокой духовной насыщенности «текста жизни», для символизма жизнестроительство – фундаментальное основание для переустройства всего бытия. История вопроса о поведении художника-символиста в аспекте проблемы жизнестроительства представлена теоретическими разработками много-

численных исследователей: З. Г. Минц [16], А. В. Лаврова [13], С. С. Аверинцева [1], В. А. Сарычева [18], В. Паперного [17] и др.

Концепция «творчества жизни» (А. Белый), выдвинутая эстетикой русского символизма, возвела категорию поведения на религиозно-мистический уровень, связав ее с понятиями соловьевской философии теург и теургия. Теургия мыслилась «соловьевцами» как подвиг художнический и одновременно – человеческий. Искусство в этом случае превращается в эзотерическое действо, а функции художника становятся похожими на жреческие: поэт ощущает себя избранным для высокого служения и транслирующим результаты сакрального знания простым смертным. Искусство, выходящее за собственные рамки, провозглашается новой религией, способной изменить мир. Мистическая утопия символизма повышает ответственность поэта-теурга за каждое слово, жест, чувство, поступок и усиливает степень накала когнитивного плана поведения: «пляски-лекции» Андрея Белого создают текст запредельных знаков, прокладывающих дорогу к общению со всей Вселенной.

По мнению Л. К. Долгополова, интерес Белого – главного символистского мифотворца – к самому себе был вызван предчувствием «приближения событий, которым суждено потрясти мир», внутренне подготавливая себя к ним, писатель формирует «такие линии своего развития, которые могли бы свидетельствовать об известной адекватности его личных «переживаний» и художественных потенций тому, что происходит в большом мире» [9, с. 43]. Жизнетворческие устремления в раннем творчестве А. Белого направлены на реализацию модели «аргонавтического мифа», в контексте которой особую значимость приобретают символы пути, духовного родства и запредельного, мотивы света, зари, золота в лазури и т.д. Миф в такой жизнетворческой программе становился высшим критерием оценки поведения человека в повседневности, а бытовой идеализм в этом случае признавался знаком человеческой подлинности.

Концепция «творчества жизни» Андрея Белого представляет собой синтез двух философских учений – В. Соловьева и Ф. Ницше. Если В. Соловьев указывает путь к богочеловечеству как проявлению в личности всеединого духа, то Ф. Ницше целью исторической эволюции считает проявление во всеединой личности «сверхчеловека». Ведущая роль в теории жизнетворчества А. Белого отводилась героической личности, выходящей на борьбу с «косной средой». Образцом для Белого был сам Фридрих Ницше, прежде всего как личность, а потом уже как философ. Поэт и самого Ницше периода Заратустры считал теургом.

Воспринимая жизнь как творение художника в широком смысле этого слова, как «эстетический феномен», А. Белый мечтал преодолеть границы между жизнью и искусством, выйти за пределы искусства и творить в жизни и саму жизнь. Из всех форм искусства наиболее близка

к осуществлению этого идеала была драма – «жизнь, расширенная музыкальным пафосом души». Именно в драме впервые осознается «сокровенный призыв к творчеству как призыв к творчеству жизни». К такому пониманию драмы теоретик символизма приходит после знакомства со статьей Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» (1872). Драма представляет собой некую универсальную форму жизни, своеобразную ее модель. Назначение драмы – это изображение борьбы человека с роком – становилось схемой к «творчеству жизни». Личность, как драматург, населяет свою жизнь роковыми событиями. Время настоящей драмы еще не пришло. Оно наступит, «когда спадут маски с рока», и «все человечество пойдет на последний бой за жизнь и счастье свое. Вот тогда-то из разорванных форм искусства, как из разорванных форм личной жизни, брызнет святой огонь жизненного творчества». Здесь А. Белый реализует финальный смысл соловьевской теургии: «новая действительность» должна воссоединить отпавшее от Бога человечество со своим Создателем. «Последняя цель культуры – пересоздание человечества; в этой последней цели встречается культура с последними целями искусства и морали; культура превращает теоретические проблемы в проблемы практические; она заставляет рассматривать продукты человеческого прогресса как ценности; самую жизнь превращает она в материал, из которого творчество куёт ценность» [3, с. 23], – эти положения, сформулированные Белым в очерке «Проблема культуры», вошедшем в первую книгу трехтомника «Символизм», легли в основу его жизнетворческих поисков. Перенесение центра внимания на личность – свободную, творческую, героическую, на «внутреннее освещение человеческого прогресса» приводит Белого к доминанте личностного теургического жизнестроения как монистического.

Поведенческая доминанта А. Блока после 1906 г. предполагала намеренную ставку на соблюдение границы между пространством жизни и пространством искусства (признак игровой стратегии). Будучи одним из самых последовательных и разумных воплощений философии о Мировой Душе – Вечной Женственности, Блок, вступив в брак с реальным воплощением Прекрасной Дамы (как и положено было в теории, брак мыслился платоническим), первым из младосимволистов осуществил миссию теурга. Теургическое пересотворение мира ощущалось как катастрофическое, а уж в катастрофической ситуации, как замечала Л.Д. Менделеева, Блок всегда был на высоте: «охотно идет навстречу всему худшему – это уж его специальность» [4, с. 83]. Интересно, что осуществление теургической цели вполне соответствовало задачам монистической стратегии жизнетворения. Но, достигнув единства текстов жизни и искусства, Блок все больше разрушал им же созданную стратегию жизнетворчества. Пытаясь определить поведенческую установку Блока, исследователь Н. Крышук замечает: «Это была установка на по-

ведение не-поэта, имея, конечно, в виду бытовавший в сознании стереотип поведения «Поэта». Подчеркнутая аккуратность в одежде и в быту. Пальто вешалось непременно на плечики, на столе не было ни единого листка бумаги, а имя раз встреченного человека запоминалось навсегда с первого раза. Сам Блок говорил: "Поэт не должен терять носовых платков"» [12, с. 182]. Эта внутренняя «настороженность» Блока в выборе той или другой поведенческой доминанты в пространствах жизни и творчества усиливалась его абсолютной человеческой «невыключенностью» из общего хода жизни. Современники отмечали, что Блок с усердием как служил в старое, так и работал в новое (советское) время. И где здесь было насилие над собой, а где добровольная жертва, понять было невозможно. Игра становилась жизнью, часто – жизнью в искусстве. В связи со стратегией намеренного разделения областей жизни и искусства выглядит органичным и последний акт жизнетворения Блока – его смерть. Он сознательно хотел умереть, и так как граница между искусством и жизнью им была сознательно открыта, то были сняты и все ограничения, связанные со смертностью человека как делом не *его* воли. «Так, смерть становилась своего рода «искусством», что в реальной жизни нередко приводило <...> к трагическим последствиям» [10, с. 262].

Следует учитывать и тот факт, что сама жизнь рубежного времени – тот материал, из которого мечталось слепить идеальную действительность, была столь хаотичной и энтропийной (по меткому замечанию П. Флоренского, «аритмологичной»), что мало поддавалась обработке. Творца собственной жизни в условиях реализации жизнетворческих стратегий можно уподобить «скульптору, а обстоятельства жизни – камню, с которым скульптор вступает в борьбу, противопоставляя упорству материала упорство замысла. Скульптор не может жаловаться на то, что ему попался слишком твердый гранит, потому что сопротивление материала входит в энергетический момент творчества» [15, с. 86].

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Поэзия В. Иванова // Вопросы литературы. – 1975. – № 8. – С. 145-193.
2. Батюшков К.Н. Нечто о поэте и поэзии // Батюшков К. Н. Сочинения. – М.; Л.: Academia, 1934. – С. 340-348.
3. Белый А. Проблема культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 18-25.
4. Блок Л. Д. И быль, и небылицы о Блоке и о себе. – Bremen, 1977.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М., 1980.
6. Винокур Г. О. Биография и культура. – М: Языки славянской культуры, 2007.
7. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Л., 1971.
8. Грибоедов в воспоминаниях современников. – М., 1980.

9. Долгополов Л. К. Начало знакомства. О личной и литературной судьбе Андрея Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации. – М., 1988. – С. 25-102.
10. Киссель В. С. Культ мертвого поэта как «память» русского модерна: Рецензия Г. А. Тиме // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 89.
11. Козубовская Г. П. Проблема житнетворчества в русской культуре: (Жуковский, Пушкин). Методические материалы в помощь учителю (к изучению биографии и личности). – Барнаул, 1991.
12. Крышук Н. Искусство как поведение: Книга о поэтах. – Л., 1989.
13. Лавров А. В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф – фольклор – литература. – Л., 1978. – С. 137–170.
14. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. – Л., 1975. – С. 26 - 77.
15. Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в. // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1977. – Т. VIII.
16. Минц З. Г. Понятие текста и символистская эстетика // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1974. – Вып. 1(5). – С. 134-143.
17. Паперный В. Поэтика русского символизма // Андрей Белый. Публикации. Исследования. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 152-168.
18. Сарычев В.А. Эстетика русского модернизма: Проблема «житнетворчества». – Воронеж, 1991.
19. Томашевский Б. В. Литература и биография // Книги и революция. – 1928. – № 4 (28). – С. 6-9.
20. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Магистериум-Касталь, 1996.
21. Эйхенбаум Б. М. Писательский облик М. Горького // Эйхенбаум Б. М. О литературе: Работы разных лет. – М., 1987. – С. 263-298.

Пейзаж в романе В. Каверина «Перед зеркалом»

В статье рассматриваются экфрасисы картин, принадлежащих главной героине романа В. Каверина «Перед зеркалом». Отмечается, что художница, работая в разных жанрах, особое пристрастие питает к пейзажу. Описания выполненных героиней пейзажей позволили автору не только передать ее настроения, но и показать ее профессиональный рост, выразить ее художественные предпочтения. В заключение подчеркивается, что в рассматриваемом произведении экфрасис-пейзаж является важнейшим средством создания образа-персонажа.

The article is devoted to the novel by V. Kaverin «Before the mirror». The subject of the scientific research is exfrases of pictures described in it created by main heroine of the novel. It is noted that the artist working in different genres especially was found of landscape. Description of the landscapes made by the heroine gives the author the chance not only to show her moods, but also show her professional growth, to express her art preferences. In conclusion it is underlined that in the analyzed novel exfrasis – landscape is the main means of creating of image of personage.

Ключевые слова: Каверин, роман, живопись, пейзаж, экфрасис, художественный образ.

Key words: Kaverin, novel, painting, landscape, ekfrasis, art image.

К теме взаимодействия литературы и живописи В. Каверин обращался на протяжении всего творчества. Достаточно вспомнить, что одним из первых его произведений был роман «Художник неизвестен» (1931), а одним из последних – роман «Перед зеркалом» (1971). И тот, и другой – о живописцах, об изобразительном искусстве, об искусстве как таковом. В данной статье речь пойдет о романе «Перед зеркалом». Предметом нашего изучения станет роль пейзажа в романе. Роман «Перед зеркалом» относится к числу хорошо изученных каверинских произведений, но в данном аспекте этот роман специально еще не исследовался.

Известно, что пейзаж в литературе – «изображение природного окружения человека и образ любого незамкнутого пространства» [2, с. 731]; в романе «Перед зеркалом» пейзаж – это еще и жанр живописи, в котором работает главная героиня Лиза Тураева. Она пишет и натюрморты, и портреты, и интерьеры, но к пейзажу у нее особое отношение. Описания выполненных художницей пейзажей – живописные экфрасисы – являются важнейшим художественным средством создания ее романного образа.

К экфрасису в настоящее время наблюдается устойчивый интерес со стороны литературоведов, философов, искусствоведов. Благодаря усилиям Л. Геллера, М. Рубинс и др. данный термин, известный еще во времена античности, вновь прочно вошел в научный оборот. Экфрасис исследуется в теоретическом аспекте, изучаются конкретные его «случаи» в творчестве отдельных писателей, литературных школ и направлений [1; 5; 6]. Накопленный учеными опыт требует не только систематизации, но и «подключения» к указанной проблематике нового художественного материала. Роман В. Каверина «Перед зеркалом» открывает широкие возможности для изучения экфрасиса. Убедиться в этом нам позволит всесторонний анализ картины главной героини произведения «Малярия в Порто-Веккьо».

Этот холст описывается в романе дважды: он увиден сначала глазами самой Лизы, затем – автора. Приведем оба описания. В письме к Константину Карновскому Лиза рассказывает историю создания данной картины: «Однажды в Бонифачо, вернувшись в сумерки домой с этюдов, я вдруг увидела странную, полную внутреннего напряжения, совершенно неизвестную мне картину. Непонятно, что было изображено на ней, и, только взглядевшись, я поняла, что это мой собственный холст "Малярия в Порто-Веккьо", который я бросила ради какой-то другой работы. Холст косо стоял у стены, и, может быть, ракурс и сумерки сделали то, что я увидела только цветовые пятна, но в таком оригинальном и остром сочетании, о котором я прежде не могла и мечтать. Прислушиваясь к этому впечатлению, я еще добрых месяца два работала над этой картиной. Холст небольшой. Написан он о малярии, конечно, но в тютчевском понимании этого слова: "Люблю сей божий гнев... ". Я работала, вспоминая тот благословенный день, который мы с тобой, впервые за десять лет провели не расставаясь» [2, VI, с. 219]. В авторском комментарии к одному из Лизиных писем читаем: «В маленькой отборной коллекции картин, состоящей из русских художников, сохранилась одна работа Тураевой. Синий треугольник неба тяжело ниспадал к другому треугольнику, состоящему из пристани, бухты и набережной, на которой тревожными поблекшими пятнами застыли редкие фигурки людей. Небо было написано так, что оно, казалось, сейчас упадет на Порто-Веккьо. Это было не небо, а твердь небесная, написанная беспощадными, неумолимыми, мерцающими, раскаленными сиренево-серыми тонами. А внизу медленно плыла твердь земная, как бы охваченная лихорадочным бредом. Зернистый свет горел в глубине картины, и пустота набережной, пристани была полна этим тревожным светом» [2, VI, с. 235-236].

Нетрудно заметить, что приведенные описания, не повторяя, дополняют друг друга: экфрасис, принадлежащий героине, помимо творческой истории картины, содержит ее концепцию. Авторский экфрасис, давая возможность «увидеть» холст, рассказывает о его судьбе. В обоих случа-

ях подчеркивается значимость рассматриваемого полотна. Не случайно именно с «Малярией в Порто-Веккьо» художница менее всего хотела расставаться, когда у нее появилась покупательница, в чьем собрании картин эту работу нашел автор романа. Данное полотно навеяно корсиканскими впечатлениями героини. В один из дней своего пребывания на острове она «поехала <...> в Порто-Веккьо, и оказалось, что городок охвачен малярией. Страшно было увидеть в этом японском раю (то и дело встречаются настоящие японские пейзажи) шатающиеся тени, изможденные, зеленые лица» [2, VI, с. 215]. Зрелище людских бедствий потрясло Лизу и посеяло в ее душе страх от соприкосновения со стихией смерти, тревогу за Карновского, ранее переболевшего малярией и продолжавшего периодически испытывать приступы этой страшной болезни. Однако, как следует из признания Лизы, работала она над этим пейзажем, не столько думая об эпидемии, сколько вспоминая последнюю встречу с Карновским в Париже, – тот «благословенный день», когда она поняла, что всю жизнь любила и будет любить только его одного. Художественную интуицию героини питали, таким образом, противоречивые чувства: не только ужас, внушенный рассеянной повсюду смертью, но и любовь, и надежда на счастье.

Корсика в сознании героини была отмечена идиллическими коннотациями; Корсика противопоставлялась Парижу как природа – цивилизации. В письмах Лизы постоянно возникали обобщения, характеризующие ее существование на острове как идиллическое «... мы в Бонифачо, на Корсике, – вне времени и пространства» [2, VI, с. 186]. «Мы живем робинзонами, в крошечном домике, без мебели, спим на ящиках и соломе» [2, VI, с. 188]. «А мы живем здесь язычниками, дикарями» [2, VI, с. 196]. «Мы сняли хорошенький домик, тоже на обрыве, над портом, среди виноградников и библейских олив» [2, VI, с. 203]. Героиня много путешествовала по Корсике; одно из ее писем начиналось так: «Пишу тебе с "необитаемого острова" – не знаю даже его названия. Это – первая наша поездка на лодке с местными рыбаками <...>» [2, VI, с. 197]. В другом письме она сообщала, что пишет из «маленькой деревушки в центре Корсики», что «ошалела от здешней палитры, бесконечно более разнообразной, чем краски бонифачийского побережья»: «Дорога вьется, и за каждым поворотом открывается новое живописное чудо. А какое спокойствие! Какой свет и воздух! <...>. И повсюду – форелевые речки, холодная, вкусная родниковая вода» [2, VI, с. 204]. Героиня не раз подчеркивала деликатность корсиканцев (рыбаков, виноделов), их бесхитростное гостеприимство, признавалась, что они любят ее, что давно она не встречала «такого доброжелательства, внимания, благородства» [2, VI, с. 204].

Письма с Корсики изобилуют откровенно пасторально-идиллическими зарисовками. Приведем одну из них: «Набрав всяких

съедобных ракушек, я лежу у моря, прислушиваясь к колокольчикам коз, которые бродят где-то неподалеку по скалам. Лежу и думаю о том, что любовь – это, в сущности, простейший способ познания мира, и что подлинную сущность человека видит только тот, кто действительно любит» [2, VI, с. 197-198]. Приведенная сцена содержит характерный для идиллической топики мотивно-тематический комплекс (поэтизация жизни на лоне природы, жизни, уединенной, дарующей душевное спокойствие, дающей возможность предаваться раздумьям о вечном, о любви).

Эти и аналогичные им подробности островного существования героини призваны сформировать представление о Корсике как о райском месте, царстве блаженства и красоты. Идиллической оказалась не только окружающая героиню среда, «птичье-небесную жизнь» вела здесь и Лизина душа. На Корсике Лиза обрела гармонию с внешним миром и внутреннюю свободу, такую желанную и такую необходимую для того, чтобы писать «свое».

Тем более поразительно, что в числе «своих» оказалась «Малярия в Порто-Веккьо», работа, начисто лишенная какой бы то ни было идиллическости. Картина, хотя и созданная на основе реальных корсиканских впечатлений, и по теме, и по ее художественному решению не вписывалась в переживаемую художницей корсиканскую идиллию. Ключ к ней, на наш взгляд, дан в приведенном ранее замечании Лизы о том, что писала она «о малярии, конечно, но в тютчевском понимании этого слова: «Люблю сей божий гнев...». Речь идет о стихотворении Ф.И. Тютчева «Mal'aria», начинающемся словами: «Люблю сей божий гнев! /Люблю сие незримо». Примечательно, что скрытую отсылку к данному стихотворению находим и в авторском экфрасисе. Тютчев, говоря о небе, называл его «высокой безоблачной *твердью*» (курсив мой. – Е.П.). Каверин, характеризуя увиденное на холсте небо, подчеркивал, «это было не небо, а *твердь* (курсив мой. – Е.П.) небесная».

Упоминание имени Тютчева в контексте рассуждений о своеобразии пейзажа художницы, о специфике ее мироощущения само по себе симптоматично. Известно, что Тютчев – «самый натурфилософский из русских поэтов», «тайновидец природы, поэт ее роковых, мучительных состояний, перед которыми цепенеет рассудок и оживает в самом человеке "дикое, неразгаданное, ночное"» [7, с. 220, 221]. Определяя характер тютчевского отношения к природе, исследователи, как правило, отмечают двойственность. «Певец стихий в их античном понимании» испытывал перед силами рока и восторг, и ужас. Гармонически-светлое восприятие мира соседствовало в его лирике с предчувствиями близкой гибели всего живого, отсюда его интерес к таким состояниям в природе и в человеке, когда они оказываются на грани жизни и смерти, когда «мертвенное» проступает в живом, как, например, в «Mal'aria».

Очевидна парадоксальность данного стихотворения: в его заглавии - название смертельной болезни (причем в латинской – «медицинской» - транскрипции), и это притом, что в самом тексте о недуге как таковом не говорится. Речь идет о наводящем ужас превращении: зараза, проникая повсюду, делает смертельно опасной для человека естественную среду его обитания. Ужас заключается в том, что природа, от которой исходит угроза, выглядит особенно привлекательной – цветущей, полной жизненных сил. Природа уподобляется «Судеб посланнику роковому». Он, вызывая из жизни «сынов Земли» и стремясь «утаить от них приход ужасный свой», пытается усладить их последнюю муку, скрывая свой подлинный облик. Малярия ассоциируется у Тютчева со страшной подменой живого мертвым, с вводящей в заблуждение их неразличимостью. Смертельный недуг служит поэту поводом для философских обобщений, касающихся конфликтных отношений человека с мирозданием.

Когда Лиза подчеркивала, что ее «Малярию в Порто-Веккьо» следует воспринимать «в тютчевском понимании», она имела в виду, прежде всего, обобщающий характер своего холста. Как и Тютчев, она не изображает «безобразия смерти»: на ее картине нет подробностей, связанных с протеканием эпидемии. Вся «конкретика» – в названии, содержащем указание на реальное событие (малярия) и место, где оно случилось (Порто-Веккьо); название диссонирует с откровенно аллегорическим изображением.

Чтобы понять характер аллегории, обратимся к авторскому экфрасису картины, выражающему взгляд на нее извне. Используемое автором слово «твердь» применительно не только к земле (береговой линии), но и к небу указывает на библейский подтекст пейзажа. Видимое небо в религиозных представлениях являлось твердой поверхностью; каменное небо, состоящее из того же вещества, что и земля, относится к числу устойчивых библейских образов. На полотне твердь небесная «ниспадает» на землю, твердь земная медленно плывет, утрачивая присущую ей устойчивость. Падающее на землю небо, уплывающая из-под ног земля свидетельствуют о воцаряющемся хаосе и относятся к разряду апокалипсических видений. Апокалипсическим пейзаж делает его цветовое решение. Небо не случайно – синее: художница как-то заметила, что «иссиня-черный цвет» – «пейзаж Апокалипсиса» [2, VI, с. 245]. Твердь небесная написана ею «беспощадными, неумолимыми», «раскаленными сиренево-серыми тонами». Первые два эпитета вводят в описание характерный для апокалипсического пейзажа мотив неотвратимости суда и возмездия; два других заставляют вспомнить о таких неизменных атрибутах наступления «конца мира», как огонь и пепел.

Возвращаясь к «тютчевскому пониманию» «Малярии в Порто-Веккьо», следует еще раз отметить иносказательный характер данной картины и на этой основе сблизить ее с «Mal'aria» Тютчева. Указанное

сближение позволяет говорить о философской направленности творчества художницы, о трагедийности ее мировосприятия. При этом важно заметить и концептуальные отличия, имеющиеся между рассматриваемыми произведениями. Тютчевское стихотворение о том, что мертвое способно выдавать себя за живое, и эта подмена остается недоступной человеческому пониманию. «Mal'agia» Тютчева о непостижимом – о смерти в Эдеме, о том, в частности, что увидела Тураева-путешественница, оказавшись в Порто-Веккьо. Напомним, что ей «страшно было увидеть в этом японском *раю* (курсив мой. – *Е.П.*) <...> шатающиеся тени, изможденные, зеленые лица» [2, VI, с. 215]. Чувство обескураженности, испытанное героиней при виде поразившего городок мора, может быть выражено латинской фразой: «Et in Arcadia Ego» [И (даже) в Аркадии я (есть)]. Она трактуется по-разному, одно из ее пространственных значений – признание самой смерти в том, что она существует и в Аркадии, даже в земном раю. По мнению известного историка искусства Э. Панофского, «Смерть есть даже в Аркадии», «Даже в Аркадии правлю я, Смерть» являются «грамматически правильным, по сути даже единственно грамматически правильным толкованием фразы "Et in Arcadia Ego"» [4, с. 336]¹. Указанная трактовка делает эту фразу синонимичной другому крылатому латинскому выражению «memento mori». Вид местности, в которой свирепствовала зараза, заставил Лизу задуматься о «вписанности» смерти в пасторально-идиллическую среду.

Тураева-художница свою «Малярию в Порто-Веккьо» написала все-таки о другом. Повседневная конкретика сведена в ее пейзаже к минимуму и заметно мифологизирована. В результате соединения реальности с библейским мифом эпидемия, поразившая небольшой корсиканский городок, предстает как вселенское событие, как столкновение стихий, как Апокалипсис. Апокалипсические ассоциации подчеркивают вневременной характер изображения, вписывают современность в контекст вечности, подчеркивают его значимость. Они выражают и специфику мировидения художницы – свидетельствуют о ее тяготении к мифу, к библейскому преданию.

Апокалипсис – это откровение о судьбах мира: о его конце и начале, о смерти и возрождении. «Малярия в Порто-Веккьо» – тоже своего рода «откровение». Написанный художницей пейзаж не столько отражает, сколько предсказывает, предвосхищает. Наполненная тревогой «Малярия в Порто-Веккьо» прочитывается как предчувствие поджидающих Лизу несчастий – тяжелой болезни, «невстречи» с Карновским. Надежда

---

¹ Э. Панофский, рассматривая живописные иллюстрации фразы «Et in Arcadia Ego» (Д. Ф.Гверчино «Смерть в Аркадии» [1621-1623, Рим, галерея Корсини], Н. Пуссен «Аркадские пастухи» [1650-1655, Париж, Лувр]), обращает внимание на разные ее художественные «транскрипции» (столкновение со смертью – у Гверчино, сосредоточенность на идее смертности – у Пуссена).

на то, что она скоро увидит своего любимого, дававшая ей силы жить и творить, уходит вместе с ней... Умирая, художник возрождается в творчестве. «Малярия в Порто-Веккьо», по праву занявшая свое место в «отборной» коллекции картин русских художников, относится к разряду подобного рода «возвращений».

Роль рассматриваемого пейзажа в романе непосредственно связана с «решением» в нем ключевого эстетического вопроса, затрагивающего отношения искусства к действительности. Присущее Лизиним письмам стремление «рассказать себя» касается не только содержательного плана ее творчества, но и того, что называется «тайнами ремесла», «художественной мастерской». Примечательно, что Лиза в письме к Карновскому вспоминает о «Малярии в Порто-Веккьо», желая «составить свой инвентарь» – подвести итог сделанному. Ее восприятие «Малярии в Порто-Веккьо» обрамляется признаниями: «Сделала я, конечно, мало. Более того, чувствую, что только начинаю работать». «Итак, сделано мало. Самое главное, может быть, впереди. И все же достаточно, чтобы "remplir ma mesure du destin" [Исполнилось то, что мне суждено (*фр.*)]» [2, VI, с. 219]. С рассматриваемым полотном Лиза связывает осуществление предначертанного свыше – обретение своего пути в живописи.

Как отмечалось нами ранее, природа Корсики произвела на героиню неизгладимое впечатление. Корсика для нее – это «собор, построенный природой», «страна величественная, готическая, вознесенная к небу»: «Камень, море и лес в неожиданных, поражающих сочетаниях. Взметенные и навеки застывшие, дикие, покрытые зеленью скалы» [2, VI, с. 188]. Корсика ассоциировалась у нее с «предметностью», «обязывающей», «настоятельной», «рвущей холст». И как противовес этой «материальности» рождалось желание художницы «шагнуть через нее: увидеть ее не в смысловом, а в живописном значении, в отношении цвета» [2, VI, с. 189].

«Малярия в Порто-Веккьо» демонстрировала новое, неведомое Лизе прежде ощущение цвета. В ее сознании образ охваченного эпидемией пространства складывался из цветowych пятен, из их необычного – «острого» – соединения. Художница, говоря ее же словами, стремилась «сперва потерять предмет», чтобы «потом найти его в переливах цвета» [2, VI, с. 189]. «Малярия в Порто-Веккьо» стала для нее программной вещью, «преодолением» или даже «забвением» «"готовых" форм», всего того, чему ее некогда учили. Эта работа вывела ее на собственную стезю, которую она искала «мучительно долго», а нашла «в одно мгновение», бросив случайный взгляд на некогда оставленный ею холст.

Говоря о значении пейзажа в творчестве художницы, следует заметить, что именно через этот жанр живописи она стремится объяснить специфику собственной манеры письма. В этом отношении примечательно и одно из ее воспоминаний: «Это было в Симбирске, летним вечером на берегу Волги. Я сидела на скамейке с книгой в руках, и вдруг

страница волшебным порозовела. Я подняла глаза. Это был закат, но не огненно-красный, сплавляющий все в один напряженный цвет, а кроткий, как бы позволявший каждому цвету звучать отдельно. Я увидела белые, синие, голубые, фисташковые дома, зеленую траву, пламенный, круто взлетающий склон, береговую сторожку с лиловым, остановившимся дымом. Никогда не забуду этого мгновения, к которому потом прибавился – уже как будто во сне – последний зеленый луч заката, проскользнувший в реке» [2, VI, с. 155]. Лиза убеждена, что «стала художницей задолго до той минуты, когда взяла в руки карандаш и кисть», и приведенные впечатления дороги ей потому, что она связывает с ними момент рождения в ней художницы: тогда она впервые посмотрела на мир глазами живописца, воспринимающего действительность как художественное полотно.

Контекст, в котором возникает рассматриваемое воспоминание, не менее примечателен, чем оно само. Лиза рассказывает Карновскому, как искала в искусстве «свое», «подключается» к спору о том, различны ли цели природы и искусства. Она не соглашается с В. Кандинским, например, считавшим, что «эти цели "существенно и мирозаконно" различны»; Лиза полагает, что «мир сам по себе – картина, и тот, кто обладает редким даром живописного видения этого мира, и есть художник» [2, VI, с. 156]. Согласно ее логике, закат, увиденный ею летним вечером в Симбирске, – картина, пусть и воображаемая, но построенная по законам живописи. На полотне, открывшемся ее внутреннему взору, дым – лиловый; склон – пламенный, дома – белые, синие, голубые, фисташковые; закат – не огненно-красный, а кроткий, его цвет не поглощает другие цвета, дает возможность каждому из них «звучать» отдельно. Еще не умеющая рисовать Лиза наделяется особым зрением, позволяющим ей воспринимать действительность через цвет. Пройдя через годы мучительных поисков, именно через цвет Тураева-художница обретет собственный почерк, «через цвет, его движение, композицию» придет к пониманию предмета.

Итак, нами рассмотрены два разных пейзажа: один существует в виде художественного произведения («Малярия в Порто-Веккьо»), другой – как воспоминание героини о некогда увиденном ею природном явлении. Несмотря на то что холст и зрительные впечатления отличаются друг от друга как материальное от духовного, содержание обоих пейзажей определяется ни чем иным, как игрой воображения главной героини. В этом смысле и тот, и другой пейзажи относятся к разряду «воображаемых», и тот и другой оказываются «снимками» ее души. Оба непосредственно связаны с саморефлексией героини, с осмыслением ею собственного творчества. Пейзаж, увиденный ею в юности, воспринимается как начало творческого пути, картина под названием «Малярия в Порто-Веккьо» является его вершиной. Важно, что и тот, и другой помогают героине «рассказать себя», в том числе и выразить свои художест-

венные предпочтения. Сказанное дает основание считать живописный экфрасис одним из важнейших средств создания образа художницы в романе.

Список литературы

1. Бочкарева Н. С. Функции живописного экфрасиса в романе Грегори Норминтона «Корабль дураков» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – Вып. 6. – С. 81-91.
2. Каверин В. А. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1982.
3. Кормилов С. И. Пейзаж // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. Н.А.Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. – М.: Интеллект, 2001. – 1600 стлб.
4. Панофский Э. Et in Arcadia Ego: Пуссен и элегическая традиция // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. Статьи по истории искусства.- СПб.: Академический проект, 1999. – С. 335-362.
5. Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. – СПб.: Академический проект, 2003.
6. Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Геллера. – М.: МИК, 2002.
7. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высш. школа, 1990.

Святочная повесть О. А. Николаевой «Ничего страшного»

В статье рассматривается возрождающийся в современной русской прозе жанр святочного рассказа. О. А. Николаева обращается к крупной эпической форме, что дает ей возможность включить в текст повести пять святочных рассказов и реализовать собственные интенции в рамках канонических признаков святочного жанра.

The revival some genre of atheism is coming in modern Russian prose. The Christmas story is among them. O.A. Nikolaeva deals with a big norm; it helps her to include in the text 5 Christmas stories and to realize own ideas to frames canons signs of Christmas genre.

Ключевые слова: святочный жанр, современная проза, мистификация, мотив, преобразование жизни.

Key words: Christmas story, modern prose, mystification, motive, transformation of life.

Истоки святочного жанра лежат в русском фольклоре. Его название связано со святками (от глагола «святить»). В древности христиане освящают все торжественные праздники благочестивыми делами: цари уменьшают подати, простые люди, выполняя наставления священников, творят милостыню. Эти дни, насыщенные душеспасительными делами, называют Святыми, или Святками. Простой народ после окончания Рождественского поста наполняет это время играми и забавами. «Мы нигде не видим, чтобы Святки праздновались с такой безотчетной веселостью, как среди русских», — писал исследователь отечественного духовного достояния А. В. Терещенко [5, с. 641]. Святочные забавы разнообразны. К ним относятся не только гадания, но и различные игры: фанты, жмурки, ряжение. Обычно наряжаются козой, журавлем, медведем. «... Маски, бывшие в обиходе у нас издревле, преследовались духовенством... Архиепископ Лука в поучении своем XII века запрещает «москолюдовствовать», то есть принимать нечеловеческие образы» [5, с. 642]. В дни Святков в кругу родных, соседей, друзей было принято рассказывать былички или бывальщины.

Былички, бывальщины и легенды относятся к несказочной прозе. Интерес к ней возник лишь в XX веке. Возможно, это объясняется тем, что «в повседневном бытовании прозаические жанры фольклора не имеют наименований» [7, с. 69]. Названные жанры имеют установку на достоверность, их прикладное назначение — передавать исторические, политические, религиозные, бытовые и другие новости.

Слово «быличка» было введено в фольклористику Б. М. и Ю. М. Соколовыми, услышавшими его от крестьян Белозерского края. Быличкой в народе называют небольшой рассказ о столкновении человека с инфернальной силой. Нарратив существует в форме личного свидетельства. Быличка относится к «суеверному меморату» [7, с. 70]. Когда этот одноэпизодный рассказ обрастает рядом подробностей, вносимых новыми нарраторами, то есть начинает не только информировать, пугать, но и развлекать, тогда быличка, становясь «суеверным фабулатом» [7, с. 71], переходит в другой жанр. Фольклористы обозначают его словом «бывальщина». Это определение в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля имеет синонимы – бывалка, былица, былина, быль – и пояснение: «что было, случилось, рассказ не вымышленный, а правдивый; старина; иногда вымысел, но сбыточный, несказочный. *Бывальщину слушать лучше сказки... Быль не сказка: из нее слова не выкинешь*» [2, с. 148].

Писатели часто используют в своем творчестве жанры несказочной прозы. А. Н. Толстой создает два цикла: «Русалочьи сказки» и «Сорочьи сказки» (1923). «Сказками все эти произведения можно назвать лишь условно: они сочетают в себе признаки страшной или смешной былички, рассказа и сказки. К тому же писатель вольно обращался с поверьями...» [1, с. 264]. Т. Н. Толстая, возможно, уже под влиянием этих произведений своего деда пишет рассказ «Окошко» (2003), в котором явственно прослеживаются жанровые признаки былички. Э. С. Кочергин пишет цикл «Питерские былички» (2004), куда входят рассказы о 40 – 60-х годах XX века.

Современные писатели редко обращаются к святочному жанру. Их новаторство проявляется в создании крупных видовых форм. О.А. Николаева определяет жанровые особенности святочного произведения в первой части повести «Ничего страшного» (2005). Один из героев отмечает: «Во-первых, события должны происходить между Рождеством и Крещеньем, то есть на Святках по определению. Во-вторых, в рассказе должен быть некий элемент недоразумения или мистификации, и в конце концов недоразумение должно быть разрешено, а мистификация разоблачена <...>. И, в-третьих, все заканчивается преображением жизни. Если этого нет, то это просто байка [4, с. 62–63].

Следовательно, О. А. Николаева считает непременным признаком святочного рассказа возвращение или обращение человека к Богу, упование на него в сложных жизненных ситуациях. Христианско-нравственная проблематика, по ее мнению, является доминирующей в содержании святочного произведения. Основу первой части повести составляют пять святочных рассказов. Это дискурсы хозяйки дома и её гостей–монахов, пришедших отметить наступление Святков. Каждый рассказ раскрывает собственную тему, мотивы которой продолжают развиваться во второй части и получают некое завершение.

Первый сюжет звучит из уст монаха Лазаря. Он повествует об истории любви своей сестры и школьного приятеля Алеши. «Гордая» и «самолюбивая» девица, «сама к себе невероятные предъявляла претензии», «но особенно несносна и придирчива была... к окружающим» [4, с. 63], поэтому долго не могла увидеть искреннего чувства Алеши. Кульминацией первой святочной истории становится сцена в ванной комнате, куда молодых людей закрывают воры–домушники: «прямо в шубах, в зимних ботинках, связали веревками – спина к спине плюс заткнули затычку и включили горячую воду» [4, с. 65]. Казалось бы, смерть героев неизбежна. Силу их веры раскрывает сохранившаяся способность шутить. Сестра Лазаря поучительно заявляет: «Жаль, до Крещенья еще два дня, а то было бы это купанье с мистической окраской, очистительное и от грехов, и кое от каких заблуждений» [4, с. 65]. Но затем, почувствовав трагизм ситуации, герои обращаются с молитвой к Матери Божией и Святителю Николаю. Соседи с нижнего этажа, увидев у себя потоки воды, прибежали на помощь, и «услышали дивное пение. Два ангельских голоса вдохновенно зывали к небесам». Спасенные сестра Лазаря и Алеша «поют до сих пор. Трое детей уже у них» [4, с. 66]. Алеша служит в московском храме, особенно любит праздник Крещенья. Во время этой службы звучат стихиры: «Глас Господень на водах вопиет глаголя: приидите, примите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божия, явльшагося Христа» [4, с. 66]. Эта святочная история рассказывает не только о чудесном спасении героев, она свидетельствует о просвещении разума и души человеческой, обратившейся с молитвой к Богу.

Следующая история, приготовленная хозяйкой, была связана со святочными гаданиями о замужестве. В юные годы подруга рассказчицы обращается к такому варианту народных гаданий: на тарелке свечой сжигает бумагу, затем рассматривает тень, отбрасываемую на стену оставшимся пеплом. Повествовательница медитативно пересказывает эту историю, решив, что она не дотягивает до высокой планки поучительности первой.

Тогда она озвучивает другой реальный случай, связанный со Святками. Здесь присутствует современный вид гаданий – гороскоп. Рассказчица, работавшая в небольшой газете, под Новый год вынуждена была в срочном порядке придумывать гороскоп. Поскольку события происходят в святые дни, то её предсказания сбываются. Начальник мужа повествовательницы предлагает отметить собственный день рождения на их даче. Не желая подводить супруга, она соглашается и поэтому вынуждена выслушивать хвастовство неприятного человека: «он себя нахваливал, даже сам по головке себя гладил, все рассказывал, какой он крутой парень...» [4, с. 68]. Когда именинник с женой решают уехать, выясняется, что машину засыпало снегом и сдвинуться с места невозможно. Выталкивая свою машину, Главный попадает в канализационный люк, откуда компа-

ния вытаскивает его «зловонного и несчастного, в самом что ни есть мизерабельном виде» [4, с. 69]. История заканчивается тем, что начальник мужа никогда больше не изъявлял желания праздновать с ними свой день рождения. Мораль этого святочного рассказа выводит Лазарь: «По вере вашей да будет вам» [4, с. 70]. Главный объясняет происшедшее предсказанием гороскопа.

Святочный рассказ, поведанный игуменом Иустином, содержит предысторию его прихода к вере. По своей сути это комическая ситуация положений. Студент МГИМО, что пришел к однокурснице, пригласившей его на день рождения, врывается в квартиру декана, часом ранее завалявшего его на экзамене. В руках у юноши была трость, и декан, испугавшись мести двоечника, убегает от преследовавшего его студента. Получив сильный удар по голове от перепуганного преподавателя, Азаров оказывается в больнице с сотрясением мозга. Здесь он пролежал целый месяц, «кровать к кровати со старым священником» [4, с. 72]. Выйдя из больницы, юноша покрестился и решил поступать в семинарию. Сам игумен считает свою святочную историю иллюстрацией того, как «Хозяин «собирает, где не сеял». Все может сделать орудием нашего спасения» [4, с. 72]. Эта цитата из Евангелия взята из притчи о талантах (Мф. 25, 14–30).

Иконописец Дионисий рассказывает историю, произошедшую с неким иноком, под маской которого, вероятно, скрывает себя. Его рассказ, основанный на широко известном анекдотическом сюжете с попугаем, утверждает идею о том, что «может Господь и через неразумную тварь учинить свое святое заступничество» [4, с. 74].

Последняя история этой части повести является мистической. Она основана на фольклорном мотиве неразменного рубля. Её рассказывает шофер монастыря. Беспokoящаяся о коте жена выпроваживает Никифоровича из санатория, где они отдыхают, домой. Чтобы вернуть пропавшего за время отъезда кота, герой тратит много времени и денег. В итоге в полночь на перекрестке четырех дорог он покупает своего черного кота за рубль у какого-то странного человека. Слушатели объясняют Никифоровичу, что тот принял его за лукавого и решил, что получил за проданного кота неразменный рубль.

Рассказанные святочные истории помогают передать атмосферу Святков, показывают дружеское расположение героев друг к другу и объясняют, почему они откликаются на призыв повествовательницы о помощи по защите дома. В то же время все пять историй и сама повесть в целом раскрывают основную идею текста: «ничего страшного не произойдет, если душа человека устремлена к Богу».

Для усиления мистификации О.А. Николаева вводит в сюжет повести нехарактерный для этого времени года предмет – рыболовную сеть. Эпизод появления среди защитников дома Лазаря с сетью является ре-

минисценцией на евангельский сюжет о призвании первых учеников на апостольское служение. В нем говорится, как окруженный толпой слушателей Иисус Христос проповедовал на берегу озера. Увидев лодку Петра, Он вошел в нее и попросил отплыть от берега. Будущий апостол сказал, что они трудились всю ночь, но ничего не поймали. Когда же по просьбе Спасителя Петр забросил сеть, то они с Андреем наловили столько рыбы, что сеть прорвалась. Пришедшие на помощь товарищам Иаков и Иоанн быстро наполнили рыбой обе лодки, и те стали тонуть. Тогда Петр, увидев такое чудо, припал к ногам Иисуса Христа: «Выйди от меня, Господи! Потому что я человек грешный». На что Иисус Христос ответил: «Не бойся: отныне будешь ловить человеков» (Лк. 5. 1–11). Так начинается служение апостолов, которым предстоит исходить весь мир. Вместо ловли рыбы они будут привлекать ко Христу души людей.

В повести О.А. Николаевой монах Лазарь уподобляется апостолам. Он любитель рыбной ловли, получил сеть в подарок от крестника. Лазарь пытается использовать сеть по прямому назначению – для ловли. Спутывая герой предполагает бандитов, засевших, как ему представляется, в доме. В итоге был «пойман» Ваня. Для характеристики своего бывшего студента рассказчица вводит в текст известную дразнилку:

Ваня, Ваня – простота
Купил лошадь без хвоста.
Сел задом наперед
И поехал в огород [6, с. 56].

Несостоявшийся поэт Ваня попадает из одной неприятной ситуации в другую. Подмосковный священник, познакомившись с юношей, видя его бесхитрость и слабый характер, советует: «Ваня, ... тебе нельзя от храма ни ногой. Пропадешь ведь. Это точно про тебя сочинили: «Ваня, Ваня, простота, купил лошадь без хвоста». Лучше бы тебе прочь из Москвы, от всей этой литературной среды» [4, с. 79]. Все попытки младенчески наивного героя жить самостоятельно заканчиваются потерей. Он лишается семьи, имущества, крова, свободы. Пройдя через тяготы жизни и лишения, Ваня в конце повести обретает дом и наставника.

В повести О. А. Николаевой взаимодействуют два принципа сюжетостроения. Циклическое обрамление сочетается с «нанизыванием» событий внутри рамки. Рассказ повествовательницы о покупке дома в Троицке играет роль экспозиции и вводит в текст мотив дома. Проходя через нарративную структуру произведения, он открывает себя в финальной сцене. Начальная и конечная ситуации подобны, хотя в последней происходят внутренние изменения. Теперь «непутевый» Иван пытается обрести дом – место для жизни. Мотив дома становится пуантом для структуры повести, придавая ей органичность. Рассказчица покупает дом, чтобы иметь возможность почаще приезжать к своему

духовному отцу, живущему в здешнем монастыре. Этот дом стоит на возвышении. Он так понравился повествовательнице, что она сокровенно думает о ином его назначении. Если вдруг вновь начнутся гонения на православную веру, то его можно будет использовать в качестве потаенного монастыря.

Эти размышления нарратора вполне соответствуют символике слова «дом», которая отличается внутренним единством и богатством значений. Дом является уменьшенной моделью вселенной. Это «освоенное, покоренное, «одомашненное» пространство, где человек находится в безопасности» [8, с. 159]. Не случайно дети рассказчицы воспринимают его как родовое гнездо. Для защиты дома в зимнее время повествовательница поселяет туда по очереди разных людей, но никто из них не справляется с обязанностями: имущество расхищается, интерьер портится.

Во второй части произведения О. А. Николаева повествует о том, как знакомые рассказчицы пытаются охранять дом. Эта часть текста выдержана в традициях фольклорных бывальщин. Мистификацию подготавливает ожидание появления сына бывшей хозяйки дома, который после отбывания тюремного срока хотел здесь встретиться с родным братом. Прежние владельцы живут в Эстонии, а визу получить сложно. В связи с этим вышедший из заключения посетил рассказчицу и ознакомил её со своим планом встречи. С этого момента сюжет второй части произведения развивается по законам кумулятивной сказки. Каждый встреченный рассказчицей герой обещает присмотреть за домом, уверяя её в своих способностях защитить его. Так, шофер заместника Клим Никифорович говорит: «Не бойся... Если надо, мы всем монастырем там засядем, тебя в обиду не дадим!» [4, с. 62]. А местный житель Мурманск успокаивает: «Не горюй!.. Раз они сидельцы, значит, ментов крепко боятся. А у меня кум Игорек – кто? Здешний мент. Мы его вызвоним, он их и повяжет. Так что не дрейфь» [4, с. 61]. Обещает присматривать за домом соседка Эльвира и матушка Харитина. Последняя предлагает поселить в доме паломницу Валентину. Она «суровая, строгая, решительная. Такая не спасует и перед бандитами» [4, с. 77]. Все последующие немотивированные события нанизываются, присоединяются друг к другу. Поступки персонажей, наделенных аналогичной функцией (присматривать за домом), нарастают и приближаются к катастрофе.

В кумулятивный сюжет второй части вплетаются элементы святочного рассказа: ряжение и переодевание. Явившийся за своим дневником отец Дионисий, чтобы скрыться от городских гуляк и избежать насмешек, переодевается в искусственную собачью шубку. А шедший от крестника монах Лазарь, путь которого лежал через весь город, «перекинул полы подрясника на плечи, а сверху надел черное длинное пальто, замотал лицо шарфом, надвинул на лоб осеннюю кепку, да еще для вящей маскировки надел – и это в крошечной-то темноте! – темные же очки» [4, с. 88].

Рассказчица, поручив своим знакомым приглядывать за домом, спешит на железнодорожный вокзал за проездным билетом. Но в этой части сюжета начинает действовать закон эпической ретардации. Неожиданная встреча с бывшим студентом Ваней, ставшим по ряду жизненных обстоятельств бездомным, заставляет её принять участие в его судьбе. Повествовательница, вручив «непутевому» герою ключ от своего дома в Троицке, отправляет его пожить в нем. Противоречия «планов» персонажей и «стихии жизни», которые выражаются в ретардации, откладывают отъезд основного нарратора: «что-то вдруг стало у меня в душе щемить... Этот уголовник придет, а Ваня – бомж, проведенный полтора года в КПЗ, начнет ему на фене объяснять, чтобы он проваливал, да сплошное кровавое побоище будет... Кончится все тюрьмой» [4, с. 98 – 99].

Ретардация значительно драматизирует ситуацию. Сюжетная структура второй части повести «Ничего страшного» асимметрична: нисходящая линия заметно короче восходящей. Все персонажи сходятся в одну точку: приходят проверить все ли в порядке в доме. По законам святочного жанра возникает мистификация: добропорядочные герои из-за нелепой одежды принимают друг друга за бандитов. Подобно катастрофе в архаическом жанре, в повести О. А. Николаевой финал получается веселым. В то же время символика дома синонимична храму, церкви, монастырю. Храм – «дом Божий, Небо на земле» [3, с. 504]. Греческое слово «церковь» переводится как «дом Господень» [3, с. 514]. В Евангелии читаем: «... и говорил им: написано – дом Мой домом молитвы наречется» (Мф. 21, 13), а также: «И учил их, говоря, не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов?» (Мк. 11, 17). Отношение к монастырю, как к дому, усматривается в поведении наместника Иустина. Обеспокоившись долгим отсутствием братьев, он отправляется на их поиски. И именно его появление (а затем возвращение рассказчицы) кладет конец путанице и неясности. Забирая Лазаря и Дионисия под крепкие своды монастыря, Иустин предлагает взять с собой Ваню, «чтобы он хоть в ванну окунулся...» И «непутевый» персонаж, уйдя с наместником, «больше никогда не выходил из монастыря» [4, с. 99]. Таким образом, и эта «заблудшая овца» возвращается к своему истинному пастырю. Возникает аллюзия на Небесный Дом, Небесную Родину.

Этот финальный эпизод позволяет переосмыслить ход событий в целом. Выбор героя вызывает этическую оценку его поступка рассказчицей. В заключительном дискурсе нарратора возникает антитеза. Шофер наместника Никифорович «оказался неблагонадежен для монастыря» [4, с. 100]. Он, хоть и принял постриг, но в свободное время стремится побывать в собственном доме, купленном неподалеку. Этот персонаж более привязан к земному, нежели к небесному. Мотив дома становится домини-

нирующим в повести «Ничего страшного». Его истинный смысл открывается только в заключительных эпизодах. Почти все герои произведения О. А. Николаевой стремятся обрести собственный дом – Небесную Родину.

Список литературы

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. – 5-е изд., испр. – М.: Академия, 2008.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз., 1989. – Т.1: А-З.
3. Мовлева Н. С. Малый православный толковый словарь. – М.: Рус. яз.; Медиа, 2005.
4. Николаева О. А. Ничего страшного: святочная повесть // Знамя. – 2005. – № 12. – С. 56-100.
5. Терещенко А. В. История культуры русского народа. – М.: Эксмо, 2007.
6. Трынцы, брынцы, бубенцы: русские народные потешки, прибаутки, заклички, считалки, дразнилки, колыбельные / сост. Г. Науменко, худ. Н. Попов. – М.: Дет. литература, 1984.
7. Шафранская Э. Ф. Устное народное творчество. – М.: Академия, 2008.
8. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – М.: Астрель; АСТ, 2004.

Аркадий Долгорукий как литературный прототип главного героя романа Ф. Н. Горенштейна «Место»

В статье анализируются характерологические переключки романов Ф.М. Достоевского «Подросток» и Ф. Н. Горенштейна «Место». Основное внимание уделяется сопоставлению образов главных героев – Аркадия Долгорукого и Гоши Цвибышева. В заключение делается вывод о принципиально различном понимании авторами «живой жизни».

In the article the author analyzes characterological rollcalls of the novels «The Adolescent» by F. M. Dostoevsky and «Place» by F. N. Gorenshtein. The main attention is payed to the comparison of images of Arkady Dolgoruky and Gosh Tsvibyhev. All things considered one comes to a conclusion that authors are quite different in understanding the «living life».

Ключевые слова: Достоевский, Горенштейн, рецепция, переосмысление, литературный прототип, идея, живая жизнь.

Key words: Dostoevsky, Gorenshtein, reception, rethinking, literary prototype, idea, living life.

С точки зрения рецепции Достоевского роман Горенштейна «Место» является одним из наиболее репрезентативных. Исследователи часто называют в ряду возможных литературных прототипов главного героя Гоши Цвибышева подпольного человека (Л. Лазарев, В. Топоров, Л. Цыткин), Раскольникова (А. Зверев, Ф. Капица, Л. Аннинский), а сам роман сопоставляют с «Бесами» (Л. Аннинский, Л. Лазарев, Ж. Нива, М. Полянская, И. Полянский, В. Топоров, А. Успенская).

В рамках настоящей статьи мы рассмотрим характерологические параллели «Места» с романом Достоевского «Подросток». По справедливому замечанию Л. Аннинского, названные произведения сближает форма повествования от первого лица, а также явное несоответствие между образом рассказчика и приписываемым ему текстом, содержащим историко-политические соображения и философские размышления [1, с. 79].

Обнаруживаются многочисленные переключки и в образах главных героев романов. Достоевскоеды неоднократно указывали, что возраст Аркадия, названного автором подростком, – девятнадцать лет – «уже не подростковый в общепринятом значении слова» [6, с. 194], что герой «по возрасту уже юноша», а «по психологии и по поведению» находится «на пороге от подросткового восприятия жизни к юношескому выбору пути» [5, с. 139]. Сам Достоевский «затянувшуюся подростковость» героя

стремился объяснить образом его жизни: «Такие бывают только в 15 лет, но этот 19, сидел в углу, думал один» [4, XVI, с. 77]. Исследователи видят в этом желание автора обратиться к переломному, кризисному моменту перехода от одной стадии духовно-нравственного развития человека к другой.

Герою «Места» двадцать девять лет, однако он сам называет себя «стареющим юношей», поскольку «восемь-девять лет, в течение которых юноши добывают себе положение в обществе, а также, утратив горячую мечтательность, достигают мужских взаимоотношений с женщиной», «быстро и бесплодно пробежали» [2, I, с. 18]. Герой утверждает, что «молод, если не по летам, то по ущемленному развитию» [2, I, с. 470]. Образ мыслей Гоши, его поступки так же, как и у Аркадия, не соответствуют его реальному возрасту; подобно Аркадию, он находится в ситуации выбора жизненного пути, поиска духовных ориентиров.

Подросток – сын «случайного семейства», по выражению Версилова, «существо, оставленное на одни свои силы», «с детства задумывающийся над своей семьей, оскорбленный неблагообразием отцов своих и среды своей» [4, XIII, с. 373]. В «Дневнике писателя» Достоевский называет своего героя «выкидышем общества», поглощенного «ранней ненавистью за ничтожность и "случайность" свою» [4, XXII, с. 8].

Гоша – сын «врага народа», в раннем возрасте оставшийся сиротой без прав и минимальных средств к существованию, с детства лишенный, по словам автора, «всего, чего можно лишить, кроме жизни» [3, с. 32]. В кризисные моменты (период борьбы за койко-место) Гоша проклинает покойных родителей, свою «судьбу, рожденную ими», винит отца и мать в том, что они дали ему жизнь, но оставили его «одного на нищету и унижения». Может показаться, что упреки Гоши вызваны исключительно материальным неблагополучием: «Но ведь я не виноват, что нуждаюсь в ночлеге и не имею возможности получить его... В этом виноваты мои родители, а расплачиваюсь я...» [2, I, с. 198]. Однако, по мнению героя, именно «неустойчивое, лишенное родительской поддержки» детство и «нищенская юность, растраченная на борьбу с материальными невзгодами», заложила в нем «большинство будущих пороков, достигших силы в период зрелости»: «Физическая слабость от недоедания развила болезненное тщеславие и мужскую стыдливость, общественная ничтожность родителей, особенно, как я считал, в послевоенный победный год, развила лживость, постоянная нужда в поддержке со стороны развила отсутствие бескорыстия во взаимоотношениях с людьми» [2, I, с. 130]. Кроме того, несмотря на поглощенность бытовыми проблемами, Гоша ощущает и недостаток простой человеческой заботы и любви. Сцена, когда герой укачивает сам себя на кровати, чувствует к себе «удивительную любовь», ощущает «приятно щекочущую родительскую ласку к самому себе в своем сердце», засыпает «не одинокий, по-детски защищенный от

бытовых невзгод, с детской улыбкой на лице», является одной из наиболее драматичных в романе.

Отец в жизни каждого из героев играет особую роль. Версиров, по словам Подростка, поразил его с самого детства, имел «капитальное влияние на склад всей души», надолго заразил собою все его будущее, но оставался для него «совершенно загадкой». Несмотря на то, что отца Аркадий почти не знает, он все же тайно «влюблен» в него, обожает его, «мечтает о нем взапрос». Герой признается, что Версиров – «лишь мечта», «выдуманный человек», «фантастический идеал».

Для Гоши отец тоже оказывается «отцом-идеей», это, по словам героя, «не тот отец, который родил меня, а тот, которого родил я в своем воображении» [2, I, с. 86]. «Подлинного отца своего, ничего не давшего, кроме необходимости скрывать свой позор», он невзлюбил еще с детства и выдумал себе другого отца – «крупнейшего деятеля и героя Отечественной войны», миф о котором настолько укрепился в нем и с которым он «настолько сжился, что даже сам с собой в мечтах искренне думал о своей версии как о подлинной» [2, I, с. 28]. Во время реабилитации, когда «тюремная смерть» вдруг стала «не менее почетной, чем смерть на фронте», Гоша узнает, что его отец был генерал-лейтенантом. Это событие перевернуло жизнь героя: он скоро осознал свое «новое положение» в обществе, и, по его собственному признанию, стал «другим человеком, сыном генерала».

И Аркадию, и Гоше свойственно стремление найти идеал в женщине. Для Подростка – это Ахмакова: герой называет ее «женщина-"идеал"», «мой идеал», считает его неотъемлемой частью своей жизни («А мне – мне нужен лишь идеал!») [4, XIII, с. 209]), которую готов посвятить служению этому идеалу: «от одного взгляда <...> кипело добродетелью мое сердце» [4, XIII, с. 306]. Гоша, влюбившись с первого взгляда в Нелю, ощущает, что «готов жизнью и душой своей пожертвовать <...>. Готов не дышать, готов посвятить все свои возможности и душевные богатства, которые вот-вот, близится уже время, как обнаружатся, произведут неожиданный фурор, все готов посвятить этой красоте и ничего себе...» [2, I, с. 158-159].

Образы Аркадия и Гоши роднит не просто наличие идеи, аналогичными оказываются ее форма (тайная «идея-чувство») и содержание, отношение героев к ней. Как известно, Аркадий Долгорукий хочет стать Ротшильдом, то есть исключительным богачом, миллионером. Однако богатство необходимо ему для сознания своего могущества и возможности уединения, что им воспринимается как «самое полное определение свободы». Т. Касаткина, опираясь на авторскую метафору «душа паука», образно характеризует идею Подростка так: «Суть отношения к миру "Ротшильда" – безличная сеть "чистого отношения", улавливающая всех, в центре которой – паук-аскет, зорко вглядывающийся в мир и знающий, что ему достаточно пошевелить лапой, чтобы отозвалось в любой его

точке» [6, с. 189]. Сущность Гошиной идеи заключается в уверенности, что мир рано или поздно завертится вокруг него, как вокруг своей оси. Позднее идея героя «оформляется», конкретизируется: Гоша осознает, что хочет возглавить правительство России.

Идея Аркадия (и это отличает ее от идей других героев-теоретиков пятикнижия) – это «идея-чувство»: «Тут чувство, а не идея» [4, XIII, с. 67]. Специфика такого рода идеи, по справедливому мнению Л. Сыроватко, состоит в том, что она «не абстрактна, не теоретична, не вербализуема» [8, с. 65]. Герой замечает, что излагая свою идею, и «с той доли не высказал», мысль, по словам Версилова, «не пошла в слова». Гоша также признает неопределенность своей идеи, не может и не хочет осмыслить ее до конца, но способен почувствовать: «Ощущение идеи мне было ясно» [2, I, с. 77].

Аркадий убежден в необходимости скрывать свою идею: «С замираньем представлял я себе иногда, что когда выскажу кому-нибудь мою идею, то тогда у меня вдруг ничего не останется, так что я стану похож на всех, а может быть, и идею брошу; а потому берег и хранил ее и трепетал болтовни» [4, XIII, с. 47-48]. Гоша даже называет свою идею «тайной», «инкогнито» и, подобно Аркадию, тщательно оберегает не только от других, но и от самого себя, довольствуясь лишь «ощущением» идеи: «Говоря образно, идея моя была чем-то вроде живого нежного существа, не приспособленного пока жить в окружающей меня суровой действительности <...>. Одно я знал точно – выпусти я эту идею из своей души раньше времени, и она погибнет... Вот чего следовало опасаться...» [2, I, с. 77].

Для обоих героев идея становится сродни живому существу, с ней они не ощущают себя одинокими, она позволяет им компенсировать неудовлетворенность реальной жизнью. «Я буду не один, – размышляет Подросток, – никогда теперь уже не буду один, как в столько ужасных лет до сих пор: со мной будет моя идея» [4, XIII, с. 15-16]. Уход в «скорлупу» идеи всегда остается для него альтернативным выходом в случае жизненных неудач: «Если не удастся и не женюсь, то я уйду в идею» [4, XIII, с. 360]. Г. Щенников точно замечает, что идея для Подростка – «это временное самоутверждение», что она придумана «на случай, если придется порвать со всеми (прежде всего с отцом)» [5, с. 140]. Гоша сравнивает свою идею с новорожденным ребенком, благодаря которому он обрел смысл жизни и избавился от чувства одиночества: «Я не имел теперь права рисковать, ибо я ныне был не один и должен был оберегать свое "дитя"-идею от нелепых случайностей» [2, I, с. 515]. Герой признается, что «инкогнито» дает ему силы для повседневной бытовой борьбы («скрытое тщеславие и внутренняя, постоянно живущая во мне самоуверенность о некоем временном моем «инкогнито», скрывающем нечто значительное, укрепляли мне душу» [2, I, с. 19]), и, как ему кажется,

оправдывает все унижения и дурные поступки: «Меня оправдывает моя идея» [2, I, с. 79].

При описании своей идеи Аркадий подчеркивает, что главное в ней – это его хотение: «Я узнал положительно, что могу настолько хотеть, что достигну моей цели, а в этом, повторяю, вся "моя идея"» [4, XIII, с. 68]. Герой убежден, что справится с любыми трудностями при одном условии: «только бы не переставалось "хотеть"» [4, XIII, с. 70]. Гоша полагает, что именно его «великая дерзость» – желание возглавить Россию – является первым и важнейшим шагом на пути к цели: «Главное, что я решился и дерзнул иметь такое желание» [2, I, с. 469].

Сцены посещения героями собраний интеллигенции (общество Дергачева в «Подростке», компания Арского в «Месте») могут быть со- и противопоставлены. Аркадий, попадая к Дергачеву, больше всего боится, что «они (то есть они или другие в этом роде – это все равно)» «разобьют» его идею. Он предполагает, что другие могут «сказать что-нибудь», отчего он бы сам в ней разочаровался. В «Подростке» этого не происходит, герой, напротив, успокаивается «в высшем смысле», услышав аргументы Васина об «идее-чувстве». То, чего так опасался Аркадий, случается с героем Горенштейна. Гоша, который не допускал к своей идее ни врагов, ни друзей, на вечере у Арского случайно узнает, что его «инкогнито» оказалось явлением распространенным настолько, что даже имело научное определение – солипсизм. Этот «тяжелый нравственный удар» заставляет героя на время оставить свою идею.

Как известно, в финале романа происходит перерождение идеи Аркадия: «<...> эта новая жизнь, этот новый, открывшийся передо мною путь и есть моя же "идея", та самая, что и прежде, но уже совершенно в ином виде, так что ее уже и узнать нельзя» [4, XIII, с. 451]. Одной из главных причин подобной эволюции идеи исследователи считают встречу Подростка с его «законным» отцом Макаром Ивановичем Долгоруким. Благодаря Макару, который открыл Аркадию идеал благообразия» [7, с. 40], «в Подростке меняется онтологическое отношение к миру, по-иному видится ему теперь природа бытия» [5, с. 142], «"ротшильдова" идея Подростка в конце оборачивается "христовой" идеей» [6, с. 202]. Изменение отношения героя к миру передается в разном восприятии им «луча заходящего солнца» до встречи с Макаром и после нее, что было отмечено И. Лунде, Т. Касаткиной и др.

Подобным образом идея Гоши к концу повествования, оставаясь по-прежнему идеей («Да, я по-прежнему не могу жить, не имея руководящей идеи» [2, I, с. 826]), кардинально меняется («идея эта совершенно исключает мою прежнюю мечту о политической карьере» [2, I, с. 832]). Эта идея – «стать долгожителем», как и в «Подростке», сопряжена с иным пониманием смысла существования. Обращение Горенштейна в этой связи к образу солнца свидетельствует о явной ориентации на роман

Достоевского. Как и Аркадий, Гоша видит пробивающиеся сквозь окно солнечные лучи и именно в этот момент осознает свою новую идею: «Очнувшись и глянув в солнечное окно (второй раз за короткий сравнительно промежуток я как бы просыпаюсь от смерти и первым делом вижу освещенное солнцем окно), глянув в окно, я вдруг разом понял, что теперь буду держаться за жизнь руками и зубами и в этом, может, и будет состоять отныне моя новая идея, теперь уже окончательная» [2, I, с. 820].

Роль Макара в романе Горенштейна исполняет «религиозный старичок». Встреча с ним Гоши на уровне отдельных деталей повторяет сцену разговора Подростка и Макара Долгорукого. Значимый для Аркадия монолог происходит в момент его «возрождения» после девятидневного беспомощства, Гоша знакомится со старичком в больнице в «первый день новой жизни», чему предшествовало его «исчезновение на несколько месяцев из осмысленной жизни». По словам Аркадия, старец смотрел на него «минутами с какою-то необыкновенною даже любовью», «ласкательно» клал ладонь на его руку, гладил его по плечу. Гоша делает вывод, что он расположил к себе старичка, поскольку тот, слушая рассказы о гошиной жизни, плакал и «пытался ласково прикоснуться» к его лицу. Однако проникновенным словам Макара о тайне бытия, о бессмертии христовой любви у Горенштейна соответствуют «безграмотные религиозные вирши» о втором пришествии Христа. Содержащиеся в этих «графоманских» стихах воззвания к грешникам облечены в форму лозунгов, прямых призывов («Грешники, к Богу скорей поспешите», «Милость и славу его вы примите», «Божие дети, главы вы склоните», «Дело Господне окончить спешите» [2, I, с. 279]), что работает на создание пародийного образа. Отмеченное травестирование, как кажется, вызвано тем, что Горенштейн не придавал вере того значения, которое она имела в художественном мире Достоевского, иначе оценивал «благообразного» героя, отказывал ему в способности повлиять на окружающих.

Новая идея и Аркадия, и Гоши – это идея «живой жизни». В обоих романах она характеризуется как предельно простая, но при этом достигается только в итоге исканий героев. Версилов говорит Аркадию, что «живая жизнь» – это «нечто ужасно простое, самое обыденное и в глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтоб оно было так просто, и, естественно, проходим мимо вот уже многие тысячи лет, не замечая и не узнавая» [4, XIII, с. 178]. По словам Гоши, его новая идея «простая до того», что он удивляется, «как это она обычно приходит в голову последней, а не первой, едва является сознание и желание выделиться из массы» [2, I, с. 826].

Однако, если у Достоевского в «Подростке» «живая жизнь», по справедливому замечанию Т. Касаткиной, является «последней тайной на пути к незримому Богу», то у Горенштейна такая категория, как вера, из понятия «живой жизни» принципиально исключается, о чем свидетельствует отмеченное выше пародийное переосмысление образа Макара, его религиозных убеждений.

По Горенштейну, «живая жизнь» – это «тихая, здоровая и прочная» семейная жизнь. Показателен в этом отношении эпизод на даче Журналиста. Гоша, ощутив «прочность» и «богатство» жизни в семье Журналиста (признаками благополучия для героя являются собственная машина, специально оплачиваемый шофер, ореховый торт), после сытного обеда (ранее герой признавался, что когда его угощают «вкусным обедом, особенно на голодный желудок», то в его душе «появляется чувство глубокого умиления и жгучего желания сделать для этих людей что-либо по-настоящему хорошее, желание благодарности, которое превзошло бы все ожидания» [2, I, с. 92]), он размышляет о своей идее: «Была ли в тот момент со мной моя идея возглавить Россию? Безусловно, но не в виде болезненно страстного напора, постоянно и ясно передо мной возникавшего, особенно в трудные минуты, а в виде этакого приятного обещания, приятного "завтра", в котором я сейчас не нуждаюсь, но о котором помню и оставляю на закуску. Сейчас, за этим дачным столиком, уставленным вкусной едой, мне, как никогда, очень хотелось хорошо жить» [2, I, с. 589]. Идея отступает на второй план, когда появляется возможность «хорошо жить», ее повторное возникновение вызвано жизненными (в первую очередь, материальными) трудностями, вновь обрушившимися на героя.

Гоша изначально воспринимает благополучную спокойную жизнь как альтернативу жизни, подчиненной «глупой, съедавшей душевные силы идее-фантазии». Герой считает, что, «потеряв свою тайную мечту, веру в свое "инкогнито", веру в идею, пережив и перестрадав, приобрел право на тихое благополучие» [2, I, с. 115]. Именно после «утраты "великой идеи"» он начинает мечтать о «женитьбе» и «сытой устойчивой жизни», о «тихой, здоровой и прочной жизни» он продолжает думать, работая в КГБ. Койко-место в общежитии становится для Гоши символом самой жизни: «А койко-место – это постоянно и логично, как сама жизнь... Это и есть сама жизнь, и без койко-места человек утрачивает свое человеческое начало...» [2, I, с. 115]. Именно с койко-местом связана для Гоши мысль о возрождении: он испытывает «приятную рыхлость и мертвость лежащего тела, ощущение, наступающее обычно в преддверии крепкого мертвого сна, после которого не просыпаешься, а возрождаешься» [2, I, с. 133]. Такова «живая жизнь» по Горенштейну, которая, согласно авторской логике, способна обесценить идею, смирить горды-

ню и тщеславие, заставить забыть обиды, отказаться от мщения, и, говоря словами писателя, «воскресить человека».

Создавая образ Гоши, Горенштейн намеренно ориентируется на героя Достоевского, заостряет его узнаваемые черты, воспроизводит известные сюжетные ситуации, но при этом подвергает их заметной трансформации, акцентируя принципиальные отличия, чтобы предложить свое понимание ключевой для классика категории «живой жизни».

Список литературы

1. Аннинский Л. Фридрих Горенштейн: миры, кумиры, химеры: заметки о творчестве писателя // Вопросы литературы. – 1993. – № 1. – С. 79.
2. Горенштейн Ф. Н. Избранное: в 3 т. – М.: Слово, 1991-1993.
3. Горенштейн Ф. Н. Товарищу Маца – литературоведу и человеку, а также его потомкам // Литературное приложение к журналу «Зеркало загадок». – 1997. – № 5.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1985.
5. Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь–справочник. – СПб.: Пушкинский дом, 2008.
6. Касаткина Т. А. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: «идея» героя и идея автора // Вопросы литературы. – 2004. – № 1. – С. 181–212.
7. Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского. – М.: МАКС Пресс, 2001.
8. Сыроватко Л. В. «Подросток»: роман об идее // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения. – Коломна: КГПИ, 2003. – С. 63-81.

Противопоставление действий по признаку локализованности / нелокализованности во времени: спорные случаи истолкования

В статье рассматривается выражаемое в русском языке противопоставление временной локализованности / нелокализованности действия, существенное для определения семантического потенциала глагольных форм несовершенного и совершенного видов. Статья включается в направление функциональной грамматики (грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций), которое разрабатывается санкт-петербургской аспектологической школой и представлено работами А. В. Бондарко и его учеников. Особое внимание уделено спорным вопросам интерпретации данного противопоставления и классификации отдельных вариантов этих значений.

The article examines the contraposition of the temporal localizing/non-localizing of action existing in Russian language that is rather essential for the definition of semantic potential of verbal forms of perfective and imperfective aspects. This article joins in the stream of the Functional Grammar (the grammar of function-semantic fields and the grammar of categorical situations) that is worked out by the scientists of the Saint-Petersburg aspectological school and is represented by the works of A. V. Bondarko and his disciples. The special attention is paid to the debatable moments of the interpretation of given contraposition and to the classification of some variants of these meanings.

Ключевые слова: функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, категориальная ситуация, аспектология, вид, способ действия, А.В. Бондарко, временная локализованность / нелокализованность действия, повторяемость, конкретность / абстрактность.

Key words: functional grammar, functional-semantic field, categorical situation, aspectology, aspect, mode of action, A. V. Bondarko, temporal localizing/non-localizing of action, iteration, concreteness/abstractiveness.

Различие локализованности/нелокализованности действия во времени (Л/НЛ) является одним из основных универсальных семантических различий в понятийном поле аспектуальности. В русском языке противопоставление Л/НЛ представляет собой один из основных критериев, по которому различается семантический потенциал форм совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов и который играет важнейшую роль (наряду с признаками, связанными с отношением действия к пределу) в закономерностях функционирования видов. Имеется в виду способность видо-временных форм русского глагола участвовать в передаче значений актуальности, эпизодичности, временной локализованности действия, с

одной стороны, а с другой, – неактуальности, обобщенности, временной нелокализованности: – *Как это случилось? – Как все случается.* Если формы НСВ характеризуются возможностью реализации обоих признаков (Л и НЛ), то формы СВ связаны преимущественно, хотя и не исключительно, с понятием локализованности.

Таким образом, временная локализованность (Л) действия понимается как прикрепленность этого действия к определенному моменту или отрезку времени в плане настоящего, прошедшего или будущего времени; а временная нелокализованность (НЛ) как абстрагированность действия (и шире – ситуации в целом) от конкретного момента или отрезка времени (о НЛ см. [1, 2, 3, 16, 17]). Ср.: Когда он опять посмотрел на Алферова, тот уже крепко *спал* (Л), навзничь раскинувшись и странно выбросив одну руку. Так в русских деревнях *спят* (НЛ) шатуны пьяные (В. Набоков) (курсив здесь и далее наш. – И. С.).

Противопоставление ЛНЛ уже давно находится в зоне пристального внимания лингвистов. История изучения этой категории начинается с трудов Э. Кошмидера [8; 20], хотя и до него А. А. Потенбня, не используя терминов «локализованность» и «нелокализованность», отмечал, что славянские глаголы могут обозначать конкретные и отвлеченные действия: а) *Я пишу теперь*; б) *Я недурно пишу* [12, с. 90-91]. Однако, несмотря на длительную историю изучения указанного значения единства в понимании ЛНЛ нет до сегодняшнего дня. По-разному толкуется само понятие локализованности. Соответственно по-разному строится классификация типов и вариантов категориальных ситуаций Л и НЛ. «Категориальная ситуация – это выражаемая различными средствами высказывания типовая (выступающая в том или ином варианте) содержательная структура, а) базирующаяся на определенной семантической категории и образуемом ею в данном языке функционально-семантическом поле; б) представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием...» [1, с. 12]. В нашем случае аспектом общей ситуации является прикрепленность или неприкрепленность действия к определенному моменту или отрезку времени.

Неоднозначность истолкования категории ЛНЛ связана с тем, что, по мнению А.В. Бондарко [2, с. 179-180], в современной лингвистике она изучается с различных точек зрения, в частности, а) при доминирующей роли аспектологического анализа, с учетом взаимодействия семантики предиката с семантикой субъекта и объекта (см. работы А.В. Бондарко и его учеников [2; 7; 11; 16]); б) при доминирующей роли анализа взаимодействия семантических типов предикатов и именных групп [4; 13]; в) с точки зрения денотативного статуса именных групп и пропозиций (на основе теории референции) [10]. «Указанные аспекты

изучения временной локализованности, как указывает А. В. Бондарко, частично пересекаются. Так, в книге Б. Хансена [19] при анализе рассматриваемой категории (автором используется термин «эпизодичность» – *Episodizität*) основное внимание обращено на референциальную характеристику высказывания и на роль взаимодействия глагольных и именных элементов данной категории (при этом используются элементы анализа в терминах ассоциативной грамматики)» [2, с. 180]. Ср. также различие понятий «временная локализованность относительно момента речи» и «временная локализованность относительно момента наблюдения» у М. Я. Гловинской [5, с. 200].

Представители перечисленных направлений противопоставление ЛНЛ признают в примерах типа: (Л) *Он писал, когда я вошел*; (НЛ) *Рука руку моет*. Данные примеры идеально иллюстрирует вывод Э. Кошмидера о существовании в языке двух групп фактов: конкретных, осуществляющихся в какое-то время, занимающих свое собственное, вполне индивидуальное, место на линии времени, и абстрактных, не связанных со строго определенным, свойственным только им индивидуальным временем, то есть не обладающих своим «местоположением во времени», обладающих лишь общей значимостью [8]. Так, в первом примере представлена конкретная, наблюдаемая ситуация, а во втором – ситуация вневременная с абстрактным субъектом. Таким образом, речь идет о противопоставлении локализованности и вневременности. Положение о том, что в ситуациях вневременности временная нелокализованность действия представлена наиболее явно (достигает своего предела) является общепринятым в современной лингвистике. Однако в работах А. В. Бондарко и его учеников в зоне НЛ, помимо вневременности, выделяется еще два типа: простая повторяемость и узуальность. «Троичная» система типов НЛ связана, в первую очередь, с разными степенями мышления: 1) отражением, непосредственным восприятием действительности – простая повторяемость, 2) знанием о действительности – узуальность и 3) познанием действительности – вневременность.

В значении простой повторяемости отражается ряд конкретных явлений действительности, наблюдаемых в определенный момент или отрезок времени, то есть речь идет о неограниченной повторяемости действия в рамках конкретного эпизода. Ср. известные примеры А. М. Пешковского (а) и Л.П. Размусена (б): а) «...*посмотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется, то подымет уши, то прижмет их*»; б) «*Смотри, как он пляшет, то в ладоши хлопнет, то ногами топнет*». В ситуациях простой повторяемости, таким образом, сложно взаимодействуют значения НЛ – неограниченной кратности (доминирующее) и Л – конкретности, ограниченности рамками одного эпизода (фонное). О простой повторяемости см.: [15; 16; 17].

В ситуациях узуальности действия предстают отвлеченными от конкретного времени. «Это уже уровень знания – знания того, что наблюдаемое явление не единичное, а обычное, непрерывно длящееся или повторяющееся в настоящем, прошедшем или будущем» [6, с. 184]. Узуальность связана со значением обычной повторяемости и типичности действия для субъекта. Например: *Грушницкий со своей шайкой бушует каждый день в трактире и со мной почти не кланяется; Она запела: голос ее недурен, но поет она плохо...* (М. Лермонтов).

Узуальность – часто встречающийся термин, но, в отличие от вневременности, единодушия в интерпретации узуальности среди ученых, представляющих различные направления в лингвистике, нет. Узуальное значение трактуется разными лингвистами по-разному.

Так, для Т. В. Булыгиной локализованными являются любые действия (события, процессы), которые представлены «как конкретные, реально происходящие (происходившие, произошедшие) в некоторый момент или период времени, а также ситуации и состояния, относящиеся к конкретному временному отрезку. «Такое терминопотребление, – пишет Т. В. Булыгина, – в общем соответствует аспектологической традиции, с тем отличием, что предикациям, описывающим реальные события, повторяющиеся неопределенное число раз (вроде *Каждый раз, когда я открывал дверь, я замечал ...*), мы приписываем значение временной локализованности, хотя и неопределенное» [4, с. 18]. Таким образом, признаком Л, согласно концепции Т. В. Булыгиной, обладают действия неограниченно-кратные, совершающиеся в определенные, специально обозначенные в высказывании, циклические периоды, а признаком НЛ – только нереферентные, или обобщенно-референтные, действия.

Более широкой выглядит зона НЛ у О. Н. Селиверстовой, которая считает, что формы СВ глаголов «исполнения» (по классификации Вендлера) не могут соотноситься с временными выражениями, обозначающими точку на временной оси. Нельзя сказать: *В эту минуту (в пять часов) она вымыла посуду*. Это связано с тем, отмечает О. Н. Селиверстова, что предикативный денотат абстрагирован от реального протекания во времени, т.е. в высказываниях с такими глаголами выражается значение НЛ. Аналогичная ситуация и с глаголами типа *постирать, поиграть, почитать*, денотаты которых, по мнению О. Н. Селиверстовой, не имеют точной локализации во времени [13, с. 106-107]. Мы считаем, что в приведенных примерах представлены ситуации Л, так как, по нашему мнению, действие может быть локализованным не только в конкретной (хронологической) точке, но и на временном отрезке, имеющем различную протяженность. Таким образом, отмеченное О. Н. Селиверстовой семантическое своеобразие приведенных выше глаголов может быть использовано при субкатегоризации признака Л.

Е. В. Падучева «расширяет» зону вневременности, относя к ней не только вневременные свойства (*Рыбы дышат жабрами; Железо тонет в воде; Искусство принадлежит народу*), но и постоянные свойства материальных объектов с долгим сроком существования: *Эта речка впадает в небольшое озеро* [10, с. 25]. На наш взгляд, ситуации постоянного отношения представляют собой по отношению к признакам ЛНЛ особый случай: в них как бы одновременно представлены оба этих признака. Но не следует забывать, что и для Е. В. Падучевой локализованность – это, прежде всего, способность употребляться в актуально-длительном значении. Мы же полагаем (см. выше), что локализация возможна и в рамках некоторого ограниченного временного отрезка. Постоянное действие не может быть оторвано от временной оси в целом, оно составляет важнейший идентифицирующий признак субъекта, но в то же время к нему не применимо само понятие локализации. Речь идет о действии, которое субъект не может не совершать: пока существует субъект, существует и действие.

Б. Хансен к нелокализованным во времени (неэпизодическим, по его терминологии) относит следующие ситуации: 1) неограниченно-кратные (*Зимой гостила иногда в усадьбе странница Машенька*); 2) обобщенно-фактические (*Ко мне сам Никодим Палыч Кондаков обращался*); 3) постоянно-непрерывные (*Говорят, жизнь быстро двигается*); 4) потенциально-качественные (*Стрелок был сумасшедший – пулеметом распиливал бревно, как пилой*) [19, с. 18].

Семантическое своеобразие постоянно-непрерывного значения и затруднительность его интерпретации с точки зрения Л/НЛ уже отмечены. Не следует, на наш взгляд, относить к нелокализованности и обобщенно-фактическое значение. Обобщенно-фактическое значение, для которого неактуально противопоставление единичности / многократности (повторяемости) действия, нейтрально по отношению к признакам Л и НЛ.

Весьма показательным в то же время является тот факт, что в классификации Б. Хансена типами временной нелокализованности названы неограниченная повторяемость (итеративность) и качественность (типичность).

Обращение к итеративности чрезвычайно важно, так как противопоставление Л/НЛ в русской грамматической традиции и отмечалось изначально как противопоставление единичности / многократности (повторяемости) действия. Кратность глагольного действия рассматривалась как критерий деления глаголов на виды. С современной точки зрения итеративность рассматривается как один из признаков, на основании которого сформировалась довидовая семантическая категория определенности / неопределенности, послужившая отправной точкой для развития видового противопоставления русских глаголов (см.: [9]). Этим определяется настоятельная потребность в изучении категориального и

субкатегориальных значений Л и НЛ, в описании разноуровневых средств выражения данных признаков.

Необходимо признать, что определенного комментария требует само противопоставление единичности / повторяемости действия. На наш взгляд, его следует интерпретировать как противопоставление единичности (однократности) / неединичности (неоднократности); неединичность (неоднократность) имеет несколько содержательных вариантов.

Оппозиция Л/НЛ (конкретности / абстрактности) не тождественна оппозиции единичности / неединичности (неоднократности, повторяемости), а лишь пересекается с ней. Итеративность (неограниченная повторяемость), безусловно, связана со значением НЛ. Однако действие может быть неоднократным и тем не менее либо локализованным во времени, либо нейтральным по отношению к противопоставлению Л/НЛ. Ср. ситуации а) ограниченно-кратного действия: *Сколько раз просила не курить сигар у меня* (М. Горький); б) суммарного действия: *Сергей приподнялся и дважды выстрелил в воздух* (А. Гайдар); в) повторного действия: *Я вам опять-таки должен повторить, что я вас не знаю* (И. Тургенев); г) прерванного и возобновленного действия: *Работы на строительстве возобновились через полгода* (Г. Марков); д) многоактного действия: *Где-то далеко по чугунной доске стучал сторож* (А. Чехов); е) дистрибутивной неоднократности: *Жена перебила все чашки* (пример В. С. Храковского [18]). В то же время в некоторых высказываниях, передающих значение НЛ, может отсутствовать непосредственное указание на повторяемость обозначаемого действия. Ср., например, ситуации потенциального действия: (ж) *Я хорошо говорю по-английски*; (з) *Язык до Киева доведет*; (и) *С дураком каши не сварить*.

Именно поэтому мы полагаем, что вариативность категориальных ситуаций Л и НЛ, в первую очередь, обусловлена двумя типами пересекающихся противопоставлений: а) единичности / неединичности (неоднократности, повторяемости) и б) конкретности / абстрактности. Два типа указанных противопоставлений пересекаются в зоне узуальности, что обуславливает ее семантическую неоднородность. Узуальность, на наш взгляд, делится на обычную (узуальную) повторяемость и типичность. Два типа узуальности характеризуются различным соотношением акциональных и признаковых (квалитативных) сем. Дело в том, что любое повторяющееся действие, не ограниченное рамками единичной конкретной ситуации, определенным образом характеризует субъект (и/или объект) этого действия. И наоборот – сообщение о каком-либо типичном для того или иного субъекта действии естественным образом предполагает повторяемость такого действия, то есть оценивается прежде всего то, что происходит с той или иной степенью регулярности. Таким образом, значение обычной (узуальной) повторяемости (ОП) характеризуется

соединением сем реального действия и потенциального признака, а значение типичности (Т) (неполной обобщенности) соединением сем реального признака и потенциального действия. Ср.: (ОП) *Мальчишка аккуратнейшим образом опаздывает каждый день на два, на три часа* (А. Чехов); (Т) *Он малый не промах, никому не спустит* (А. Пушкин).

Таким образом, в двух типах НЛ (неограниченной повторяемости и обобщенности) выделяются ситуации четырех основных подтипов: ситуации простой повторяемости, ситуации обычной (узуальной) повторяемости, ситуации типичности (привычности) действия и ситуации вневременности. Два последних подтипа можно определить как ситуации неполной и полной обобщенности. Такой подход не противоречит «троичной» классификации (простая повторяемость, узуальность, вневременность), представленной в работах А. В. Бондарко и его учеников. Это скорее еще одна возможность рассмотреть типы НЛ под новым углом зрения. Соотношение двух подходов можно представить следующей схемой.

НЛ			
1. Неограниченная повторяемость		2. Обобщенность	
1.1. Простая (конкретная)	1.2. Обычная (узуальная)	2.1. Неполная (типичность)	2.2. Полная (вневременность)
I. Простая повторяемость	II. Узуальность		III. Вневременность (гномичность)

Выделение на первом этапе анализа в семантической зоне НЛ ситуаций неограниченной повторяемости и обобщенности, на наш взгляд, в большей степени соответствует системе частных видовых значений. «Строевым» элементом ситуаций неограниченной повторяемости является неограниченно-кратное значение НСВ (*по утрам он делает зарядку*). В ситуациях обобщенности реализуются, как правило, потенциально-качественное значение НСВ (*он хорошо говорит по-английски*) и потенциальное значение СВ (*язык до Киева доведет*). Формы СВ в наглядно-примерном значении используются в ситуациях обоих типов (*иногда бывает так: налетит ветер, сорвет крышу и стихнет, как будто его и не было*).

Естественно, субкатегоризация значений неограниченной кратности и типичности может быть продолжена. Важнейшим дифференциальным признаком для ситуаций неограниченно-кратного действия будет тип интервала, частотность/нечастотность и регулярность/нерегулярность повторения. Для ситуаций типичности столь же значимым

дифференциальным признаком будет тип характеризующего значения, его облигаторность или факультативность.

Чрезвычайно важным для построения типологии значений Л и НЛ (в обеих разновидностях: повторяемости и обобщенности) является определение степени конкретности / обобщенности и определенности / неопределенности субъекта (и объекта) действия. Общая закономерность такова: в ситуациях Л субъект и (в случае наличия) объект действия всегда конкретны и определены (см. выше примеры *a – e*); в ситуациях НЛ субъект и (в случае наличия) объект действия могут быть как конкретными (см. выше пример *ж*), так и обобщенными (см. выше примеры *з, и*). Подробнее о взаимодействии Л/НЛ с семантикой субъектности / объектности см.: [14].

Список литературы

1. Бондарко А. В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Таксис. – Л., 1987. – С. 210–234.
2. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб., 1999.
3. Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М., 2002.
4. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 7–85.
5. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. – М., 2001.
6. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.
7. Козинцева Н. А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями (на материале армянского языка в сопоставлении с русским). – Л., 1991.
8. Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола: Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. – М., 1962. – С. 382–394.
9. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. – М., 1958.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М., 1996.
11. Панова Г. И. О содержательных типах повторяемости действия в русском языке // Функциональный анализ грамматических единиц. – Л., 1980. – С. 41–52.
12. Потевня А. А. Из записок по русской грамматике. – М., 1977. – Т. IV. – Вып. II.
13. Селиверстова О. Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. – М., 1982. – С. 86–157.
14. Смирнов И. Н. Семантика субъекта / объекта и временная локализованность // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – СПб., 1992. – С. 154–166.
15. Смирнов И. Н. Простая повторяемость как переходная зона между локализованностью и нелокализованностью действия во времени // Язык. Функции.

Жизнь: Сборник статей в честь профессора А. В. Бондарко. – СПб., 2000. – С. 241–255.

16. Смирнов И. Н. Категория временной локализованности действия в современном русском языке. – СПб., 2001.

17. Смирнов И. Н. Выражение повторяемости и обобщенности действия в современном русском языке. – СПб., 2008.

18. Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – С. 124–152.

19. Hansen B. Zur Grammatik von Referenz und Episodizität. – München, 1996.

20. Koschmieder E. Zeitbezug und Sprache: Ein Beitrag zur Aspekt- und Tempusfrage. – Leipzig; Berlin, 1929.

**К вопросу становления терминосистемы экономики
(словообразовательный аспект)**

В статье рассматриваются проблемы формирования терминов экономики, которые помогают вывести фундаментальные принципы образования отдельной терминосистемы. Все большее число терминов проникает в общеупотребительную лексику, вследствие чего проблемы терминологии оказывают влияние на язык в целом. Термины занимают центральное место, и являются семантическим ядром языка науки. Семантическая деривация включает в себя расширение, сужение и различного рода сдвиги значения.

Economic term formations are considered in the paper. Terms gradually are known to become part and parcel of the neutral vocabulary. Thus terminology is observed to influence the processes in the current English as a whole. Terms are proved to be the nucleus of the language of the science. Semantic derivation is considered to include expansion, generalization and specification of the meaning.

Ключевые слова: семантическая деривация, терминология, термин, значение, типология терминов.

Key words: semantic derivation, term, terminology, meaning, typology of terms.

В начале XXI века вопросы теории экономического терминообразования остаются значимыми в связи с социально-историческими факторами, обусловившими перемены в экономическом и политическом устройстве современного общества, что не могло не вызвать появления новых терминов, обозначающих фундаментальные и прикладные понятия социальной деятельности человеческого общества.

По мнению современных исследователей (Н. В. Васильевой, В. М. Грязновой, В. П. Даниленко, Т. Л. Канделаки, Г. П. Немца, Н. В. Подольской и др.), терминология в настоящее время – это искусственно формируемый лексический пласт, каждая единица которого ограничена в употреблении и имеет определенные условия для существования и развития. Исследователи значительное внимание стали уделять вопросам семантической деривации в рамках когнитивной, коммуникативной и функциональной лингвистики.

В данном исследовании терминоведение рассматривается как формирующаяся дисциплина, исследующая термины, терминологии, терминосистемы, где под термином понимается лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее (конкретное или абстрактное) понятие теории определенной специальной области или деятельности [9, с. 16-17]. Одна из главных задач терминоведения есть упорядочение и систематизация терминов. Объектом

упорядочения в терминоведении является терминология, то есть естественно сложившаяся совокупность терминов определённой области знания или её фрагмента. Результат этой работы представляется в виде терминосистемы – упорядоченного множества терминов с зафиксированными связями-соотношениями между ними, отражающими отношения между называемыми этими терминами понятиями. Ученые начали проявлять интерес к изменению значения слов еще до появления самого термина «семантическая деривация». В работе «Основы лингвистической теории значения» М. В. Никитин определяет значение семантической деривации как «образование производных значений от исходных без изменения формы знака» [12, с. 26].

Семантическая деривация является интересным направлением лингвистического исследования, поскольку позволяет изучить развитие значения слов, способствует их более полному пониманию, а также даёт возможность проследить процесс заимствования терминологической лексики в определенную научную терминосистему из других языков и областей знаний. «На появление новых значений влияют, главным образом, лексические факторы, проявляющиеся через посредство лексического контекста, и лишь потом, понятийные, выражаемые через понятия» [12, с. 53]. Таким образом, язык оказывается структурным элементом научного знания: чем наука «научнее», тем больше вес языка в ее структуре. Язык «входит» в науку, прежде всего терминологией. Прочие элементы языка не могут идти в сравнение с ней. Как считал А. А. Реформатский, в терминах отражается социально организованная действительность, поэтому термины имеют социально обязательный характер.

Общепризнанным является определение терминологии как совокупности терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующей особый пласт лексики. По мнению В. М. Лейчика, «терминология занимает центральное место, является семантическим ядром лексики языка науки, который признается функциональной разновидностью литературного языка на современном этапе» [8, с. 14]. Проблемы терминологии оказывают влияние на язык в целом в связи с тем, что все большее число терминов проникает в общеупотребительный язык, следовательно, изучение специальной лексики становится все более актуальным для развития языка.

Терминология – это особая семиотическая система, использование терминов строго регламентировано, область их функционирования ограничена определенной отраслью знаний. Термин, являясь членом определенной терминологической системы, относится к той или иной области науки, техники, производства, и его концептуальное содержание определяется его местом в системе. Каждый термин имеет свою дефиницию (точное научное определение) в ряду прочих терминов в той же области. Термины являются частью языка как живого организма, они также используются неспециалистами, и, следовательно, их значение изменяется

таким же образом, как и значения других слов. «Термин претерпевает ту же эволюцию, что и слово общего языка: он «живет», обрывает новыми значениями, которые функционируют одновременно со старым значением, либо вытесняют его» [2, с. 68]. В исследовании терминологии особое внимание уделяется следующим вопросам: особенности семантической деривации в сфере терминологии, причины ее возникновения, различные ее виды, терминологизация слов общего языка, семантическая деривация непосредственно внутри терминологической системы и обратный процесс детерминологизации, а именно, переход одного или нескольких значений термина в сферу общего языка.

Внутри терминологического способа терминообразования выделяется несколько частных подвидов: расширение значения общеупотребительного слова; терминологизация общеупотребительного значения слова; метафоризация значения общеупотребительного слова; метонимический перенос значения общеупотребительного слова; специализация значения общеупотребительного слова; межсистемное заимствование лексем. «В сфере терминологии выделяются три вида семантического терминообразования: метафорический перенос (продуктивен в терминосистемах с преобладанием конкретной лексики), метонимический перенос (абстрактной лексики) и сужение значения (и в тех, и в других). Причем сужение значения рассматривается как специфический для терминологии способ терминообразования» [1, с. 43].

Динамизм термина соотносится со свойством относительности его существования: термины, являясь лексемами, не обладают постоянными семантическими и формальными свойствами, противопоставляющими их другим лексемам, а приобретают их временно, пока существует терминосистема, соотносимая с областью знаний» [2, с. 78]. Эволюция термина рассматривается в рамках терминологии как результат развития научных представлений. Кроме того, «зарождению нового значения с неизбежностью сопутствует более или менее суженное или расширенное использование прежнего языкового материала» [3, с. 48]. Некоторые термины подвержены амбисемии, то есть имеют диахронически равнообъемный интенционал и неопределенные (размытые) содержательные границы, что не является однако их отрицательной характеристикой, поскольку семантическая определенность термина должна пониматься не в смысле её заостренности, а в смысле постоянного уточнения объема понятия, выражаемого термином. Происходит поэтапный процесс формирования терминологии: при первоначальном обозначении реалии используются «прототермины» – слова обиходной лексики, которые могут и не фиксироваться в словаре; на этапе терминологизации «прототермины» вовлекаются в круг специальной лексики и фиксируются в словарях в специальном значении; далее они функционируют как термины, употребляясь в научных определениях.

Прототермины – это специальные лексемы, появившиеся и употребляемые до появления наук, и поэтому они называют не понятия (которые возникают с появлением науки), а специальные представления. Прототермины с тех пор не исчезли – они сохранились в дошедшей до нас ремесленной и бытовой лексике (поскольку с тех пор многие специальные представления вошли в общий обиход). Со временем, при появлении научных дисциплин, в которых специальные предметные представления ремесел и некоторых других видов деятельности теоретически осмысляются и преобразуются в системы научных понятий, часть устойчиво закрепившихся в специальной речи прототерминов включается в научную терминологию. Остальные существуют либо в виде общеупотребительной лексики предметных областей, в которых отсутствуют (ещё не сформировались) научно-теоретические основы, либо функционируют в виде так называемых «народных терминологий», используемых параллельно с научными терминами, но без связи с понятийной системой. Таким образом, многие базовые термины старых терминологий когда-то были прототерминами и сохранили ряд своих черт – использование для мотивации случайных, поверхностных признаков или отсутствие (утрата) мотивированности [14, с. 17]. Терминоид – специальная лексема, используемая для называния недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих чётких границ, а значит и дефиниций. Поэтому терминоиды не имеют таких терминологических свойств, как точность значения, контекстуальная независимость и устойчивый характер, хотя и именуют понятия.

В отдельные временные периоды, в разных национальных сообществах, а также в границах отдельных научных течений строго заданные слова-понятия могут иметь некоторые изменения семантики (приращение значений, изменение характеристик сочетаемости), особенно в связи с быстрым развитием техники, науки, культуры, межкультурной коммуникации. Существует зависимость семантики термина от ряда причин, как экстралингвистических, так и собственно лингвистических. Язык с его лексическим наполнением является живой материей, которая постоянно изменяется. Это явление становится заметнее в эпоху стремительного технологического развития. Подобные изменения значений, напрямую затрагивающие, в частности, гуманитарные науки, стимулируется социокультурным прогрессом. В границах терминологического строя каждой науки можно выделить некоторый представительный массив слов, у которых лексические значения меняются в течение определенного периода времени таким образом, что эти изменения можно обнаружить в словарях данного языка за данный период и в текстах указанного временного промежутка.

Отношение значения слова к той или иной области знания является решающим фактором при возникновении новых значений, но при образовании терминологических значений наблюдается некоторое ослабле-

ние данной зависимости. Кроме того, этимологические и хронологические факторы также влияют на процесс терминологизации. «Исконные слова, в отличие от заимствованных, чаще приобретают терминологические значения, и направленность образования новых значений у них более разносторонняя. Большая хронологическая глубина слова также является одной из предпосылок более интенсивной терминологизации. Перенос значений играет большую роль в образовании терминологических значений, чем общепотребительных значений» [1, с. 8].

Начало терминологической деятельности как самостоятельного направления в научных исследованиях датируется в отечественном терминоведении 1931 годом, когда была опубликована первая статья Д. С. Лотте по проблемам унификации и стандартизации технической терминологии, а в зарубежной науке связано с именем австрийского ученого О. Вюстера. Д. С. Лотте занимался вопросами терминотворчества, стандартизацией терминов, созданием понятийно-терминологических систем и проблемами перевода научно-технических терминов. Ученый создал классификацию способов заимствования терминов, первым из них он считал оригинальные заимствования: «В этом случае при переводе слово переносится в язык перевода «в том виде (в той форме)», в котором оно существует в языке источника. Причем, если не происходит никаких изменений, мы имеем дело с буквальными заимствованиями («блюминг» из англ. blooming, «крекинг» из англ. cracking, «реле» из фр. relais), а если есть какие-либо изменения, то это трансформируемое заимствование (как «проектирование» из лат. proectio)» [11, с. 58]. Этот способ, получивший позднее название транслитерации, находит у Д. С. Лотте явную поддержку.

Научные термины могут быть классифицированы, например, по происхождению как «исконные» и «заимствованные»; по степени мотивированности как «правильно ориентирующие» и «ложноориентирующие»; по степени дефинированности как «прототермины, терминоиды и предтермины» [4, с. 67] или по функционально-стилевой ограниченности как «нормативные и ненормативные» [6, с. 21], или как термины, профессионализмы и специальные жаргонизмы [13, с. 42].

З. И. Комарова схематически классифицирует терминологию по стилистическому принципу: терминология – нормативная: предметные термины; собственно термины; ненормативная – профессионализмы; терминоиды; индивидуально-образные выражения [6, с. 21]. Согласно этой классификации научная терминология не включает в себя профессионализмы, поскольку относится к нормативной лексике. В то же время дальнейшее деление терминов на «собственно термины» (выражающие научные понятия) и на «предметные термины» (обозначающие специальные предметы) подводит нас к классификации научного термина как собственно термина, но не предметного, что неоднозначно. Возникает вопрос, почему предметный термин не может быть научным? Представ-

ляется, что, согласно такой классификации, огромное число предметных геологических, биологических, географических терминов выпадет из научной терминологии. Очевидно, «предметные» и «научные» термины противопоставлены как «конкретные» и абстрактные, а научные термины всегда абстрактны.

Номены – это наименования единичных понятий, а также конкретной массовой продукции, воспроизводимой по одному и тому же образцу заданное число раз [5, с. 20]. Разница между термином и номеном заключается в том, что номены называют единичные понятия, а термины – общие понятия. Отделив термины от номенов по понятийному критерию, можно далее по этому же критерию отграничить научные термины от технических: «Технические термины, выражающие обобщенные понятия инструментов и операций, отличаются от научных терминов, прежде всего, меньшей зависимостью от концепций» [10, с. 5]. Г. Отман, рассматривая понятийную специфику термина, подразделяет все термины на научные, которые обозначают теоретические понятия наук (*concepts théoriques des sciences*), и технические, которые обозначают инструменты, артефакты, опыты, наблюдения, меры (*des instruments, des artifacts, des observations, des expériences, des mesures ...*) [16, с. 15].

Подавляющее большинство классификаций терминов, таким образом, основывается на лингвистическом статусе терминов, который не является единственно возможным. Такие экстралингвистические аспекты, как «объект терминирования» и их «прагматическая функция», предложены В. М. Лейчиком в качестве оснований в многоуровневой классификации термина [10, с. 18]. Также можно выделить понятийные типы научного термина на основе категориального анализа. Очевидно, что в большинстве наук имеются такие категориальные классы понятий, как система, процесс, функция, признак, состояние, структура, категория, отношения и т.д. В то же время каждая наука имеет свою понятийную сетку и, соответственно, свой набор наиболее часто встречаемых категориальных понятий. Так, например, для лингвистических наук наиболее характерными категориями являются единица, уровень, система, процесс, состояние, функция, в то время как для естественных наук – это объект, структура, фактор, иерархия и т.д. Следовательно, выявление понятийных разновидностей научного термина возможно только относительно определенной конкретной терминосистемы.

Таким образом, научный термин – это языковой знак, выражающий специальное научное понятие и отражающий место этого понятия в соответствующей системе научных понятий, системе знаний. Научная терминология представляет собой систему терминов, за которой всегда стоит система понятий, реализуемая в его дефиниции. Именно системность и понятийность отличают термин от нетермина и придают специальной лексике статус научной терминологии. Понятийность и системность как отличительные признаки научного термина хорошо

просматриваются в процессе построения словарного определения научных понятий. Как отмечает С. Ландау, определение специального понятия часто требует отнесения к базовому (basic) понятию и обязательно требует включения специальных понятий с общими и пересекающимися признаками (Terms sharing a common element) [15, с. 151]. Научные термины обозначают научные понятия и в совокупности образуют терминосистему, которая является составляющей языка науки как структурированное научное знание. Термины, как и всякие другие языковые единицы, неоднородны. Разновидности терминологических наименований обуславливаются двойственной природой термина: с одной стороны, его принадлежностью к лексической системе языка, с другой – характером обозначаемого им специального понятия и особенностями отношений между ними.

Изучение процесса становления терминосистем и терминологий является необходимым для понимания значения того или иного термина. В рамках усиления международного сотрудничества данные могут быть полезны в области международной коммуникации.

Список литературы

1. Белявская Е. Г. Семантика слова. – М., Высш. шк., 1987.
2. Брагина А. А. Значение и оттенки значения в термине // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1980. – С. 43-45.
3. Володина М.Н. Термин как средство специальной информации. – М., 1996.
4. Гринев С. В. Введение в терминоведение. – М.: Московский Лицей, 1993.
5. Канделаки Т. Л. Значение терминов и системы значений научно-технических терминологий. //Проблемы языка науки и техники. – М.: Наука, 1970. – С. 3-39.
6. Комарова З. И. Семантическая структура специальных слов и ее лексикографическое описание. – Свердловск: Уральский ун-т, 1991.
7. Кобызева Н. М.. Лингвистическая семантика. – М., 2000.
8. Лейчик В. М. Опыт построения классификации Терминологических словарей // Теория и практика научно-технической лексикографии. – М.: ВНИИКИ, 1988. – С. 40-46.
9. Лейчик В. М. Предмет, методы и структура терминоведения. – М., 1989.
10. Лейчик В. М. О многоуровневой классификации терминов в современных естественных и искусственных языках //Научно-техническая информация. Сер.2. – М.: ВНИИКИ, 1976. – № 6. – С. 5-8
11. Лотте Н. М. Основы построения научно-технической терминологии // Вопросы теории и методики. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.158- 169.
12. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Либроком, 2009.
13. Шеллов С. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы // Вопросы языкознания. – 1984. – N 5. – С. 76-87.
14. Grinev S. V. Terminology and Nomenclature in Russian Terminology Science // Terminologie und Nomenclature. – Lang, 1996. – P. 41 – 52.
15. Landau S. I. Dictionaries. The art and Craft of Lexicography. – Cambridge: University Press, 1992.
16. Otman G. Les Representations Semantiques en terminologie. – Paris: Masson, 1996.

Квантитативная вариативность английской фразеологии (на материале ФЕ с глаголом движения)

В статье содержится анализ квантитативной вариантности фразеологических единиц современного английского языка, включающих в свой состав глагол движения *go* в качестве ведущего структурного компонента.

The paper deals with the analysis of the quantitative variability of phraseological units of modern English which contain the verb of movement 'go' as the leading structural component.

Ключевые слова: фразеологическая единица (ФЕ), компонент ФЕ, квантитативная вариантность, глагол движения.

Key words: phraseological unit (PU), PU component, quantitative variability, the verb of movement.

Идея фразеологического варианта восходит к швейцарскому лингвисту Шарлю Балли (1865-1947), который отмечал, что наряду с постоянной частью фразеологический оборот может содержать переменную, т.е. некоторые слова оборота могут быть заменены другими без нарушения целостности группы [2, с. 99]. Квантитативные варианты были впервые включены в таксономию вариантов фразеологических единиц А. В. Куниным, который первоначально называл их квантитативными и которые определял как «... варианты с неодинаковым числом компонентов, образованные путем их усечения или прибавления» [5, с. 491].

Процесс образования квантитативных вариантов ФЕ – идентичных по значению фразеологизмов с неодинаковым числом составляющих – преимущественно путем усечения одного или нескольких компонентов имеет особенно широкое распространение в английской фразеологии [6, с. 186; 11, с. 11]. Этот процесс можно объяснить влиянием общей тенденции фразеологической компрессии в современном английском языке [9, с. 24], которая, вероятно, обнаружила первые проявления в начале новоанглийского периода [3, с. 34]. Так, например, фразеологический оборот *go to the demnition bow-wows*, введенный в литературное использование Ч. Диккенсом, сократился до варианта *go to the bow-wows* – пойти ко всем чертям, разориться, погибнуть (*bow-wow* (детское) собака; *demnition* эвфемизм вместо *damnation*). Контекстуальные примеры свидетельствуют о тождественности рассматриваемых вариантов, сравним:

(a) It is all up with its handsome friend! He *has gone to the demnition bow-wows* (Ch. Dickens, *Nickolas Nickleby*). – Все кончено с ее красивым дружкой. Он отправился ко всем чертям (курсив здесь и далее везде наш. – Т.Ф.).

(б) *Everything was going to the bow-wows* (OED). – Все пошло прахом.

Фразеологизмы библейского происхождения, особенно ФЕ номинативно-коммуникативного, или глагольного, класса [6, с. 167] не являются застывшими цитатами, не допускающими никаких изменений. В современном английском языке многие из них развивают вариантность, подвергаются различным видам обновлений, от них могут образовываться производные фразеологизмы. Приведем типичный пример глагольной ФЕ библейской этимологии с квантитативно-усеченной вариантностью: *go through fire and water* > *go through the fire* – пройти огонь и воду, выдержать любое испытание, противостоять всем невзгодам, смело встречать все опасности и испытания. Сравним:

(а) – Then you see a man, Sir, who *would go through fire and water* to serve Dombey, – returned Major Bagstock (Ch. Dickens, *Dombey and Son*). – В таком случае, сэр, вы видите человека, который пойдет в огонь и воду, чтобы услужить Домби, – заявил майор Багсток.

(б) А. He is an interesting, though sad face. В. Then it's like his life, for he has indeed *gone through the fire* in the past (SPI) – А. У него интересное лицо, хотя и печальное. Б. Как и вся его жизнь. Ему пришлось пройти сквозь тяжкие испытания.

Квантитативно-усеченная вариантность глагольных ФЕ с константно-вариантно-переменной зависимостью (в терминологии А. В. Кунина [4, с. 124]) может быть представлена следующим примером: *go somebody one better* > *go one better* – превзойти, перещеголять, затмить кого-л. Сравним:

(а) When Peter Hofman addressed the younger man as Abraham, the minor member of the Clan *went him one better* and called him Abe (J. O'Hara, *The Lockwood Concern*). – Когда Питер Гофман обратился к молодому человеку, назвав его Эйбрахэмом, младший член клана решил перещеголять старшего и назвал его Эйб.

(б) The Tories call for a two-month "cooling-off" period during which a strike would be illegal, *going one better* than Mrs. Castle, who wanted a 28-day no-strike freeze (Morning Star). – Тори призывают к двухмесячному «охлаждающему» периоду, в течение которого забастовки были бы объявлены незаконными. Тори переплюнули миссис Касл, которая требовала заморозить забастовки на 28 дней.

Квантитативная вариантность с медиальной редукцией компонентов, или с так называемым синкопированием [10, с. 139], также является довольно распространенным явлением в глагольной фразеологии современного английского языка: *go all round the houses* > *go round the houses* – ходить вокруг да около; *go to the length of...* > *go the length of...* – пойти,

решиться на...; *go over big with somebody* > *go big* – иметь большой успех, проходить «на ура» и многие др., сравним, например:

(а) We hope that the musical *will go over big with the audience* (R. Spiers, AID). – Мы надеемся, что мюзикл будет иметь большой успех у публики.

(б) If the new line *goes big* he should clean up a fortune (LDOEI). – Если новая линия пройдет «на ура», то этот человек наживет целое состояние.

Среди рассматриваемых фразеологизмов существует также морфолого-квантитативный вариант *go the round(s) of* > *go the round(s)* – циркулировать, переходить из уст в уста. В этом случае вариантность показателя числа имени существительного сочетается с усечением предложного компонента ФЕ, сравним:

(а) He judged therefore... that the word of his return *had gone the rounds of it* (A.J. Cronin, A Thing of Beauty). – Стефан понял..., что весть о его возвращении уже облетела всю округу.

(б) We'll let the story of last night *go the rounds*. It'll be a hell of a big story by tomorrow (J. Steinbeck, In Dubious Battle). – Мы пустим слух о том, что произошло вчера. И завтра он, черт побери, превратится в сенсацию!

(в) This celebrated epistle... created quite a sensation... as it *went the round* after tea (Th. Hews, Tom Brown at Oxford). – Это знаменитое послание, содержание которого переходило из уст в уста после чая, вызвало настоящую сенсацию.

Большое число исследуемых фразеологических единиц обладает лексико-квантитативной вариантностью. Примером ФЕ с данным типом вариантности может служить фразеологизм *go the way of all flesh (или the earth)* – отправиться в путь всего земного, умереть. Оборот *go the way of all the earth* заимствован из Библии. В его основе лежит метафорическое переосмысление соответствующего переменного словосочетания. Выражение *go the way of all flesh* возникло в результате перевода латинского текста Библии (1609 г.), в котором вместо *universae terrae – of all the earth* был использован оборот *universae carnis – of all flesh*. В этом фразеологизме наряду с лексической вариантностью, когда взаимозаменяемыми компонентами являются несинонимичные существительные *the earth* и *flesh*, наблюдается и квантитативно-усеченная вариантность, которая заключается в редукции детерминанта *the*.

Лексико-квантитативные варианты характерны как для поликомпонентных, так и для малокомпонентных глагольных ФЕ: *go off (set off или start) at score* > *go off at full score* > *go off full score* – с жаром приняться за что-л., энергично начинать что-л. (особенно разговор на любимую тему); *go at a great (или at full) lick* > *go full lick* – нестись во весь дух, во весь опор; *go (или run) on oiled wheels* > *go (или run) on wheels* – идти как по маслу; *go it blind* > *ride it blind* > *ride blind* – действовать вслепую, по-

ступать необдуманно, опрометчиво; *go a mucker on* или *over smth* > *go a mucker* – ухлопать кучу денег (на что-л.); *go off like hot cakes* > *go like hot cakes* > *sell like hot cakes* – раскупаться, идти на расхват, сравним:

(а) The girl would *go off like hot cakes*, of course, but she needn't take the first calf that came along (J. Galsworthy, *Caravan*). – Девушку с руками оторвут, конечно, но это еще не значит, что она должна выйти замуж за первого подвернувшегося болвана.

(б) Daily Worker's birthday tickets *go like hot cakes* (Daily Worker). – Билеты на собрание, посвященное юбилею газеты «Дейли уоркер», расходятся моментально.

(в) This American teacher concluded his observations by commenting that: "Reading is the national pastime; everybody reads in great amounts; bookstores and libraries are always full, and books literally *sell like hot cakes*... (Political Affairs). – Американский учитель поделился своими наблюдениями: «Чтение в СССР – любимое занятие; читают все, книжные магазины и библиотеки всегда переполнены, хорошую книгу невозможно достать».

Квантитативная вариантность характерна также для глагольных ФЕ с константно-вариантно-переменной зависимостью компонентов: *go (run или flee) for the lick of one's life* > *run (или flee) for one's life* – бежать опрометью, бежать что есть мочи, сломя голову; *go between the bark and the tree* > *put one's finger between the bark and the tree* – вмешивать в чужие семейные дела, становиться между мужем и женой; *go out of one's mind* > *lose one's mind* – сойти с ума, лишиться рассудка, помешаться, сравним:

(а) You 're mad. You've *gone out of your mind*. I won't listen to you (A.J. Cronin, *The Stars Look Down*). – Ты сумасшедший. Ты просто спятил. Я не желаю тебя слушать.

(б) She looked as if she had completely *lost her mind* (E. Caldwell, *Jackpot*). – У Дейзи был такой вид, как будто она совсем помешалась.

Виды комплексной, или комбинированной, вариантности ФЕ довольно разнообразны и их комплексность проявляется по-разному:

(а) *go back on one's tracks* > *take the back track* – отказаться от своих намерений, пойти на попятный. В этих вариантах сочетаются взаимозаменяемость глагольных компонентов, изменение порядка следования компонентов, вариации единственного и множественного числа существительного *track*, усечение предлога, т.е. в данной ФЕ наблюдаем синтаксическую, лексическую, морфологическую и квантитативную вариантности.

(б) *go to all lengths* (тж. *go to any length(s)* или *go the whole length of it*) > *go a great length* – ни перед чем не останавливаться, быть готовым на все, идти на все. В данных вариантах наблюдается морфологическая вариантность субстантивного компонента *length*, варьирование компонен-

та-адьюнкта (термин заимствован у В.Д. Аракина [1, с. 149]) *all / any / great / whole*, вариации артикля и количественная вариантность за счет редукции предложного компонента *to*.

Выявление ряда комплексных, или комбинированных, вариантов подтверждает мысль о том, что количественные варианты и лексические варианты фразеологических единиц – суть понятия нетождественные (см. подробнее: [7 с. 150]), хотя оба явления снижают уровень фразеологической абстракции [12, с. 45].

Перспективу исследования видим в выявлении изоморфных и алломорфных количественных вариантов [8, с. 243] в избранном для анализа фразеологическом сегменте английского и других германских языков.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1979.
2. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
3. Киктева Е. И. Развитие фразеологической системы языка в новоанглийский период // Методы изучения системы и эволюции языка: Сб. науч. тр. – Свердловск, 1988. – С. 32-35.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996.
5. Кунин А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1964.
6. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. – М.: ИМО, 1972.
7. Федуленкова Т. Н. Количественные versus лексические варианты фразеологических единиц // Язык, культура, общество: Материалы IV международ. конф. – М.: РАН, Российская Академия лингвистических наук, научный журнал «Вопросы филологии», 2007. – С. 150.
8. Федуленкова Т. Н. Понятие изоморфизма фразеологического афферезиса // Герценовские чтения. Иностранные языки: Материалы межвуз. науч. конф. 28-29 апреля 2010 г. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 243-244.
9. Федуленкова Т. Н. Фразеологическая компрессия (на материале современного английского языка). – М., 2001. Рукопись деп. в ИНИОН РАН от 27.08.02 № 57414: Деп. науч. работы: Языкознание. – № 1. – 2003.
10. Федуленкова Т. Н. Функциональное развитие коммуникативных фразеологических единиц в современном английском языке // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики: Материалы науч. конф. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 1998. – С. 136-139.
11. Fedulenkova T. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // *Ranam: recherches anglaises et nord-américaines: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen.* – Strasbourg: Université Marc Bloch, 2003. – Vol. 36. – P. 11-22.
12. Fedulenkova T. *Phraseological Abstraction // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 April 2008.* – Arkhangelsk; Aarhus, 2009. – P. 42-54.

Элементы среды аспектологического значения акциональности

В статье рассматриваются вопросы, связанные с выявлением элементов среды аспектологического значения акциональности в немецком языке. В фокусе внимания автора находятся системно-языковая и речевая среда.

The article discusses questions of identification of the environment's elements of the aspectological meaning of the actionsart in the German language. In the author's attention there are system-language and verbal environment.

Ключевые слова: немецкий язык, акциональность, аспектологическое значение.

Key words: German language, actionsart, aspectological meaning.

Понятие системы применительно к значениям языковых единиц, классов и категорий предполагает наличие упорядоченных множеств содержательных элементов, соотнесенных с элементами формального выражения. В настоящей статье предлагается анализ элементов среды аспектологического значения акциональности. Вслед за А. В. Бондарко мы рассматриваем аспектуальность как универсальную семантическую категорию, которая включает понятия вида, способа действия и предельности/непредельности (П/НП). В языках, где существует вид как грамматическая категория, оппозиция П/НП трактуется как лексико-грамматическая категория, при отсутствии вида в языке предельность/непредельность может занимать в поле аспектуальности центральное или периферийное положение [3, с. 124]. Методика идентификации аспектологического значения, представленного в предложении, включает: 1) интерпретацию значений, представленных в толковых словарях; 2) понимание и интерпретацию аспектологического значения конструкции; 3) толкования аспектологического значения в отдельных теоретических работах.

С позиций системного динамико-функционального подхода к исследованию языковых фактов, с позиций теории системной множественности функциональных свойств каузативных глаголов выделяются элементы среды, актуализирующие значение акциональности. В каузативной структуре с информативно-модифицирующими глаголами, репрезентирующей значение акциональности, функционируют адвербиальные элементы, например: *immer, wieder, nochmals, wiederholt*. Данные компоненты функционируют в качестве лексических экспликаторов акционального значения, так как характеризуют протекание каузации как длительное, повторяющееся.

К элементам среды аспектологического значения акциональности относятся адвербиальные экспликативы следующих семантических групп: квантитативно-итеративные атрибуты (*jeder, jedesmalig*) и обстоятельства цикличности (*jedesmal, stets, morgens, abends, sonnabends*), кратности или счетного комплекса (*zweimal, dreimal, mehrmals*), интервала (*manchmal, selten, meistens, oft*), узуальности (*gewöhnlich, immer*), а также комплексные (*zweimal täglich, meistens abends*) [9, с. 128-129; 10, с. 20-21; см., например, о функционировании итеративных девербатов и глаголов итеративной семантики: 2, с. 65-78]. В качестве иллюстративного материала используется фонд лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета: *Während die Witwe stets beteuerte, sie habe ihren Mann über alles geliebt, sah dessen Sohn Pierce Marshall das völlig anders....; Sie stopft bei den Kassen hektisch Milliardenlöcher, die sie im Wahlkampf stets geleugnet hat* [см. 13].

Ряд исследователей предлагают ввести диагностирующие определители, с помощью которых можно выявить потенциальную сочетаемость глаголов. Так, например, для предельных глаголов диагностирующими определителями являются *endlich, völlig, plötzlich, sofort, da* и др.; для не-предельных – *seit langem, den ganzen Abend, lange, innerhalb einer Woche* и т. п. [5, с. 22].

К адвербиальным элементам, фиксирующим акциональное значение, могут быть отнесены следующие: *ab und zu, abermals, allabendlich, allemal, allezeit, allzeit, alljährlich, allmonatlich, allnächtlich, allzulange, allzuoft, andauernd, einen Tag um den anderen, beständig, da und dort, hier und da, dann und wann, einigemal, noch einmal, noch einmal soviel, einmal über das andere, einst und jetzt, immermal, monatenlang, monatenweise, neu, neuerlich, nochmals, oft, oftmals, periodisch, regelmäßig, rückfällig, schon so und so oft, sooft, stetig, stets, stet, tagaus, tagein, täglich, täglich und stündlich, immerdar, immerfort, immer noch, noch immer, immer schneller, immerzu, langhin, mehrfach, vielmals, seit langem, einen Augenblick (lang), für einen Augenblick, einen Moment, eine Weile (lang), kurz, ein wenig, sekundenlang, einen Tag, einen Tag lang, noch, unendlich, jahrelang, einige Jahre (lang), den ganzen Tag, schon, nach 2 Stunden* и др.

Адвербиальные экспликативы актуализируют начало или итеративность каузативного действия, способствуют уточнению и конкретизации значения начинательности. Адвербиальные экспликативы выступают в роли идентификаторов характера протекания действия. С точки зрения семантики адвербиальных экспликативов можно выделить следующие элементы среды аспектологического значения акциональности, репрезентирующие начинательность действия:

1) адвербиальные экспликативы со значением внезапного начала действия: *plötzlich, auf einmal*. Адвербиальные экспликативы объединя-

ются в группу следующих синонимов: *plötzlich – ungeahnt, schlagartig, unerwartet, mit einem Mal / Ruck / Schlag, unverhofft, abrupt, unvermutig, schroff, überraschend, zufällig, unversehens, urplötzlich, auf einmal* (Bulitta).

2) адвербиальные экспликативы со значением начала действия, подготовленного предшествующими событиями: *sofort, schließlich, gleich, gleich darauf, gleich danach, kurz danach, endlich*. Адвербиальные экспликативы данной группы могут быть представлены синонимами: *sofort – augenblicklich, sogleich, unverzüglich; endlich – zu guter Letzt, letzten Endes, zum Schluß, schließlich, nach längerer Zeit / nach längerem Warten* (Bulitta).

3) адвербиальные экспликативы со значением начала действия, отграничиваемого определенной точкой во времени: *vom 1. September, an / auf / ab / seit dem 1. September: “Ich bestreite seit dieser Saison Wettkämpfe”, so die 17jährige zukünftige Bürokauffrau Daniela; “Wettkämpfe bestreite ich erst seit zehn Jahren”*.

4) адвербиальные экспликативы со значением количественной итеративности действия: *periodisch, jedesmal, oftmals, nochmals*. Адвербиальные экспликативы данной группы могут быть представлены синонимами: *mehrmalig – häufig, oft, wiederholt, vielmalig, immer wieder, öfters; mehrmals – oft(mals), häufig, immer wieder, vielmals, etlichemal, ungezählt, nicht selten, viele / etliche Male* (Bulitta): *Man widerspricht oft einer Meinung, während uns eigentlich nur der Ton, mit dem sie vorgetragen wurde, unsympathisch ist; Oft wird entgegnet, dass Kostenbeiträge von Hochschulstudium abschrecken; BILD druckte gestern die Beweisfotos – der Prinz hatte weiter geleugnet; Nordkorea hatte nicht nur Bewohner eines Nachbarlandes kaltblütig gekidnappt und von ihren Familien getrennt, sondern dies auch noch jahrzehntelang kaltschnäuzig geleugnet*.

5) адвербиальные экспликативы со значением цикличности действия: *wieder, wiederum, stets, morgens, freitags, einen Tag um den anderen, beständig*. Адвербиальные экспликативы данной группы могут быть представлены синонимами: *wieder – wiederum, abermals, nochmals, noch einmal, aufs neue, erneut, neuerlich, wieder einmal, wiederholt* (Bulitta): *Bisher hatte Noatnick stets bestritten, gespendet zu haben*.

6) адвербиальные экспликативы со значением кратности действия: *mehrfach, mehrmals, abermals, einigemal, häufig*. Адвербиальные экспликативы данной группы могут быть представлены синонимами: *jedesmal – in jedem Fall, dauernd, immer(zu), fortwährend, ewig, stets, fordauernd, ununterbrochen, allzeit, permanent, constant, allemal, ohne Unterbrechung / Pause / Ende / Unterlass; oft – immer wieder, viele / etliche Male, in vielen Fällen, wiederholt, oftmalig, oftmals, nicht selten, häufig, mehrmals, ein paarmal, mehrmalig, vielmals, vielfach* (Bulitta): *Wojtyla selbst hat vor einigen Jahren mehrfach darauf hingewiesen, dass ein kranker Papst, der seine Amtsgeschäfte nicht mehr vollständig ausüben könne, von einem Kardinalskollegium unterstützt werden müsse*.

7) адвербиальные экспликативы со значением интервала действия: *manchmal, meistens, ab und zu, allabendlich, alljährlich, allmonatlich, selten*. Адвербиальные экспликативы данной группы представлены синонимами: *manchmal – bisweilen, zeitweise, gelegentlich, dann – wann, sporadisch, ab und zu, stellenweise, zuzeiten; selten – manchmal, nicht oft, sporadisch, nicht alltäglich* (Bulitta).

Действиям, выражаемым сочетанием глагола с вышеприведенными адвербиальными экспликативами, предшествовали определенные события, по истечении которых начиналось действие: *schließlich* толкуется как “*nach einer langen Zeit des Wartens, nach vielen Verzögerungen, nach einer langwierigen Prozedur; endlich, zum Schluss, zuletzt* (Duden Universalwörterbuch); *endlich – nach einer langen Zeit des Wartens, der Verzögerung, des Zweifels* (Duden Universalwörterbuch); *nach langer Erwartung, Verzögerung, nach langem Zweifel; schließlich, zuletzt* (Wahrig).

Адвербиальные экспликативы *sofort, gleich darauf, gleich danach, kurz danach* обладают общим значением «непосредственно после определенного события, спустя короткое время»: *sofort – “unmittelbar nach einem bestimmten Geschehen; ohne zeitliche Verzögerung; unverzüglich* (Duden Universalwörterbuch); *gleich, ohne Aufschub, unverzüglich* (Wahrig); *gleich – “in relativ kurzer Zeit, sofort, [sehr] bald* (Duden Universalwörterbuch); *sofort, unverzüglich, auf der Stelle; schon, bereits, schon zu Anfang* (Wahrig).

Адвербиальные экспликативы *gleich danach / darauf, kurz danach / darauf* являются синонимами *sofort*, они содержат определенную ссылку на предыдущие действия в виде местоименных наречий *danach / darauf*. Адвербиальные экспликативы *sofort, gleich, gleich darauf, gleich danach, schließlich, endlich* могут сочетаться с глаголами-идентификаторами начинательности *beginnen* и *anfangen*. Семантика начинательности включает два дифференциальных семантических признака: 1) модификация, переход в новое состояние; 2) длительность развития действия: ... *der Advokat wischte sich den Mund und begann mit neuer Kraft auf K. einzureden* (Kafka); *Dabei begann er eifrig auf mich einzureden, ...* (Kaske). Употребление адвербиальных экспликативов начинательной детерминации глагольного действия способствует актуализации значения акциональности.

К элементам среды аспектологического значения акциональности относятся структуры с модальными глаголами, которые являются одним из ведущих средств реализации модального значения. Модальность рассматривается А. В. Авериной как отражение преломления отрезка действительности через сознание говорящего и образует в предложении модальную рамку, которая связывает пропозицию с говорящим (внешняя модальность), а может иметь и внутренний план, когда отражается отношение действующего лица к действию. А. В. Аверина выделяет сле-

дующие значения: 1) эпистемическая модальность (уверенность / неуверенность / сомнение в том или ином факте действительности); 2) волюнтативная модальность (модальность волеизъявления, или желательность); 3) алетическая модальность (возможность и действительность); 4) деонтическая модальность (отражает связь утверждаемого в суждении с нормами морали, права, конкретными обязательствами) [1, с. 21]. Структура модальный глагол + Infinitiv I/II указывает на время протекания предполагаемого действия по отношению к моменту речи и также относится к элементам среды аспектологического значения акциональности. *Den irakischen Kreisen zufolge wird Bagdad in den kommenden Tagen auch einen Bericht vorlegen, der die Zerstörung von Beständen an Milzbranderreger belegen soll.* Предположение высказывается относительно положения дел в настоящий момент времени, соответствующий моменту речи.

Глагол *dürfen* имеет следующие значения: *das Recht, die Erlaubnis od. die Macht haben, etwas zu tun; den Grund haben, etwas zu tun, können* (Wahrig); *Erlaubnis, Berechtigung, Vermutung, Annahme, Notwendigkeit* [11, с. 94-96]: *Erst dann soll der Notar den Vertrag beurkunden dürfen.* Основным значением модального глагола *dürfen* является выражение значения алетической модальности. Вышеприведенный пример демонстрирует значение эпистемической модальности.

Глагол *mögen* имеет следующие значения: *können, werden (zum Ausdruck der Vermutung, Hoffnung, Möglichkeit od. des Wunsches)* (Wahrig); *Wunsch, Einräumung, Vermutung, Unsicherheit* [11, с. 102-104]: *Zugleich sind sie ausgesprochen hilfreich, wenn man sich über die Qualitäten eines Gebrauchten informieren möchte.* Основным значением модального глагола *mögen* является выражение значения эпистемической модальности.

Глагол *können* имеет следующие значения: *vermögen, fähig sein, imstande sein, in der Lage sein (etwas zu tun); dürfen, berechtigt sein; Grund haben (etwas zu tun)* (Wahrig); *Möglichkeit, Erlaubnis, Vermutung, Annahme* [11, с. 93-94]: *Niemand, weder der Pfarrer, aber sie war wahrscheinlich ohnehin evangelisch, noch der Bürgermeister, konnte behaupten, von ihr je wahrgenommen oder gar gegrüsst worden zu sein* (Walser, Ein springender Brunnen). Аспектологическая среда акциональности поддерживается в данных структурах не только семантикой модального глагола, интерпретацией смысла ситуации, но и адвербиальными экспликаторами семантики предположения в аспекте реализации значения эпистемической модальности: *dann, nicht, ja, auch, vielleicht.*

Man kann auch ganz zu Anfang behaupten, es sei heutzutage unmöglich einen Roman zu schreiben, dann aber, sozusagen hinter dem eigenen Rücken, einen kräftigen Knüller hinlegen, um schließlich als letztmöglicher Romanschreiber dazustehn (Grass, Die Blechtrommel).

Модальный глагол *können* выражает возможность выполнения действия, это его основное значение, но, как и глагол *müssen*, он может реализовывать значение предположения. Отличие заключается в том, что *müssen* представляет положение дел со значением «гипотетической необходимости» [11, с. 93-94].

Глагол *müssen* имеет следующие значения: *gezwungen sein (etwas zu tun)*, *nicht anders können, als (etwas zu tun)* (Wahrig); *Notwendigkeit, Aufforderung, Vermutung, Annahme* [11, с. 96-97]: *Johann musste seine Dankbarkeit schon deshalb so heftig bezeugen, weil er verbergen musste, wie unwohl er sich mit diesem Haarschnitt fühlte* (Walser, Ein springender Brunnen). Модальный глагол *müssen* передает высокую степень уверенности и участвует в реализации семантики предположения.

Конструкции с модальными глаголами *wollen* и *sollen* реализуют, как правило, эвиденциальные значения [1; 4; 6; 8]. Категория эвиденциальности содержит в своей семантике указание говорящего на источник, из которого получена информация об описываемой ситуации [1, с. 40]. Э. Лайс относит к лексическим идентификаторам эвиденциальности модальные слова *offensichtlich, angeblich, scheinbar* [12, с. 12]. А. В. Аверина рассматривает маркер *scheinbar* в качестве идентификатора эпистемической модальности [1, с. 40] и обращает внимание на случаи реализации модальными глаголами *wollen* и *sollen* значения эпистемической модальности. Мы разделяем ее точку зрения и продемонстрируем это на материале каузативных конструкций с модальными глаголами.

Глагол *sollen* имеет следующие значения: *die Pflicht, Verpflichtung, Aufgabe, den Auftrag haben* (Wahrig); *Aufforderung, Aussage eines anderen, Ratschlag, Empfehlung, Zukunft in der Vergangenheit, Vermutung, Zweifel, Bedingung* [11, с. 97-101]: *Einer von ihnen, der "High Energy Transient Explorer" ist im Jahr 2000 ins All gestartet und soll die Forscher besonders schnell über neue Gammablitzte informieren*. Модальный глагол *sollen* в каузативной ситуации реализует свое основное значение «требование, настоятельность выполнения действия (поручение, приказ, предписание, рекомендация, обязанность, задача, задание, цель)». Глагол *sollen* употребляется также в вопросах для реализации значений нерешительности / неуверенности: *Soll(te) ich einmal zum Arzt gehen? Soll(t)en wir noch länger warten? Sollen* имеет значение предположения, сомнения в вопросительных предложениях и в структурах с Konjunktiv II.

Модальный глагол *wollen* обозначает волю / намерение, при этом реализуется значение эпистемической модальности – предположение о событии, ожидаемом в будущем, то есть реализуется акциональное значение: *wollen – die feste Absicht haben, den Plan haben (etwas zu tun), fest wünschen (zu tun); den (festen guten Willen) haben (etwas zu tun), mögen, gern tun mögen* (Wahrig); *Wille, Absicht, Behauptung, Notwendigkeit, Zukunft* [11, с. 101-102]: *Die neue Führung will die Beschäftigten von KirchMedia auf einer Versammlung über die Lage nach dem Insolvenzantrag informieren*.

Среда аспектологического значения акциональности может быть представлена в ситуации с модальным глаголом *wollen* и адвербиальными экспликаторами акциональности: ... *während man zu dem Ort der unglaublichen Entdeckung zurückläuft, man will sich zuerst nur nebenbei, nur flüchtig während des Essens von der Sache nochmals überzeugen, man horcht* (Kafka, Beschreibung). Контекст может быть усилен наличием идентификаторов эпистемической модальности *vielleicht, ja: Früher zum letzten Mal vielleicht in jenem Beleidbrief, hatte er Georg zur Auswanderung nach Russland überreden wollen und sich über die Aussichten verbreitet, die gerade für Georgs Geschäftszweig in Petersburg bestanden* (Kafka, Erzählungen).

Значения квантитативной итеративности и эпистемической модальности усиливают значение акциональности.

Таким образом, среда аспектологического значения акциональности отмечается в случаях актуализации значения эпистемической модальности: 1) с помощью модальных слов: *bestimmt, natürlich, wahrhaftig, selbstverständlich, wirklich, allerdings, vielleicht, hoffentlich, wahrscheinlich, höchstwahrscheinlich, vermutlich, scheinbar: Allerdings bestätigte Kaldinski einen zeitlichen Zusammenhang: Die Serie, die Dennis' Mörder zugerechnet wird, begann 1992 mit dem Mord an einem 13-Jährigen, der aus einem Internat in Scheeßel entführt wurde.*

2) с помощью модальных частиц: *wohl, ja, doch, auch, nicht: Schüler brauchten ihre Meinung zwar nicht zu verstecken, selten aber sachlich argumentieren.*

Конструкции с модальными глаголами с инфинитивом рассматриваются как лексико-грамматические средства актуализации одной из разновидностей темпоральных отношений – модального будущего. Модальное будущее сохраняет те или иные оттенки самостоятельного значения, свойственного модальному глаголу. Конструкции с модальными глаголами проецируют действие, обозначенное инфинитивом, в будущее с указанием на момент речи, в отличие от футурума, где действие не примыкает к моменту речи.

В каузативных структурах с информативно-модифицирующим глаголами значение акциональности фиксируется в аспектологической среде с прямой или косвенной речью: *Andere argumentieren meist, dass die Unternehmensführung eine Gesamtleistung des Vorstands sei, eine individuelle Auflistung daher nicht angebracht sei.*

Элементом среды аспектологического значения акциональности является включение информативно-модифицирующих глаголов в структуры с глаголами попытки *suchen* и *versuchen*. *Jemand – ein Fremder – hat mir einmal zu beweisen versucht, dass die Stadtverwaltung (heimlich natürlich) ihre Schaffner in Psychotherapie unterweisen lasse ...* (Böll, Zur Verteidigung ...).

Структуры с глаголами попытки сближаются по своей семантике с

конструкциями с фазисными глаголами, в частности с глаголом *beginnen*: *Sie schien sich damit bestätigt zu fühlen und begann, nachdem ich mich gesetzt hatte, munter auf mich einzureden* (Kaske).

Доминирующим контекстом значения акциональности для информативно-модифицирующих глаголов является контекст презенса: *Ihm, der eigentlich die Wahrheit des angezweifelten Satzes beweist, legte Remarque diesen Schlüsselsatz in den Mund* (Böll, Zur ...). Презенс обладает темпоральной универсальностью. Именно этот факт обуславливает наличие серьезных вопросов в интерпретации аспектологического контекста с этой временной формой. Так, например, значение актуального настоящего может быть представлено в минимальном контексте, в случае функционирования диагностических индикаторов: *da, jetzt, zur Zeit, heute, in diesem Augenblick, eben* и др.

Длительные действия, представленные формой настоящего времени, могут осуществляться не только в момент речи, но и охватывать более обширные отрезки прошлого или будущего (так называемое «расширенное настоящее»): *Ich warte auf dich Tag für Tag, Nacht für Nacht*. В связи с этим представляется необходимым дальнейшее теоретическое уточнение различий и взаимосвязи таких понятий, как «физическое время», «психологическое время», «грамматическое время», «мгновенное действие», «длительное (дуративное) действие» [5, с. 72].

Вопрос о возможности употребления глаголов немецкого языка в функции констатирующего презенса открыт, так как не любой глагол может быть представлен в этом контексте. Высокую рекуррентность демонстрируют случаи, в которых употреблено настоящее время в значении будущего времени. В немецком языке в настоящем времени могут употребляться глаголы любой семантики.

Акциональное значение представлено в случае актуализации интенсивности воздействия: *Aus Angst vor der Bestrafung habe Guido S. in mehreren Verhören durch die Polizei allerdings beharrlich geleugnet, irgendetwas mit dem Verbrechen zu tun zu haben*.

Имена существительные *Angst, Freude, Glück, Scham, Schreck, Wut* и др. выражают психическое или физическое состояние каузатора. Вышеприведенный случай демонстрирует также повторяемость, длительность действия *in mehreren Verhören*. Интенсивность воздействия подчеркивается также введением в ситуацию *beharrlich*. Ср. также: *An der Ostfront in Russland sehen er und andere spätere Mitglieder der Weißen Rose die Judengogrome und die Gräuel der Vernichtungslager der Wehrmacht, die noch heute von manchen Zeitgenossen wütend geleugnet werden*. Интенсивность каузативного воздействия определяется также из контекста целостной ситуации: *Wie ruhig und milde sie auch widersprach, es war fester Widerspruch; "Wir haben Stellung genommen und heftig widersprochen"*. В последнем случае отмечается разновременность, что поддерживает

акциональность каузативного воздействия.

Следующим элементом среды аспектологического значения акциональности является структура слитного предложения, фиксирующая отношения одновременности или псевдоодновременности [см. о категории таксиса: 7, с. 102-141]: *Er setzt sich zu ihr, fasst sie um die Schulter, redet ihr gut zu* (Feuchtwanger); *Er ging zu ihr, setzte sich, zog sie zu sich herunter, machte seine Stimme sanft, redete auf sie ein* (Feuchtwanger). Действия предикатов по характеру протекания совпадают при включении их в один и тот же темпоральный диапазон (презентный или претеритальный). Отношения одновременности, представленные в структуре гипотаксиса при введении временного придаточного предложения союзами *während* и *wenn*, также актуализируют значение акциональности: *Während die jungen Genossen, verwundert über meine Einsilbigkeit, auf mich einredeten, sah und hörte ich nicht sie ...* (Joho); *Während er sie stützte, redete er begütigend auf sie ein* (Greulich). Среда аспектологического значения акциональности в приведённых случаях поддерживается временными союзами и одинаковым темпоральным диапазоном действия предикатов главного и придаточного предложений.

В заключение отметим, что в процессе исследования системы элементов среды аспектологического значения акциональности выявлены следующие диагностирующие определители, а именно: 1) адвербиальные экспликативы, 2) слитное предложение, эксплицирующее отношения одновременности, 3) паратаксис (отношения одновременности), 4) гипотаксис (отношения одновременности), 5) введение в структуру глаголов попытки *suchen, versuchen* глаголов со значением начинательности *beginnen, anfangen*, 6) введение в структуру актанта-способа каузации в виде прямой / косвенной речи и предложных сочетаний с семантикой «речение, говорение», 7) формы презенса.

Список литературы

1. Аверина А. В. Эпистемическая модальность как языковой феномен (на материале немецкого языка). – М.: КРАСАНД, 2010.
2. Архипова И. В. Кратный таксис в высказываниях с предложно-девербативными конструкциями // Квантитативная лингвистика и семантика. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – Вып 1. – С. 65-78.
3. Бондарко А. В. Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – С. 6-21.
4. Козинцева Н. А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб.: Наука, 2000. – С. 226-240.
5. Мыркин В. Я. Трудные вопросы аспектологии и темпорологии. – Архангельск: Изд-во Поморского государственного пед. ун-та им. М. В. Ломоносова. 1993.
6. Полянский С. М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990.
7. Полянский С. М. Теоретические основания описания категории таксиса

(выдержки из незавершенных работ) // Функциональный анализ языковых единиц. Межвуз. сб. научн. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 102-141.

8. Плуныян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. – М.: URSS, 2000.

9. Храковский В. С. Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 124-152.

10. Храковский В. С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. – Л.: Наука. Ленинградское отд., 1989. – С. 5-53.

11. Duden. Die Grammatik. Dudenverlag. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1995.

12. Leiss E. Drei Spielarten der Epistemizität, drei Spielarten der Evidentialität und drei Spielarten des Wissens // Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus. – Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2009. – S. 3-24.

13. URL: www.wortschatz.uni-leipzig.de

Список лексикографических источников

1. Bulitta E. u. H. Wörterbuch der Synonyme und Antonyme. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GMBH, 1990.

2. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Neu herausgegeben von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre". – Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag GMBH, 2000.

Список сокращений

Bulitta – Wörterbuch der Synonyme und Antonyme.

Wahrig – Deutsches Wörterbuch.

Поаспектное описание сложноподчиненных локативных предложений немецкого языка

В статье анализируются сложноподчиненные локативные предложения немецкого языка. При этом используется методика поаспектного (многоаспектного) анализа, позволяющая построить такую типологию, которая дает возможность выявить и смоделировать всю систему отношений, существующих в сфере данных предложений.

The article analyses german complex locative sentences. The aspectual (multi-aspectual) approach which is used for typological studies gives an opportunity to find out and model the whole system of components, categories and the relationships existing in the sphere of complex sentences of this type.

Ключевые слова: функционализм, поаспектный (многоаспектный) анализ, типология, сложноподчиненные локативные предложения, отношения локализации, отношения векторной направленности, аспект.

Key words: functionalism, aspectual (multi-aspectual) approach, typology, complex locative sentences, local relations, vector purposefulness relations, aspect.

Сложное предложение как одна из основных единиц языка содержит в себе ключ к решению многих фундаментальных и прикладных проблем языкознания, поэтому описание его устройства и использования в речи издавна занимает умы ученых разных теоретических школ и направлений. Однако, несмотря на обширность накопленных сведений и материалов, широкий размах исследований требуются серьезные усилия для поиска адекватного решения спорных грамматических проблем, к которым, в частности, относятся методика поаспектного анализа устройства и функционирования сложного предложения, семантико-функциональная типология сложных синтаксических конструкций, описание особенностей выражения локативных, временных и других типов отношений в сложноподчиненном предложении. Такое положение вещей объясняется сложностью и неоднозначностью самого объекта исследования.

В последние десятилетия происходит смещение фокуса лингвистических исследований с системоцентрической парадигмы к коммуникативно-прагматической. В этой формирующейся парадигме центральное место продолжают занимать функциональные описания языка. Данное обстоятельство связано со спецификой функционального подхода, которая, по мнению А.В. Бондарко, заключается в том, что объект (языковая

единица) изучается с точки зрения его функций, закономерностей функционирования и связей с окружающей средой. Под функцией языковой единицы понимается «свойственная ей в языковой системе способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи» [6, с. 6-8]. Таким образом, задачи функционального направления в лингвистике определяются тем, что наряду с изучением структурных и содержательных особенностей языковых единиц здесь также учитывается семиотический характер их социальной природы и использования в речевой деятельности носителей языка.

Разработка семантико-функционального синтаксиса сложного предложения предполагает в первую очередь создание типологии устройства предложения, которая давала бы представление о том, какие конструкции обеспечивают тот или иной участок семантики в синтаксической системе данного языка. Во вторую очередь ориентация на коммуникацию обуславливает необходимость моделирования условий выбора соответствующей единицы из того вариантного ряда, который имеется в данном языке. С учетом названных обстоятельств, при исследовании сложных синтаксических конструкций представляется целесообразным использовать методику поаспектного (многоаспектного) анализа, суть которой заключается в последовательном рассмотрении их семантико-структурного и функционального устройства [4, с. 160].

Применение данного метода к описанию интересующих нас сложноподчиненных предложений показывает, что как синтаксические условия подчинения способствуют установлению подчинительных отношений между лексическими единицами, так и лексические единицы, входящие в сферу лексико-семантической парадигматики, стремятся к подчинительной интеграции. Отсюда, подчинительные конструкции характеризуются качественно устойчивой определенностью, формируемой комплексом отличительных признаков. К таким признакам относятся:

- 1) союзные средства, средства усиления и дифференциации взаимосвязи частей, выражающие системные отношения и вследствие этого являющиеся базовыми элементами номинативного аспекта;
- 2) акционально-темпоральная и модальная характеристика глаголов (предикативный аспект);
- 3) взаиморасположение частей сложного целого, которое превращает предложение в конкретное речевое произведение – высказывание (актуализирующий аспект).

Перечисленные аспекты неразрывно взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом в составе единого целого.

Предметом рассмотрения в предлагаемой работе является семантико-функциональное описание сложноподчиненных локативных предложений, основывающееся на методике поаспектного (многоаспектного)

анализа. Однако прежде чем перейти непосредственно к анализу материала необходимо сказать несколько слов о месте интересующего нас типа синтаксических конструкций в общей классификации сложноподчиненных предложений.

По традиции, восходящей к ранним описаниям немецкого языка, предложения, репрезентирующие пространственные (иначе – локативные) и временные отношения, принято рассматривать как два самостоятельных класса сложноподчиненных предложений. С этих позиций категории пространства и времени в языке интерпретируются как параллельные. В действительности дело обстоит иначе.

Впервые на неразрывную связь пространства и времени обратил внимание М. М. Бахтин, который ввел понятие «хронотопа» (что в дословном переводе значит «времяпространство»). Данное понятие было перенесено в литературоведение почти как метафора. Ученый понимал хронотоп как формально-содержательную категорию литературы: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет: приметы времени раскрываются в пространстве, а пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 4]. Впоследствии эта концепция хронотопа в полном объеме была освоена литературоведением. Что же касается лингвистики, то идея взаимообусловленности категорий пространства и времени долгое время не находила в ней отклика. В нашей работе мы объединяем построения, выражающие локативные и временные отношения, в класс сложноподчиненных хронотопных предложений на том основании, что они образуют пространственно-временную рамку, показывая среду, в которой развивается ситуация. Механизм установления отношений между ситуациями главной и придаточной частей здесь базируется на дейктическом принципе, то есть одна из ситуаций является ориентационной для другой [5, с. 208-209].

Локативные отношения между частями сложного целого непосредственно устанавливаются только при условии, что придаточная часть реализуется в независимой позиции: *Wo immer noch das Dunkel webt / und nach der Hand der Landschaft strebt, / schlägt Sonne es entzwei* (I. Bachmann); *Wo früher das dunkelrote böse Auge funkelte, quoll purpurner Qualm bis zu den Regenwolken empor, schon waren die Ränder der Wolken von der düsteren Glut gefärbt* (B. Kellermann); *Täglich fuhr sie hinaus, wo die Gefangenen vor der Dampfwalze arbeiteten* (L. Feuchtwanger); *Er kannte es (Paris) ja bis in den letzten stinkenden Winkel, er führte es mit sich, wohin immer er ging* (P. Süskind).

В том случае, если придаточная часть относится к обстоятельству места, положение дел существенно меняется. Ориентационная ситуация придаточной части перестает выполнять функции ориентира и лишь уточняет, где именно осуществлялось действие: *Ich sehne mich schreck-*

lich nach Dir, und oft tut mir das Herz weh, die Seite, wo das Herz ist (L. Frank); *Dort, wo eben noch die besten Schauspieler Hamlet und Prospero gegeben hatten, spielte Shakespeare nun Rock'n'roll* (M. Schindhelm), в каком именно направлении перемещался тот или иной объект: *Schmiedlings Unruhe übertrug sich auf Holt, der erhöht auf dem Verschlußbrett eines Munitionsbunkers stand, von wo er über den Erdwall des Geschützstandes hinweg auf die B 2 sehen konnte* (D. Noll); *Bedenkt man, daß noch im Januar 45 Leute fast nach Schlesien evakuiert wurden, wo man sie direkt der Roten Armee entgegentransportierte* (H. Böll); *Freud gelangt ins Schattenreich des Unbewußten, also dorthin, wo wilde Urtriebe und die Dämonen der Vergangenheit rumoren* (Der Spiegel. 1998. № 25).

Здесь следует подчеркнуть, что в автономной позиции придаточная часть употребляется сравнительно редко. Это объясняется спецификой сложноподчиненных локативных предложений, заключающейся в том, что пространство в них антропоцентрично: ориентация в пространстве осуществляется посредством доминирующего в немецком языке способа представления пространства как части сферы субъекта. Н. Л. Шамне замечает, что «само немецкое слово «*Raum*» восходит к общегерманскому «пустота» (*räumen* – убирать, чистить), то есть человек своими действиями и отношениями заполняет это пустое пространство, почему важным было отразить в языке личностные моменты, связанные с деятельностью субъекта» [7, с. 85]. Таким образом, именно человек в процессе своего опыта отбирает релевантные для себя ориентиры в пространстве, в качестве которых могут выступать внешние системы координат и местоположение говорящего/пишущего.

Как отмечалось выше, сложноподчиненные локативные предложения характеризуют соотносимые ситуации с точки зрения их пространственных (локативных) особенностей. В частности они указывают на место реализации действия, исходный или конечный пункт перемещения какого-либо объекта. Здесь нужно обратить внимание на то, что описываемые синтаксические конструкции имеют сложную внутреннюю организацию и рассматриваются как полицентрическое образование. Впервые на этот факт указала М. Ю. Гетманская, анализирувавшая функционально-семантическое микрополе (ФСМ) «Пространство». Исследователь указывает на то, что термин «придаточное места» используется весьма условно. В одном случае речь идет о статическом пребывании предмета в пространстве, а в другом – о динамическом перемещении предметов в определенном направлении. Принцип дифференциации статических и динамических состояний М. Ю. Гетманская считает основным при выделении в составе ФСМ «Пространство» двух семантических групп [2, с. 159]. Мы разделяем эту точку зрения и вычленяем два типа описываемых сложных предложений: сложноподчиненные предложения локализации, ограничивающие развитие ситуации

какими-либо пределами: *Weißt du noch den hübschen Abend am Ufer, wo nebenan im Zelt das Grammophon gespielt hat, und wo wir hinter den Bäumen zu der fremden Musik getanzt haben?* (K. Tucholsky); сложноподчиненные предложения векторной направленности, указывающие на направление развития ситуации: *Wohin wir uns wenden im Gewitter der Rosen, / ist die Nacht von Dornen erhellt, und der Donner / des Laubs, das so leise war in den Büschen, / folgt uns jetzt auf dem Fluß* (I. Bachmann);

а) начальный пункт перемещения: *Gelegentlich erhalte ich eine Postkarte aus Norddeutschland, wo Levin und Dieter einen Handel mit gebrauchten Autos betreiben* (I. Noll);

б) конечный пункт перемещения: *Wir kamen in eine Gegend, wo die Straßen ständig bergauf führen* (R. Fabel).

Дифференциация выделенных типов сложноподчиненных локативных предложений развивается в двух аспектах их устройства.

В первую очередь дифференциация происходит на уровне номинативного аспекта – важнейшего среди остальных аспектов семантико-структурного устройства предложения. В свете данного аспекта строение сложного синтаксического целого рассматривается как опосредованное языком отражение структуры предметной ситуации. При этом дифференцируются союзные слова *wo*, *wohin*, *woher*, которые отсылают придаточную часть либо к ситуации главной части в целом, либо к отдельным ее элементам – наречиям *dort*, *dorthin*, *überall*, *allerorts* и т.д., существительным с конкретно-предметным значением места типа *Stadt*, *Kirche*, *Hotel*, *Zimmer*, *Garten*, *Wald*, *Tal*, *Ufer* или именам собственным (обычно – географическим названиям, реже – к имени лица) *Russland*, *Deutschland*, *Moskau*, *Berlin*, *der Arbat*, *die Straße Unter den Linden* и т.п. Например: *Oder auf dem Grund eines kühlen Wassers liegen, wohin keine Reize dringen, nur alles sanft umspült wird, ohne weh zu tun* (Ch. Wolf); «*Und am Kopf, da oben, hinten auf dem Kopf, wo das Haar den Wirbel macht, da, schauen Sie, Pater, da, wo bei Ihnen nichts mehr ist...*», *und sie tippte Terrier <...>, auf die Glatze* (P. Süskind); *Kaum in Italien, gab es keine Ortschaft mehr, wo ich nicht stoppen mußte: Pisa, Florenz, Siena, Perugia, Arezzo, Orvieto, Assisi* (M. Frisch); *Damals war alles so bunt, und das Wasser war grün gezeichnet, mit blauen Flächen, wie Pfützen drauf, und der Himmel zwischen den engen Kanälen war sonderbar hoch, höher als über Wittenberg, wo man zwischen der Gaststätte «ZUM RISCHEBACH» und zwei Kastanien nur in den Staub sehen konnte, der aus dem Industriezentrum herüberkam* (H.-E. Wenzel).

Во вторую очередь дифференциация сложноподчиненных предложений локализации и векторной направленности происходит на уровне предикативного аспекта, базирующегося на особом типе соединимости предиката в главной, реже – придаточной части, указывающем на парадигматические свойства предикативного слова. По наблюдениям

С.Д. Кацнельсона, свойства, приписываемые предикативному слову, носят не совмещенный в линейном ряду, а альтернативный характер. Так, предикат движения или перемещения в пространстве может обладать свойством направленности или ненаправленности движения. В первом случае движение заранее ограничено определенным пунктом и имеет внутреннюю цель в виде достижения данного пункта. Во втором случае достижение не упорядочено в смысле направления, а если и следует некоторому направлению, то лишено внутренней цели [3, с. 27]. В немецком языке на этом основывается различие «предельных» (= intern terminierten) и «непредельных» (= intern nicht-terminierten) способов действия. Ср.: *Sie hat ihm ihre Hand gelassen, und jetzt **steht** er hier, wo ihr Bett **ist*** (L. Frank) и *Ich **ging** in die Küche, wo Anna mich knurrend **empfang*** (H. Böll). Кроме того, различие это может выражаться посредством отнесения прдлога (resp. послелога) к глаголу, превращения его в приставку типа *hinterherlaufen*, *hinwegsetzen*, *hingelangen* и т.д., а также посредством грамматикализации особых глаголов в функции выразителей достижения предела в глаголах перемещения *gehen – kommen, bringen – bringen lassen* и т.п. Например: *Im Westen, wo der märchenhafte Glanz der Leuchtzeichen am Himmel gehangen hatte, **schlugen** nun blutigrot die Brände zur Wolkendecke **empor*** (D. Noll); *Ich **lief** in den Laden **runter**, schloß ihn ab und **legte** den Schlüssel **dahin**, wo er schon seit fünfzig Jahren hingelegt wird: zwischen die Seidenkissen und die Sütterlinhefte* (H. Böll); *Sie **ziehen** sich vorzugsweise in Wüsten **zurück**, wo sie von Heuschrecken und wildem Honig leben* (P. Süskind); *Hört doch, nun **kommt** die Stelle, wo es nach Cis **geht!*** (Th. Mann); *Der Jäger **ließ** seinen Hund in Richtung des nächsten Wirtshauses **laufen**, von wo der leichte Abendwind feine Gerüche aus der Küche und lautes Gelächter **entgegentrug*** (J. P. Hebel).

Что касается модальной характеристики глаголов, то сложноподчиненные локальные предложения обычно выражают значение реальности, которое передается глагольными формами изъявительного наклонения в плане прошедшего или настоящего времени. Ср.: *In dieser altberühmten Weinstube, wo es in vergangenen Zeiten die besten hausgemachten Bratwürste und warme Blut- und Leberwürste gegeben hatte, gab es jetzt nur noch schlechten Wein und sonst nichts* (L. Frank); *In Köln, wohin sie von Würzburg her per Schiff gereist seien, habe ihnen der Gelnhausen aus Schwierigkeiten geholfen* (G. Grass), с одной стороны, и *Selbst dort, wo sich Fuchs und Hase gewöhnlich gute Nacht sagen, lacht für Vielflieger jetzt die Sonne* (Der Spiegel. 1998. № 23); *Und die schweren Autobusse schmettern und stampfen vorüber, hinaus in die grünen Vorstädte, wo der englische Rotdorn blüht* (K. Tucholsky) – с другой.

Значение гипотетичности в описываемых сложноподчиненных предложениях выражается, как правило, формами Konjunktiv'a II: *(Von diesem Ideal haben wir uns weit entfernt.) Dort, wo es sinnvoll wäre, den Bund*

durch Verantwortungsübertragung auf die Länder zu entlassen, sperren sich diese (Der Spiegel. 1998. № 25); *Am liebsten wäre er gleich weggegangen nach Süden, dorthin, wo man die neuen Techniken lernen konnte, von denen ihm der Alte gesprochen hatte* (P. Süskind).

Таким образом, предикативный аспект, включающий в себя акционально-темпоральную и модальную характеристики глаголов, играет ведущую роль в семантико-структурном устройстве сложноподчиненных локативных предложений.

В свете актуализирующего аспекта рассматриваются закономерности, регулирующие взаиморасположение частей сложноподчиненных локативных предложений, благодаря которым сложное синтаксическое целое превращается в конкретное речевое произведение – высказывание. Основная масса интересующих нас сложноподчиненных предложений представляет собой образования с однонаправленной обусловленностью конструктивных частей, что предполагает вариативное взаиморасположение частей, то есть придаточная часть может реализовываться в пре-, пост- или интерпозиции: *«Wo Freyheit ist und Recht, da ist das Vaterland»* (G. Grass); *Wohin es (das Gedächtnis) sie jetzt treibt, dahin reichen die Worte nicht, das soll einer ihrer letzten klaren Gedanken sein* (Ch. Wolf); *Warschau, wo Ihre Braut war, ist verdammt weit* (L. Frank); *Die Schulter, wo er den Hieb bekommen hat, schmerzt ihn jetzt ernstlich* (L. Feuchtwanger); *Man hat wenig Ruhe in diesem Krankenhaus, wo man selbst in der ersten Klasse wider Willen im Doppelzimmer liegt* (I. Noll); *Es ist erschreckend, wenn plötzlich der Fasan aus dem Dickicht bricht, von wo Bauschans Spürnase nach einigem Suchen ihn aufstörte* (Th. Mann).

В сложноподчиненных предложениях с однонаправленной обусловленностью конструктивных частей один из компонентов (придаточная часть) объясняет, раскрывает содержание другого компонента (главной части).

Проведенное исследование показывает, что семантико-функциональный подход закономерно привлекает к себе внимание лингвистов. Отличительной характеристикой сложноподчиненного предложения в рамках избранного подхода является его многоплановость, сложная взаимосвязь формальных, структурных и семантических признаков, образующих «доминирующее начало» синтаксической конструкции и обеспечивающих ее качественно устойчивую определенность. Методика поаспектного (многоаспектного) анализа устройства и функционирования предложения дает возможность системно организовать материал исследования, поскольку позволяет неконфронтально соотносить такие понятия, как язык и речь, предложение и высказывание, рассредоточив описание этих понятий по их важнейшим аспектам.

В номинативном аспекте были выявлены основания для различения двух видов сложноподчиненных локативных предложений, по-разному

интерпретирующих данные отношения: локализации и векторной направленности.

На уровне предикативного аспекта дифференциация отношений локализации и векторной направленности основывается на особом типе соединимости предиката в главной (реже придаточной) части, а также грамматикализации особых глаголов в функции выразителей достижения предела в глаголах перемещения.

Таким образом, исследование подтверждает, что рассмотрение сложноподчиненного предложения как многоаспектной сущности позволяет построить его типологию, обладающую большей объяснительной силой по сравнению с одномерными концепциями, поскольку дает возможность выявить и смоделировать систему компонентов, категорий и отношений, существующих в сфере сложноподчиненного предложения.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234-400.
2. Гетманская М. Ю. Синтаксический статус союзных слов в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004.
3. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 20-45.
4. Копров В. Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков). – Воронеж: ВГУ, 1999.
5. Скребова Е. Г. К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений немецкого языка // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегодной научной конференции. Екатеринбург, 5-6 февраля 2010. – Екатеринбург, 2010. – Ч. I. – С. 205-211.
6. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987.
7. Шамне Н. Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000.

**Когнитивно-словообразовательный
и социолингвистический анализ единиц вторичной номинации
(на материале английских неологизмов)**

В статье приводятся результаты анализа некоторых словообразовательных, когнитивных и социолингвистических особенностей образования и функционирования неологизмов в современном английском языке, доказываются наличие связи деривационных процессов с социально-культурной ситуацией, с интерпретацией языка как психического феномена, способствующего организации, обработке и передаче информации.

This paper presents the results of some cognitive, word-formation, and sociolinguistic analysis of neologisms in modern English. The investigation clearly indicates the inseparable connection of derivational processes with the socio-cultural situation, with the understanding of a language as a mental phenomenon, focusing on organizing, processing and transferring information. Cognitive, word-formation, and sociolinguistic analysis of new lexical units can represent the basis for our knowledge organization.

Ключевые слова: словообразование, вторичная номинация, продуктивные словообразовательные модели, словосложение, аббревиация, конверсия, контаминация.

Key words: word-formation, secondary nomination, productive word-building models, word-composition, abbreviation, conversion, blending.

Словообразование представляет собой один из процессов создания вторичных языковых единиц, при помощи использования уже существующих в языке номинативных средств. Существует мнение, что с «переходом лингвистики на новый уровень развития, на котором повышенное внимание уделяется познавательной деятельности человека, стало очевидно, что истоки вторичности следует искать не на языковом уровне, а на ментальном» [2, с. 4]. В современной лингвистике различные классы слов изучаются уже не столько с практической целью, а в попытках объяснить с психологической точки зрения, каким образом говорящий (не лингвист) «знает» пути создания новых слов и их соединения в предложения грамматически: «In modern linguistics, the existence of word classes is posited not only for practical purposes (that is, to provide us with a tool of description), but also in an attempt to explain how it is that speakers 'know' how to build new words and how to combine words into grammatical sentences. In other words, many linguists think that these word classes have psychological reality» [8, с. 31].

Человеку свойственно искать названия всему тому, что представляется для него важным. При этом процессы мышления реализуются в процессах номинации, что и доказывает когнитивный характер словопроизводства. В процессе своей деятельности человек вовлекает в ее орбиту вещи, процессы, явления природного и социального мира, наименовывает их, тем самым, делая их узнаваемыми, привычными, то есть «своими». Посредством языка в целом, и словообразования в частности, человек упорядочивает и обживает пространство, которое до этого было для него чуждым и непонятным. Е. А. Земская подчеркивает деятельностный характер процессов словообразования, который обнаруживается в «конечном продукте» этой деятельности – новообразованиях того или иного времени [3, с. 202].

Социальная потребность обуславливает как создание новых типов и моделей словообразования, так и пересмотр соотношения уже существующих, делая одни высокопродуктивными, а другие признавая непродуктивными на том или ином этапе. Изучение продуктивности той или иной словообразовательной модели в современном английском языке является более исчерпывающим при рассмотрении функционирования производных единиц в определенных сферах общественного применения языка. При таком подходе мы приближаемся к освоению «коллективного когнитивного пространства», которое включает «информационные фрагменты различных систем» [4, с. 8].

Поставив перед собой задачу выявления наиболее популярных сфер общественного применения языка, в которых образуются новые лексические единицы, мы проанализировали ряд словарей новых слов [9; 10; 11] и электронных ресурсов, предварительно определив круг значимых тем. Нас интересуют не только способы образования новых лексических единиц этих процессов, но и когнитивная составляющая вторичной номинации, а именно, как происходит переосмысление языковой сущности. Ниже мы приводим перечень тех социокоммуникативных сфер жизнедеятельности, которые являются богатыми источниками новых лексических единиц в английском языке в последние десятилетия XX века, и прокомментируем некоторые когнитивно-словообразовательные особенности неологизмов, которые образованы разными словообразовательными способами. Достижения научно-технического прогресса напрямую связаны с изобретениями, с созданием новых приборов и технологий. Естественно, для наименования этих достижений необходимы новые языковые единицы. В основном они носят терминологический характер. Примерами таких новообразований могут служить следующие: *to downconvert* (преобразовать с понижением частоты), глагол образован от существительного *downconverter* (понижающий преобразователь) способом реверсии; *burster* (устройство для разделения на части – распечатки на

фальцованной бумаге), образовано способом суффиксации (burst + -er); HEPA (high-efficiency particulate air (filter)) (высокоэффективный сухой воздушный фильтр) – акроним.

Все приведенные примеры имеют терминологический характер и, за исключением последнего примера-аббревиатуры, имеют высокую степень прозрачности мотивирующих основ.

Совершенствование компьютерных технологий и электроники в рамках научно-технического прогресса представляет собой один из наиболее богатых источников возникновения неологизмов. Словосложение послужило средством образования следующих неологизмов данной сферы: laptop (небольшой портативный компьютер), workstation (автоматизированное рабочее место – АРМ), computer-friendly образовано по высокопродуктивной модели современного английского языка: сущ. + -friendly (environment-friendly, reader-friendly, planet-friendly и др.), spyware (программное обеспечение, которое тайно установлено на компьютер с целью передачи всей информации о действиях пользователя через Интернет).

Аббревиация также является продуктивной моделью создания лексических новообразований в компьютерной сфере: DTP (desk-top publishing) – вёрстка печатных изданий на компьютере (с помощью специальных программ); RISC (reduced instruction set computer) – компьютер с сокращённым набором команд, GUI (graphical user interface) – графический интерфейс пользователя. Перечисленные аббревиатуры имеют терминологический характер. Сокращенная единица довольно часто появляется в рамках какого-либо подязыка: научно-технического, политического, медицинского, военного. Сначала эта единица используется небольшой группой людей, имеющих сходный профессиональный или какой-либо другой эмпирический опыт. На данном этапе информация, реализуемая в такой лексической единице, воспринимается эксплицитно. В этом случае, естественно, аббревиатура может служить целям краткости и экономности выражения, но только в кругу этих людей. В дальнейшем, некоторые (не все) сокращения становятся общеупотребительными, и в процессе лексикализации и адаптации происходит переосмысление их языковой сущности: сокращенные единицы передают меньше информации, чем при их функционировании в специализированной среде. Эксплицитное выражение семантики в некоторых случаях уже даже невозможно (да и не необходимо), и значение производной единицы отдаляется от значения исходной, требуя гораздо больших усилий для ее восприятия, понимания и оценки. Иногда говорящий воспринимает, сохраняет и репродуцирует информацию в полном неведении относительно того, что означает исходная единица, но это не мешает выполнению коммуникативной задачи.

Конверсия представляет собой также высокопродуктивный способ образования неологизмов в английском языке, о чем свидетельствует множество зарегистрированных лексических новообразований. Так, например, глаголы *to bar-code* (наносить штриховой код), *to menu* (выбирать из списка команд или вариантов ответа, выводимых программой на экран), *to google* (искать информацию в системе Google) образованы от существительных способом конверсии. Другие примеры конверсии: *camp-on*, *to freeze-frame*, *to data* и др.

Особо стоит остановиться на производных существительных, образованных способом конверсии от фразовых глаголов. Высокая продуктивность образования данного типа существительных в области научно-технической терминологии, по-видимому, не случайна. Как известно, достоинством каждого термина является его меткость, то есть способность четко и выразительно отражать суть обозначаемого явления или процесса. У существительных типа *breakthrough* данное свойство обеспечивается, прежде всего, характерной соотносительностью с действием, так как их словообразовательной базой выступают глагольные фразеологические единицы [1, с. 94]. Например: *countdown* – обратный отсчет времени при пуске снаряда или ракеты; *cut-out* – предохранитель; *print-out* – распечатка; *read-out* – вывод данных из компьютера для чтения. Соотносительность с действием, которая наиболее ярко выражена в существительных данного типа, позволяет словам не только называть предметы, но и давать им определенную характеристику в связи с тем или иным действием. Это придает существительным динамичность, которая особенно ярко представлена в таких словах, как: *gadabout* – праздный человек; *knock-down* – крепкий спиртной напиток.

Для многих терминов данного типа характерна бытовая ассоциация, в основе которой лежит метафорический перенос названий действий, не имеющих научно-технического значения, на некоторые научно-технические явления. Например: *runaway* – авария на атомном реакторе, при которой происходит «утечка» радиоактивных элементов; *stand-by* – резервное оборудование.

Контаминация (*blending*) как наиболее явный способ экономии языковых средств, наряду с аббревиацией и словосложением, является высокопродуктивным способом образования неологизмов в английском языке. Производные данного типа называются телескопическими словами. Профессор В. М. Лейчик отмечает, что процесс создания таких слов «идет по возрастающей линии; если за прошлые века отмечено всего несколько десятков этих слов, причем в основном в просторечии, то сейчас они образуются сотнями, притом и в сфере нарицательных имен, и в сфере номенклатуры, и в сфере собственных имен» [5, с. 86].

Приведем примеры таких телескопических неологизмов в английском языке: *computerate* (прил.) – продвинутый в сфере компьютерных технологий. Данное прилагательное образовалось путем сращения слов *computer* и *literate*. Предпосылкой возникновения данного неологизма явилась программа всеобщего компьютерного образования, нацеленная на выработку компьютерной грамотности (*computer literacy*) у населения в 70-х годах XX века [9]; *cybrarian* – человек, который занимается сбором, классификацией и сохранением информации из Интернета (*cyber + librarian*): *Webinar* (1998) – семинар, проводимый в *on-line* режиме с возможностью участвовать в нем дистанционно в режиме реального времени (*web + seminar*).

Политический дискурс также представляет собой благодатную почву для лексических новообразований. Политическая активность относится к нормативно-недостаточному типу деятельности. В отличие от нормативно-избыточного вида, нормативно-недостаточная деятельность открыта инновациям, часто имеет непредсказуемый результат. Политическая деятельность – это та активность, которая должна принести вполне определенный эффективный результат, ее цели связаны с извлечением выгоды. Для участников политической деятельности характерен поиск новых инструментов действия, важнейшим из которых является язык. И как немаркированный инструмент политической деятельности язык помогает приковывать внимание коммуникантов к необходимым моментам контекста.

Политический дискурс характеризуется установкой на «влияние, воздействие, давление, внушение, персуазивность, агрессивность, экспансию, манипуляцию поведением и когнитивными структурами реципиента» [6, с. 9]. Для реализации всех этих установок вместе и каждой в отдельности применяются разнообразные вербальные и невербальные средства. Часто существующих языковых средств в данном виде дискурса не хватает, и появляются все новые и новые лексические единицы: *Netroots* (2003) – политические активисты, которые общаются посредством Интернета, в особенности те, которые используют для этого блоги, *Fed* (*fed*) – имеет два значения: федеральное правительство; государственный чиновник, *fence-mending* – укрепление своих политических позиций (особенно в своем избирательном округе) путем общения с широким кругом избирателей, *to mainstreet* – вести предвыборную кампанию на главных улицах городов или районов, *doorbell-ringing* – поквартирная агитация, агитация на дому.

Интенсивное развитие сферы финансовой деятельности, создание новых финансовых структур и инноваций являются богатым источником возникновения новых лексем. Рассмотрим подробнее единицы вторичной номинации, которые образованы разными словообразовательными спосо-

бами в рамках данного подкласса: *dynamize* – повышать пенсию, принимая во внимание уровень инфляции, путем повышения зарплаты в последние перед уходом на пенсию годы. Данная лексическая единица представляет собой результат семантического словообразования, когда для обозначения нового используется уже существующая в языке лексическая единица, но при этом меняется ее значение. Глагол *dynamize* употреблялся в финансовом дискурсе с 70-х гг. предыдущего века, обозначая более общее значение: делать более динамичным и эффективным, затем произошла специализация данного понятия и появилось его новое, описанное выше, значение; *home-banking* – банковские услуги на дому (возможность пользоваться рядом банковских услуг, не выходя из дома, с помощью персонального компьютера); *greenmail* – выкуп компанией своих акций по завышенной цене у фирмы, скупившей значительное число ее акций и угрожающей поглощением в обмен на обещание воздержаться от повторных попыток поглощения. Слово образовано путем замены компонента *black* в слове *blackmail* на *green*, так как *blackmail* (шантаж) является противозаконным действием, а *greenmail* остается в рамках закона. В данном примере налицо ассоциация между «разрешением» и зеленым цветом.

Достижения в сфере медицинских и других естественных наук являются неистощимым источником неологизмов: *Cardiofunk* – торговая марка медицинской программы, объединяющей аэробику с танцевальными движениями (образовано путем соединения компонента *cardio*- с названием популярного музыкального стиля), акроним *CAT* (*computerized axial tomography*) – компьютерная аксиальная томография. Появление и распространение наркотических веществ привело к возникновению таких неологизмов, как *to tok* (курить наркотики), *freebase* (употреблять наркотики, изготовленные путем соединения кокаина с эфиром), *to freak* (галлюцинировать после приёма галлюциногенного наркотика), *speedball* (смесь героина, кокаина и ЛСД), *MDMA* (*methylenedioхymethamphetamine* – наркотик, также известный под названием «ecstasy»). Такая болезнь XX века, как СПИД, а также попытки ее лечения и предотвращения привнесли в английский язык такие неологизмы, как *HIV* (*human immunodeficiency virus*) – вирус иммунодефицита человека, ВИЧ; *buddy* – волонтер, который общается и помогает больному СПИДом, *homophobia* – ненависть к гомосексуалистам и др.

Военные действия в тех или иных регионах также обогащают словарный запас неологизмами: *ACDA* (*Arms Control and Disarmament Agency*) – управление по контролю за вооружениями и разоружением (США), *AWAKS* (*Airborne Warning and Control System*) – система раннего обнаружения (и предупреждения), *Agnewism* – практика исповедования идей бывшего вице-президента США Спиро Агню, особенно его

требования закона и порядка, *airmobile* (амер.) – состоящий или относящийся к войскам, которые доставляются на место боевых действий на вертолетах, и другие.

Активное обогащение словаря свидетельствует об интенсивном развитии разных общественных процессов, и, как следствие, об активности изменений в картине мира. При этом новые лексические единицы отражают эти изменения, позволяют их сохранять и транспонировать в языковой картине мира. Процессы изменения являются настолько интенсивными, что требуются не только новые лексические единицы, но и новые словообразовательные средства. Так, можно выделить аффиксы-неологизмы, такие как: *-aholic* (*clothesaholic, milkaholic*), *-ati* (*jazzerati, numerati*), *cross-* (*cross-sailing*), *-cred* (*forcedcred*) и другие.

Интенсивно происходит процесс формирования новых компонентов сложных слов (*combining forms*), которые участвуют в образовании множества лексических единиц. Например, *-aid* (*school-aid, fashion-aid*), *bio-* (*biogas, biofeedback, biocentrism*), *cryo-* (*cryosurgery, cryogenic, cryobank*), *doc, docu-* (*docudrama, drama-doc*), *eco-* (*eco-activist, ecodisaster, ecofreak, eco-awareness*), *euro-* (*Eurocontrol, EuroCypher, Euro-Pack, Euro-sceptic*), *info-* (*infosphere, infomania*), *-ware* (*courseware, freeware, shareware*).

Таким образом, анализ словарей новых слов помог выявить наиболее частотные модели образования неологизмов в современном английском языке, а именно: конверсию, реверсию, контаминацию, аффиксацию, а также новые словообразовательные средства – аффиксы и компоненты сложных слов (*combining forms*). Современные ученые объединяют свои усилия в попытках создать общую теорию изучения проблемы «язык и общество», которая бы органически объединяла в себе как лингвистические, так и социологические подходы к изучению языковых явлений. Однако эта цель является в «значительной мере еще не окончательно реализованной задачей будущего» [7, с. 175]. Тем не менее, результаты исследования уже сейчас позволяют утверждать, что комплексный когнитивно-словообразовательный и социолингвистический анализ новых лексических единиц служит в некоторой степени организации наших знаний на стыке проблем «язык и общество» и «язык и мышление».

Список литературы

1. Абросимова Л. С. Некоторые особенности образования и функционирования в современном английском языке существительных типа *breakthrough* // Известия Ростовского гос. пед. университета. Филология. – Ростов-н/Д.: Изд-во РГПУ, 1998. – С. 92-95.
2. Бабина Л. В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: Монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003.

3. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – изд. 3-е. – М.: ЛКИ, 2007.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
5. Лейчик В. М. Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке / отв. ред. Г. В. Степанов. – изд. 2-е, испр. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
6. Сагайдачная Е. Н. Экспрессивные средства языка в речи политиков (на материале публичных выступлений В. Путина, Т. Блэра, Дж. Буша): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д, 2009.
7. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы. – изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
8. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics. An Introduction. – Edinburgh: University Press Ltd., 2006.
9. The Third Barnhart Dictionary of New English. – L.: The N.W. Wilson Company, 1990.
10. The Longman Register of New Words. – М.: Русский язык, 1990.
11. The Oxford Dictionary of New Words. – New York: Oxford University Press, 1992.

Типы персональных политических сайтов в интернет-пространстве Великобритании

В статье анализируются персональные политические сайты депутатов парламента Великобритании. Автор определяет цели и задачи этого нового явления в политической коммуникации, а также определяет и описывает основные типы сайтов.

The article analyzes personal political Websites of MPs in the UK cyberspace. The author defines the goals and objectives of this relatively new phenomenon in political communication, identifies and describes their basic types.

Ключевые слова: политическая интернет-коммуникация, персонификация, самопрезентация, сайт-визитки, представительский сайт, персональный сайт.

Key words: political Internet communication, personalization, self-presentation, business cards-website, the representativewebsite, personal website.

Компьютерно опосредованная коммуникация определяется как процесс, протекающий в открытой электронной социальной среде, чаще всего посредством вербальных, визуальных и аудиальных средств коммуникации (текстов, графиков, видеофайлов оцифрованной речи и изображения), инициирующих формирование интернет-сообществ и имеющих особую форму самопрезентации, которая позволяет воздействовать на интернет-аудиторию через индивидуальную или коллективную смысловую и оценочную информацию. Такой новой формой самопрезентации в интернет-коммуникации стали так называемые персональные сайты, которые создают своего рода «эффект присутствия» в реальной политике, цель которого состоит в формировании известности политической партии или конкретного политического деятеля и повышении общей информированности о политической деятельности данного субъекта. Это делает лидерство все более персонифицированным, выдвигая на первый план создание имиджа политического деятеля.

Объектом нашего исследования стали сайты членов парламента Великобритании, чьи тексты содержат информацию непосредственно о самом политике, его биографию, информацию о его парламентской и партийной деятельности и могут быть отнесены к массово-информационному виду институционального дискурса с элементами научного, рекламного и делового стилей.

Выбор данного материала не случаен. Основной причиной послужил тот факт, что политический интернет Великобритании в целом и персональные веб-страницы политических деятелей, в частности, пред-

ставляют собой достаточно устоявшийся, хорошо структурированный, с удобной навигацией постоянно обновляющийся интернет-ресурс. Существует два вида навигационных структур по политвебу Великобритании. Первый вид представляет собой каталог ссылок, построенных по принципу расширения «рубрик». Например, «PoliticalResourcesontheNet» (www.politicalresources.net) предлагает три варианта работы с политическими ресурсами в интернете:

- 1) работа со ссылками по тематическому принципу,
- 2) работа со ссылками по карте,
- 3) работа со ссылками по алфавиту.

При выборе объекта ссылка приводит к нужному каталогу, который структурирован по принципу рубриконов. Схематически это можно изобразить следующим образом.

На сайте представлено три основных тематических уровня, которые далее расширяются от общего к частному, в скобках указано количество ссылок. В этом примере наибольшее количество ссылок имеют различные партии Великобритании и их представительства в регионах. Это, несомненно, доказывает популярность и продуктивность этих сайтов. Совсем недавно наибольшее представительство в интернете имели средства массовой коммуникации, освещавшие политические события в стране.

Другой тип каталогов связан с политическими информационно-аналитическими проектами, где ссылки представлены в одном из рубриконов сайта и часто сопровождаются комментариями. Рассмотрим тот из них, который в интернете указан как UKpolitical.info (<http://www.ukpolitical.info/>). Каталог политических сайтов представлен в ряду информационных разделов сайта: PartiesRegionsMapsHistoricalNewsLinksBooks на главной странице, при переходе на которую представлены ресурсы с пометой PoliticalLinks – recommendedwebsites (рекомендательные сайты), что подтверждает информационно-аналитическую направленность данного проекта. Все ссылки распределены по категориям:

- Politics&elections,
- InsideGovernment,
- PoliticalParties,
- Humour.

Далее по каждой категории даются ссылки с информацией по ее содержанию, например:

Politics&elections

AboutMyVote Electoral Commission site encouraging voter registration

.....
InsideGovernment

A-Z of Central Government Access government departments and public sector websites

.....
>> Also try our directory of party links with site thumbnails

Humour&Games

CrouchingTony, HiddenHague Flash game with a kung-fu fight between Hague and Blair

MyLittleTony Pony with Tony Blair's head answers political questions.

.....
Внутренняя ссылка >>Alsotryourdirectoryofpartylinkswithsitethumbnails ведет к дальнейшему расширению политических ресурсов, которые также содержат информационный комментарий с рекомендациями и, кроме того, визуальную картинку представляемого сайта, что дает непосредственное представление о качестве сайта:

British Public Party - Constitution, description of the party, contact details.

The Christian Party - Fighting to re-establish traditional family values and to end abortion.

Анализ структурного распределения политвеба Великобритании показывает, что сайты политических партий и политиков являются основой английского интернета, широко представлены сайты как государственных, так и общественных организаций, примерно такой же объем политического интернет-пространства составляют новости, сайты СМИ, информагентств, онлайн-СМИ. Необходимо отметить хорошую организованность и структурированность глобального политического интернет-пространства в британской сети на базе гипертекста как особого метода построения информационных систем, обеспечивающего прямой доступ к данным с сохранением логических связей между ними; как системы представления текстовой и мультимедийной информации в виде сети связанных между собой текстовых и иных файлов; с универсальным интерфейсом, отличительными чертами которого являются интерактивность и необычайная дружелюбность по отношению к пользователю, преимуществами которого на содержательном уровне является возможность создавать открытые информационные системы за счет относительно свободного соединения информационных блоков [2, с. 112]. Положительное восприятие сайта зависит от ряда факторов: инновационного характера оформления, информационного наполнения и его грамотного ранжирования, эстетических характеристик и аттрактивности с

учётом психологических установок их пользователей, использования языковых средств, которые должны когнитивно восприниматься и быть лёгкими в оперировании, удобной системы навигаций и т. д.

Тем не менее, для многих политических движений сайты до сих пор являются лишь данью моде. Они очень стандартизированы, официозны, неперсонифицированы. Часто это сопровождается неинтересным дизайном и неудобной навигацией, такие сайты редко обновляются. Правда, в последнее время наметились некоторые изменения. Так, создан каталог политических движений и партий в Великобритании в виде несколько поисковых ресурсов, например: «ePolitix.com (Parliament, PolicyandComment)». Некоторые информационно-аналитические сайты представляют рейтинг самых популярных и непопулярных персональных страниц.

Политический интернет «реализуется через взаимодействие нескольких целей: информационной (информирование аудитории о событиях внутренней и международной жизни); аналитической (анализ и комментирование излагаемого политического события или общественного явления); регулятивной (изменение восприятия реципиентом того или иного события); оценочной (оценка излагаемой информации); прогнозирующей (реакция на полученную информацию)» [1, с. 12]. Соотношение этих целей зависит от коммуникативно-прагматической установки, реализуемой в каждом конкретном интернет-ресурсе. Именно основная мотивирующая функция позволяет выделить определенный набор типов политических интернет-дискурсов, таких как:

- информационный тип – представлен разнообразными ресурсами СМИ, сайтами государственных организаций, где размещаются различные программные, юридические и другие документы;
- аналитический тип – к ним также относятся некоторые средства СМИ, поисковые системы, каталоги, некоторые информационно-аналитические проекты и др.;
- рекламный тип – это персональные страницы партийных организаций, политических движений, партийных и государственных деятелей.

Проникновение вебтехнологий в политику – достаточно молодое явление. Условно его можно разделить на два этапа: первый этап – размещение политической информации, статичная презентация политических программ лидеров и партий в сети интернет. Второй этап – появление и расширение в интернете интерактивных форм политической коммуникации (электронная почта, интернет-голосование, блоги, телеконференции и др.), что позволило и позволяет привлечь общественность к политическому участию, активизировать политическую деятельность в целом. Хотя этот вопрос все еще остается спорным. Есть как поклонники, так и противники этого вида политической коммуникации. Однако количество представленных сайтов говорит о том, что все-таки предпочтение во многом отдается новым интернет-технологиям.

Существует несколько жанровых разновидностей персональных сайтов политиков, представленных в британском политическом инете. Это, например, сайты-визитки, сайты-каталоги, представительские сайты. Сайты-каталоги имеют вид списка, например, членов парламента или членов партии с минимальной информацией и ссылками для получения более подробных данных о конкретном депутате, с определенным набором инструментов для удобства работы со списком, например: сортировка по алфавиту, имени, избирательному округу, территории, стране, партии и т.п.

Member of Parliament (MP) list

This is a list of Member of Parliaments (MPs). Currently it only includes MPs within the UK parliament but members of other parliaments will be added in the near future

№	Surname	Constituency	Area	Country	Full name	Website	Political-party
1	Howarth	Aldershot	Hampshire	England	Mr Gerald Howarth	website	Con
2	Mills	Amber Valley	Derbyshire	England	Nigel Mills	none	Con
3	Hodge	Barking	London	England	Rt Hon Margaret Hodge	website	Lab
4*	Cable	Twickenham	London	England	Dr Vincent Cable	website	LD

(*Список включает 533 MPs)

(<http://www.oultwood.com/localgov/mplist.php>.)

Чаще всего сайты-каталоги представлены как отдельные информационные единицы, входящие в состав более крупного политического сайта, например, сайта партии, представителем которой является этот политический деятель, или на официальном представительском сайте Парламента Великобритании, кроме того, это могут быть отдельные политико-информационные интернет-проекты. Рассмотрим сайт-визитку, которая входит в состав более крупного политического сайта «Theyworkforyou»:

Heidi Alexander

Labour MP for Lewisham East

Email me whenever Heidi Alexander speaks (no more than once per day)

- **Entered Parliament on 6 May 2010** — General election
- **Send a message to your MP** (via WriteToThem.com)
- **Sign up to HearFromYourMP** to get messages from your MP
- Help us add video by **matching a speech by Heidi Alexander**
- Votingrecord
- Topicsofinterest
- Mostrecentappearances

More useful links for this person

- Maiden speech (automated, may be wrong)

- Wikipediapage
- Early Day Motions signed by this MP (From edms.org.uk)
- Election results for Lewisham East (From The Guardian)
(http://www.theyworkforyou.com/mp/heidi_alexander/lewisham_east).

Все сайты-визитки этого проекта имеют одинаковый дизайн и представляют лишь ограниченную информацию о политике, которая основывается на ее отборе из интернет-ресурса. Здесь представлена фотография, имя и занимаемое положение в Парламенте, вся остальная информация дается в виде ссылок на интернет-ресурсы. Интерактивным элементом здесь является возможность послать e-mail сообщение, также ограниченное («nomorethanonceperday» – не более одного раза в день). Скорее всего, сам политик не принимает участия в создании этого сайта, сайт является формой представительского сайта Парламента Великобритании.

В отличие от первого проекта «ePolitix.com» («Parliament, PolicyandComment») является большим самостоятельным информационно-аналитическим сайтом с широким меню, включающим различные сферы общественной деятельности, где политика представлена лишь как один из разделов:

- Parliament&Government
- Education
- Health
- HomeAffairs
- Culture
- International&Defence
- Energy&Environment
- Economy
- Transport
- Science&Tech

Сайты политиков находятся во вкладке «Parliament&Government», так же, как и в первом проекте, имеют единый дизайн, кроме того, одинаковое меню и идентичную систему ссылок, например:

David Amess
Conservative Party | Southend West

- Home
- Biography
- Contacts
- Links
- PressReleases
- Speeches

Hello and welcome to my website on ePolitix. I am David Amess, the Conservative Member of Parliament for the constituency of Southend West. I hope that you find the information here useful and informative.

I am committed to working hard to serve all the people in my constituency and I'm always happy to hear their views, so please click on the 'Contacts' link on the left for details of how to get in touch with me.

To find out if you are a constituent please visit the House of Commons 'Constituency Locata' (Visit locator by clicking here), and then follow the instructions.

For the latest news on my activities, please visit my website www.davidamess.co.uk

LatestPressReleases

- David Amess MP questions health minister on hospices
- David Amess MP challenges government on police bureaucracy
- Southend West MP criticises government for failing small businesses during credit crunch

- David Amess MP questions Foreign Office on Iranian human rights record

- GrandvilleLodge

- Local MP pushes to save supplements and jobs

- MP calls for more audio description

- Government praises MP's efforts to end fuel poverty

- David Amess raises constituent's case at PMQs

- Southend MPs meet with minister to discuss future of Southend Pier

- PressReleasesArchive

LatestSpeeches

- AdjournmentdebateonSouthendregeneration

- David Amess MP responds to Queen's Speech

- David Amess MP raises local issues in Whitsun Adjournment Debate

- SpeechArchive

(<http://www.epolitix.com/mpwebsites/mpwebsitepage/mpsite/david-amess/mppage/home-31/>).

На этом сайте представлено хоть и ограниченное, но все-таки личное участие самого политика в создании контента сайта, а именно приветственное сообщение с личной подписью. Опосредованность причастия этого сайта лично к политику подчеркивается также его приглашением посетить его личный сайт, предоставляя ссылку на его адрес (pleasevisitmywebsitewww.davidamess.co.uk). Вся остальная информация главным образом направлена на демонстрацию деятельности депутата в Парламенте, ее освещение в СМИ, она не является персонифицированной, то есть такой сайт можно отнести к представительским сайтам.

Третий тип сайтов, по нашему мнению, является непосредственным персональным (личным) сайтом политического деятеля. Еще его часто называют «домашней страницей», что точно характеризует направленность помещенной на сайте информации. Политический деятель – владелец этого сайта либо сам активно участвует в его формировании, либо полностью контролирует его организацию, например, подбор цветовой палитры, выбор тематических рубрик и тщательный отбор их содержательного наполнения. Дизайн, технические возможности, содержание

этих сайтов очень отличаются, но есть общие черты, которые позволяют объединить их в одну группу. В первую очередь, это их коммуникативно-прагматическая установка воздействия на электорат своего избирательного округа с целью получения доверия и, в конечном итоге, его голоса на выборах.

Второй общей характеристикой этих сайтов является их ярко выраженная персонифицированность. Весь материал на сайте в той или иной мере направлен на реализацию позиционирующей рекламной стратегии, то есть стратегии, формирующей определенное восприятие непосредственно самого политического деятеля [3]. Главным ключевым словом на этом сайте является имя политика, все материалы связаны именно посредством этого имени. Об этом же говорит обязательное наличие раздела «Биография», где представлена не только информация о деятельности владельца, но и о его личностных характеристиках и достижениях, о его семье и друзьях. На всех сайтах есть большой раздел «Фотографии» или «Галерея», где политик также представлен со всех сторон его личной и общественной жизни. Основная цель такого сайта – представить «человечность» политического деятеля, тем самым, повысить доверие к нему. Общее направление общения на сайте можно определить как личностно ориентированное с элементами официального стиля.

И, наконец, третья отличительная черта этих сайтов – четкая направленность на конкретную интернет-аудиторию, а именно, представителей определенного избирательного округа. На сайте всегда присутствует информация об избирательном округе и подчеркивается тесная связь политика с этой местностью, его заинтересованность и забота обо всем, что с ней связано, присутствует много фотографий, а также разделов, связанных с этой темой. Вторым ключевым словом на сайте является либо название округа, либо лексическая единица “local”, например разделы, «LocalNews», «LocalEvents», «LocalPeople» и др. Следует отметить, что на сайте присутствует информация о работе политика в Парламенте и о его партийной принадлежности, но она не является обязательной. Чаще всего эта информация в большей степени направлена на возможность подчеркнуть, что эта работа ведется в интересах избирателей представляемого политиком округа. Это проявляется, например, в слоганах, которые помещаются на сайте: «**WorkingHardforNorthDurham**» (<http://www.kevanjonesmp.org.uk/>), «**A Strong Voice for Sevenoaks**» (<http://www.michaelfallonmp.org.uk/>), «**Your Local Family Man, Working Hard for You**» (<http://www.adamafriye.org/>). Это также отражено и в подборе фактической информации, которая полностью направлена на освещение интересов местности и работы самого политического деятеля по защите ее интересов.

Таким образом, проанализированные сайты политиков позволили подразделить их на три основных типа: сайты-визитки, представитель-

ские сайты и персональные сайты. Основными критериями для этого послужили их коммуникативно-прагматическая установка и степень персонафицированности. Все эти сайты могут быть связаны между собой посредством ссылок, дополняя, расширяя и уточняя информацию о политическом деятеле.

Список литературы

1. Варламова Е. В. Особенности германского леворадикального интернет-дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006.
2. Компанцева Л. Ф. Дискурс-анализ украинского политического интернета (гендерный аспект) // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». – СПб.: СПбГПУ, 2004. – С. 112-134.
3. Пирогова Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия в рекламе: опыт типологизации. – [Электронный ресурс]: <http://www.psycho.ru/library/190>.

К вопросу о семантике, метасемиотике и метаметасемиотике креолизованного текста

В статье анализируется на материале фильма Ф. Ф. Coppola «Крестный отец» креолизованный текст англоязычного художественного фильма на семиотическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом уровнях. Изучена роль концептов в формировании эстетического содержания-намерения фильма, а также роль конфликта как одного из основных средств создания контекстуальных смыслов фильма.

The given article is an attempt of analyzing the creolized text of the English feature film at the example of F.F. Coppola's film "Godfather" at the semiotic, the metasemiotic and the metametasemiotic levels. The role of concepts in the formation of the film global purport, as well as the role conflict as one of the basic means of creating contextual meanings, has been studied.

Ключевые слова: креолизованный текст, концепт, семантический уровень, метасемиотический уровень, метаметасемиотический уровень, контекстуальный смысл, содержание-намерение, конфликт, полифония.

Key words: creolized text, concept, semantic level, metasemiotic level, metametasemiotic level, contextual meaning, global purport, conflict, polyphony.

В последние годы стремительное развитие средств коммуникации и информационных технологий, а также основанных на них новых видов искусств дало мощный толчок распространению видеопродукции самого разного толка и содержания. Роль креолизованных текстов вообще (и медиатекстов, в частности) в повседневной жизни, образовании и профессиональной деятельности значительно возросла. Столь массовый переход от собственно вербальных текстов к видеовербальным не мог не вызвать живой интерес специалистов самых разных областей, прежде всего, филологов. В центр внимания лингвистов и литературоведов попадают как самые общие вопросы семиотики и семантики креолизованных текстов, их стилистика и поэтика, так и вопросы, непосредственно связанные с филологической практикой, например/ передача прагматических установок текста при переводе их на другой язык [8].

На этом фоне особо выделяются проблемы смыслообразования в креолизованных текстах, их восприятия и интерпретации. Особенно остро эти проблемы встают при обращении к текстам художественных фильмов, выполняющих, помимо чисто развлекательной функции, еще и функцию эстетического воздействия.

В течение ряда лет на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова проводились исследова-

ния, посвященные лингвостилистике и лингвопоэтике произведений словесно-художественного творчества и проблеме филологического чтения. Одним из важнейших достижений в данном направлении стала разработка методов лингвостилистического и лингвопоэтического анализа, опирающегося на принципиальное положение школы о том, что структура литературного произведения основана на взаимодействии единиц на трех уровнях: семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом [10]. Таким образом, лингвостилистический и лингвопоэтический анализ предполагает изучение художественного произведения, прежде всего, на семантическом уровне (устанавливается непосредственное понятийное содержание текста), затем на метасемиотическом (изучаются коннотации, рассматриваются единицы, реализующие функцию воздействия) и, наконец, на метаметасемиотическом уровне, отражающем идейно-тематическое содержание произведения. Языковые единицы семантического уровня служат планом выражения для метасодержания, а содержание и выражение элементов метасемиотического уровня служат выражением для «образного» содержания, являющегося выражением для метаметасодержания произведения. Каждый последующий уровень трехуровневого анализа опирается на предыдущий [3; 4].

Существенный вклад в дальнейшую разработку этого направления внесли работы ученых-когнитивистов. В центре внимания лингвокогнитивных исследований оказывается роль концептуальных сущностей в интерпретации литературно-художественного произведения. С помощью методики концептуального анализа и с опорой на базисный уровень концептуализации вычленяется универсальный художественный фрейм (сценарий) художественного произведения. Под универсальным фреймом подразумевается концептуальный комплекс открытого характера, реализующийся как сфера взаимопересечения концептуальных сущностей, лежащих в основе данного художественного текста. Под «открытостью» фрейма подразумевается «проницаемость» в смысле разнообразия возможностей развития ассоциативных областей входящих в него концептов. Концепт здесь рассматривается с лингвокогнитивной точки зрения как социокультурно обусловленная ментально-лингвальная единица, характеризующаяся открытостью концептуального поля и нерегулярностью предсказуемости направлений развития ассоциативной сферы. Реализация ключевых концептов произведения характеризуется высокой степенью вариативности с точки зрения выбора знаковых средств, а также возможностью взаимопересечения различных концептуальных сфер на уровне одного и того же знака, обладающего, таким образом, семантической полифонией. Реализация того или иного концепта в художественном пространстве может сопровождаться такими процессами как трансформация и приращение смыслов, а также образование новых смысловых структур [1].

Перечисленные выводы были сделаны, прежде всего, на материале художественной литературы. Применение вышеуказанных методов при анализе текстов художественных фильмов позволит, с одной стороны, более детально и глубоко изучить механизмы смыслообразования в художественном кино и особенности реализации функции воздействия в кинодискурсе, а с другой стороны, более пристально рассмотреть типы взаимоотношений между вербальными и невербальными компонентами фильма.

Совершенно очевидно, что при анализе текста художественного кинофильма необходимо учитывать его отличие как от литературного текста, так и от других креолизованных текстов. Большинство ученых в вопросе о восприятии креолизованного текста придерживаются тезиса о двойном декодировании информации: наложение концепта вербального текста на концепт изображения приводит к созданию единого общего концепта¹ креолизованного текста [2]. В этой связи значение изобразительной составляющей сложно переоценить. Кроме того, исследования в области психолингвистики позволили сделать вывод о том, что определяющая роль в понимании креолизованного текста принадлежит изобразительному ряду, а влияние вербальной составляющей рассматривается как модулирующее [6].

Современный кинематограф – сложное явление, в основе смыслообразования которого лежит синтез всех его компонентов. Образование смыслов на уровне семантики и метасемиотики происходит при участии целого ряда семиотических систем. Исследователями кино выделяется четыре основных класса подобных систем (выразительных средств), используемых для создания киноповествования: мизансцена, раскадровка, звуковое оформление (в том числе речь) и монтаж.

На природе взаимоотношений между элементами фильма впервые обратил внимание классик мирового кинематографа и основоположник теории кино Сергей Эйзенштейн. В своих работах он определил, что синтез элементов художественного фильма основан на художественном конфликте. Согласно теории «монтажа аттракционов» С. Эйзенштейна, конфликт возникает при соединении двух монтажных кусков, причем такое соединение представляет собой не сумму их значений, а произведение, поскольку конечный смысл всегда качественно отличается от смысла каждого отдельного элемента [8, с. 295]. Подобный «конфликт» двух монтажных кусков рождает совершенно новое значение, «некое третье» [8, с. 296]. Помимо визуального монтажа Эйзенштейн выделяет аудиовизуальный (звукозрительный) или, иначе, «вертикальный» монтаж, где партия каждого отдельного инструмента

---

¹ Следует отметить, что в данном случае термин «концепт» употребляется в значении «смысл», а не в лингвокогнитивном понимании, в котором он был использован выше.

развивается на нотной строке по горизонтали, тогда как вертикаль обеспечивает музыкальную взаимосвязь элементов оркестра в каждую данную единицу времени [9, с. 192].

В большинстве проанализированных нами случаев результатом взаимодействия элементов фильма становится появление новых контекстуальных смыслов, важных для отдельно взятого эпизода или сцены. Потеря такого значения при просмотре «нарративного» кино не препятствует пониманию фильма в целом. Однако в ряде случаев – и это прежде всего касается так называемого «авторского» кинематографа – вербальная и визуальная компоненты сливаются в единое значимое целое, которое в соединении с другими образует глобальный смысл фильма, его идейно-художественное содержание. Контекстуальные смыслы поддаются анализу на семантическом и метасемиотическом уровнях, которые, в свою очередь, служат основой для определения идейно-художественного содержания на метаметасемиотическом уровне.

Обратимся к примерам. Для анализа была выбрана трилогия «Крестный отец», создававшаяся на протяжении десятилетий (первая часть вышла на экраны в 1972, вторая в 1974 и третья в 1990). По общему признанию критиков, творчество Копполы является уникальным образцом американского кино второй половины XX века: ему удалось соединить все лучшее, что было создано голливудским кино на тот момент, а именно голливудский бесшовный нарратив, с собственным авторским видением. Иначе говоря, в своем творчестве Коппола соединил то, что Голливуд перенял у Эйзенштейна – умение «рассказать историю при помощи демонстрации движущихся картин» и то достижение Эйзенштейна, от которого Голливуд в целом до того времени отказывался, а именно умение создать «нечто третье» из монтажа двух кадров/эпизодов.

Сквозной сюжет трилогии строится вокруг историко-культурного концепта «итальянская мафиозная семья в США». Основная мысль, которую последовательно проводит режиссер, – цель не оправдывает выбор средств для ее достижения, защита семьи с помощью убийств и других преступлений ведет к саморазрушению семьи – она пожирает сама себя. Главный герой фильма «Крестный отец», Майкл Корлеоне, постепенно превращается из младшего сына главы мафиозной группировки, из всеми уважаемого героя войны, не вовлеченного в криминальный бизнес и не воспринимаемого всерьез членами «семьи», в полноценного мафиози, хладнокровного и рассудительного нового «дона». Образ героя и его трансформация передаются при помощи целого ряда семиотических систем: экспликации, мизансцены, костюма, речи (английской и итальянской), музыки, шумов.

Например, отношение братьев и других мафиози к Майклу до сцены принятия Майклом решения об убийстве выражается не только вербально (к нему обращаются “kid”, “Mike”, “Mick”, “Mickey”) и с

помощью жестов (старший брат Санни снисходительно треплет Майкла за щеку, похлопывает по спине, целует в голову), но и реализуется в мизансцене (Майкл не участвует в общем разговоре, он изолирован от остальных, его фигура на заднем плане зрительно меньше других фигур) и в движении камеры (камера следует за Санни и *consigliere* Томом, подчеркивая их значимость, и «не замечает» Майкла; движение камеры акцентирует низкий рост Майкла по сравнению с более высокими Санни и Томом). В тот момент, когда Майкл начинает говорить, предлагая свой план решения проблемы (убить мафиози Соллоццо и продажного капитана полиции МакКласки – решение, которое избавит его семью от проблемы и изменит его дальнейшую судьбу), камера фиксирует свое внимание на нем: угол понижается до уровня сидящего Майкла, и камера начинает надвигаться на него, постепенно переходя с общего плана на крупный. В момент, когда Майкл произносит ключевую фразу «Then I'll kill 'em both», камера останавливается на крупном плане. Крупный план фиксирует трансформацию личности Майкла: предложив столь жесткое решение проблемы (и, по его мнению, единственно верное), он становится членом не только семьи Корлеоне, но и мафиозной «семьи». Более того, его уверенность в себе и глубокое понимание сути дела резко выделяются на фоне эмоциональных доводов Санни и отсутствия общего согласия.

В сцене убийства Майклом Соллоццо и МакКласки в ресторане напряжение героя передается аудиально (посредством шумовых эффектов – скрипа пробки, вынимаемой из бутылки, звука льющегося вина, звона бокалов, нарастающего шума приближающегося поезда; отсутствием музыкального сопровождения до выстрела и финальной музыкальной темой в конце эпизода), вербально при помощи нетитрированной и недублированной итальянской речи, в которой явственно можно различить повторяющиеся слова «*tuо padre*» («твой отец»), столь значимые для Майкла, мстящего за покушение на отца, и визуально (движение камеры от среднекрупного плана лица героя до сверхкрупного). На трансформацию Майкла указывает и одежда: после возвращения героя из Сицилии на нем черное пальто и шляпа, а затем – черный костюм (впервые в таком костюме он был во время переговоров с Соллоццо и МакКласки, что также не случайно). Процесс преобразования Майкла в мафиози завершается в заключительной сцене первой части трилогии, когда Майклу присягают на верность, целуя руку. Перед нами уже совершенно новый Майкл, действующий с помощью еще более жестоких методов, чем его отец.

Рассмотрим теперь, каким образом контекстуальные смыслы соединяются для передачи основного эстетического содержания/намерения произведения и какова при этом роль концептов 'family', 'business', 'Ca-

tholicism' («католичество»), 'power' («власть»), 'America' («Америка») и 'godfather' («крестный отец»). Ранее уже было отмечено, что концепты могут быть актуализированы не только вербально, но и с помощью других семиотических систем, а также при взаимодействии вербальной системы с невербальными (например, сочетание дорожного знака и подписи к нему или реализация концепта молчания в художественном произведении реальным молчанием, бессловесной реакцией на реплику) [1, с. 142, 223]. Таким образом, можно предположить, что и в художественном фильме концепт может быть актуализирован не только вербально, но и визуально, а также в результате конфликта вербального и визуального.

Рассмотрим данное положение на примере фильма «Крестный отец». Культурный сценарий (фрейм) данного фильма реализуется как сфера пересечения указанных концептов. Данные концепты вступают в конфликт друг с другом, образуя новые смыслы, а также характеризуются приращением смыслов, обладая, таким образом, смысловой полифонией. Например, концепт 'family' вступает в конфликт и пересекается с концептами 'business', 'Catholicism'; концепт 'business' включает в себя элемент 'violence' и 'power' и вступает в конфликт с концептом 'Catholicism', концепт 'Catholicism' включает в себя компонент 'power' и вступает в конфликт с 'family' и 'business', 'America' вступает в конфликт с 'business' и 'power', а концепт 'godfather' включает в себя все остальные концепты. Конфликт при этом может происходить на нескольких уровнях – визуальном, вербальном, аудиовизуальном и вербально-визуальном, и на всех уровнях может приводить к образованию полифонии смыслов.

Основными средствами создания конфликта в данном фильме служат параллельный монтаж и аудиовизуальный монтаж (в терминах С. Эйзенштейна). Все основные концепты фильма актуализированы уже в первом эпизоде свадьбы дочери Вито Корлеоне. Вербальная реализация представлена в речи персонажей (I believe in America. America has made my fortune; I taught her never to dishonour her family; Be my friend, godfather (Bonasera); my wife is grandmother to your only child, you come to me at the wedding-day of my daughter and ask me to do murder for money (Vito) и т.д.). Визуальная реализация достигается при помощи различных выразительных средств: движения камеры, освещения, мизансцены, монтажа. Конфликт концептов 'business' и 'family' в данном эпизоде реализуется при помощи параллельного монтажа: сцены бесед «крестного отца» Вито Корлеоне с «подопечными», пришедшими просить его о помощи (реализация концептов 'business' и 'power'), чередуются со сценами шумной итальянской свадьбы его дочери (реализация концепта 'family').

Ключевым эпизодом фильма является эпизод крещения племянника Майкла Корлеоне, в котором монтажные планы крещения чередуются с планами убийств, совершаемых по приказу Майкла. Благодаря приемам параллельного монтажа и аудиовизуального монтажа углубляется конфликт между ключевыми концептами фильма ‘Catholicism’, ‘family’, ‘business’, ‘power’, ‘godfather’, приводящий к полифонии смыслов: ‘family’ реализуется одновременно в значении группы родственников и в значении криминальной группировки, а концепт ‘godfather’ в значении ‘a male godparent’, с одной стороны, и ‘a man who controls a large criminal organization, especially in the mafia’ – с другой [11]. Слова Майкла во время церемонии о вере в Бога и отрицании Сатаны, и молитва на латыни и звуки органа вступают в конфликт с планами убийств, крики младенца – с предсмертными криками жертв, звук святой воды, льющейся на младенца, – с планами убитых.

Кроме того, деталь благодаря своему символическому значению (или нескольким значениям) может актуализировать несколько концептов и порождать смысловую полифонию. Так, например, апельсин реализует концепты ‘family’, ‘business’ и ‘power’, а также, в результате приращения смыслов, символизирует жизнь и смерть, а точнее, границу между ними; рука реализует концепт ‘power’, традиционные итальянские пирожные канноли реализуют концепт ‘family’, статуя Свободы символизирует Америку. Данные символы также могут вступать в конфликт с другими компонентами фильма.

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что креолизованный текст художественного фильма поддается анализу на семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом уровнях. На метасемиотическом уровне стилистическое использование различных выразительных средств кино приводит к образованию контекстуальных смыслов. Данные контекстуальные смыслы лежат в основе идейно-художественного замысла фильма как произведения искусства, который возникает в результате конфликта ключевых концептов фильма и их конкретных реализаций.

Ключевые концепты фильма могут быть актуализированы при помощи собственно вербальных и собственно визуальных средств, а также при помощи конфликта визуального и вербального. В одном визуальном элементе могут реализоваться сразу несколько концептов, подчас образуя сложные полифоничные символы. Конфликт как художественная основа фильма, служащая образованию смыслов на мета- и метаметасемиотическом уровнях, может быть собственно вербальным, собственно визуальным, вербально-визуальным и аудиовизуальным и приводить к возникновению смысловой полифонии, в том числе на уровне концептов и их реализаций.

Список литературы

1. Вишнякова О. Д. Функциональные особенности языкового знака в языке и речи (на материале современного английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2003.
2. Головина Л. В. Взаимовлияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: дис. ... канд. филол. наук АН СССР. Ин-т языкознания. – М., 1986.
3. Задорнова В. Я. Словесно-художественное произведение на разных языках как предмет лингвопоэтического исследования: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992.
4. Липгарт А. А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы 16–20 вв.): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996.
5. Попова И.А. Конфликт визуального и вербального как художественный прием в творчестве Ф.Ф. Копполы // Материалы XVII Международной конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». 12 – 15 апреля 2010 г. – М.: Изд-во Московского университета, 2010. – С. 316 – 318.
6. Сонин А. Г. Восприятие поликодовых рекламных текстов: когнитивный аспект. – [Электронный ресурс]: <http://psycholing.narod.ru/stati/sonin-st1.htm>
7. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180-196.
8. Эйзенштейн С. М. Монтаж // Эйзенштейн С. М. Избранные статьи. – М., 1955. – С. 294-328.
9. Эйзенштейн С. М. Вертикальный монтаж // Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: в 6 т. – М., 1971. – Т. 2. – С. 189–264.
10. Akhmanova O.S., Idzelis R. Linguistics and Semiotics. – М.: MSU, 1979.
11. CD-ROM © Macmillan Publishers Limited 2007. Based on the Macmillan English Dictionary for Advanced Learners 2nd Edition. Text © A&C Black Publishers Ltd 2007. Software © IDM France, 2007.

**Языковые особенности эмоционально-смыслового
противопоставления реального и идеального миров
в рассказах Т. Толстой**

Психолингвистический анализ рассказов Т. Толстой позволяет выделить в них эмоционально-смысловую доминанту – противопоставление концептов «мир реальный» и «мир идеальный». Их репрезентантами в тексте выступают различные единицы языка, фиксирующие актуальные личностные смыслы. Наблюдается преобладание имен прилагательных и причастий, которые формируют эмоционально-смысловую доминанту на всех уровнях текста.

The psycholinguistic analysis of the short stories of Tatyana Tolstaya allows to mark in them the emotional-semantic dominant «the opposition of the ideal and real worlds». Their representatives in text are the different language units that fix actual personal senses. We observe the predominance of the adjectives and participles that form the emotional-semantic dominant on the all levels of the text.

Ключевые слова: эмоционально-смысловая доминанта, оппозиция, мир реальный, мир идеальный, знак, контекстуальный антоним, актуальный личностный смысл.

Key words: emotional-semantic dominant, opposition, real world, ideal world, sign, context antonym, actual personal sense.

Художественный текст представляет собой фрагмент коммуникативной модели, в которой он является центральным звеном, опосредующим соотношение автора и адресата. «Автор разрабатывает особую коммуникативную стратегию текста» [1, с. 13], ориентируясь на потенциального читателя, в связи с чем текст, «являясь объектом вторичной коммуникативной деятельности адресата, <...> сам воздействует на читателя, побуждая его к дальнейшей деятельности. При этом читатель формирует свое представление как о тексте, так и об авторе, декодируя образ его создателя» [1, с. 13]. Таким образом, художественный текст является отражением действительности, входящей в языковую картину мира автора.

Следует отметить, что «авторское отношение к изображаемому сравнительно редко находит отражение в прямых оценках, но проявляется на разных уровнях системы текста» [2, с. 167] и, как правило, «выражается через семантические доминанты, то есть те компоненты произведения, которые приводят в движение и определяют отношения всех прочих компонентов» [2, с. 167]. Мироощущению автора «соответствует набор психологических особенностей, отраженных в тексте в виде

определенных семантических компонентов, формирующих эмоционально-смысловую доминанту художественного текста» [3, с. 462]. «Эмоционально-смысловая доминанта – система когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира» [4, с. 67]. «Прочие актуализируемые в художественном тексте личностные смыслы отражают его общий замысел и зависят от эмоционально-смысловой доминанты» [3, с. 463].

В данной работе представлена попытка анализа «эстетически значимых доминантных смыслов концептуальной системы» [3, с. 463] Т. Толстой. Содержание многих рассказов вышеназванного автора организовано противопоставлением и сопоставлением концептов «мир реальный» – «мир идеальный». «Репрезентантами названных концептов в конкретных текстах выступают различные языковые единицы, фиксирующие актуальные личностные смыслы» [3, с. 463].

На содержательном уровне противопоставление данных концептов выражено с помощью контраста между изображением настоящего времени, в котором бытует герой, и будущего, в которое он отчаянно стремится попасть. Эти два временных блока являют собой реальный мир (настоящее), представляющийся героям ужасающе скучным, грубым, бездуховным, и мир идеальный (будущее), который видится светлым, прекрасным, а главное – одухотворенным, наполненным каким-то пока неведомым, но чрезвычайно важным смыслом. Данное противопоставление выражается в тексте рядом локальных бинарных оппозиций, каждый из компонентов которой представляет собой определенную сторону данных концептов.

Прежде всего, следует отметить, что для сопоставления реального и идеального миров в рассказах Т. Толстой «частотна и психологически релевантна» [3, с. 464] такая оппозиция, как «тьма – свет». Мир идеальный, существующий, как правило, только в мечтах героев, представлен языковыми единицами с семантикой «свет», в то время как предметы реального мира сопровождаются лексемами со значением тьмы: «Шел себе и шел, с горки на горку, мимо *сияющих* [здесь и далее курсив наш. – Н. С.] озер, мимо *светлых* островов, над головой – *белые* птицы, под ногами – пестрые змеи, а пришел вот сюда, а очутился вот здесь; *сумрачно* тут и глухо...» [5, с. 65].

В данном примере образ мира идеального представлен троекратным повторением причастий и прилагательных, содержащих сему «свет». Это создает образ идеального места, ассоциирующегося с Раем, что усиливается с помощью употребления существительных, называющих понятия, характерные для образа Рая – озера, острова, птицы. Настоящее же в данном примере в принципе никак не названо, а обозначено местоименными наречиями «сюда» и «здесь». Данные лексемы могут считаться эв-

фемизмами, заменяющими понятия «настоящее», «реальное», которые герой рассказа «Круг» не желает признавать («И Василий Михайлович был не согласен» [5, с. 65]); «...и вот вы уже бьетесь в сетях с мелкими ячейками..., и *тьма сгущается*, а солнце и луна все бегут и бегут, догоняя друг друга, по кругу, по кругу, по кругу» [5, с. 68]. В данном случае демонстрируется поглощение мира идеального засасывающей трясинной «преходящего бытия» [5, с. 68] с его «удушающими подробностями» [5, с. 68]. Этой цели служит употребление глагола «сгущаться», имеющего значение усиления признака. Существительные, содержащие семантический компонент «свет» («солнце», «луна»), в данном примере выступают не в роли источников света, являющегося для героя символом мира идеального, а в роли звеньев бесконечной цепи земного бытия, «бег» которых с каждым днем приближает героя к смерти: «...впереди светится только одна надпись: выход» [5, с. 65].

Солнце в реальном мире появляется достаточно редко и, как в вышеприведенном примере, света не излучает, а его образ сопровождается соответствующими эпитетами: «...а за окном... проглядывало сквозь летние облака *пресное* городское солнце» [5, с. 114]. В данном случае прилагательное «пресный», как правило, не являющееся характеристикой солнца, употреблено в своем переносном значении – «лишенный жизни, неинтересный, скучный». Это в очередной раз выступает актуализацией смысла бренности жизни в реальном мире. В противоположность этому бытие в идеальном мире наполнено светом и сопровождается иными характеристиками: «Но, конечно не кафель, не хорошо развитые дети *сияли* из просторов будущего *цветным радужным огнем, искристой аркой* бешеного восторга..., нет, что-то большее, что-то совсем другое, важное, тревожное и великое шумело и *сверкало* впереди...» [5, с. 105]. В данном случае к смысловой доминанте «свет» прибавляется эстетическая характеристика, содержащая значение сияния. Это заключается как в самом глаголе «сиять», так и в прилагательных «радужный» и «искристый», содержащих значение не просто излучаемого света, но и переливающегося разными цветами. Это в очередной раз выступает характеристикой мира идеального как мира надежд и грез, свойственных героям рассказа «Огонь и пыль». Следует также отметить, что само заглавие рассказа, являющееся, по мнению исследователей, «аббревиатурой смысла» всего текста» [3, с. 167], представляет собой контекстуальные антонимы, выступающие символами двух миров. Существительное «огонь» – символ мира идеального – включает в себе значение яркой, бурной, горячей, наполненной смыслом жизни. Слово «пыль» символизирует повседневную жизнь героев.

В рассказе «Факир» два противоположных мира представлены с помощью контрастных образов – квартиры Гали и Юры, находящейся за Окружной дорогой, в «обруче мрака» [5, с. 243], и уютного жилища мо-

сквича по фамилии Филин, умеющего серую рутинную жизнь превратить в яркую и необычную. В связи с этим характеристикой повседневной, опротивевшей героям жизни выступают слова, содержащие семантический компонент «мрак», «холод», «страх»: «...*холод* безлюдных равнин проник под одежду...» [5, с. 243]; «А у них на Окружной...Боже мой, какая там сейчас густая, маслянисто-морозная тьма...» [5, с. 255]; «Глянешь из окна – Окружная дорога, бездна тьмы...» [5, с. 256].

В противоположность этому описание просторной квартиры Филина в центре Москвы, «украшенная разнообразнейше, – со всякими зодческими эдакостями, штукенциями и финтибрясами...» [5, с. 255], сопровождается смыслами «свет», «тепло», «уют».

Таким образом, мир реальный и мир идеальный представлены в рассказе «Факир» с помощью следующих эстетических характеристик:

«обруч мрака», «холод равнин»,	«белая хрустящая скатерть, свет, тепло»,
«густая, маслянисто-морозная тьма»,	«сладкие фортепьянные рулады»,
«тусклая темнота»,	«вязанки золотых фонарей»,
канавы, пустыри.	дворец.

Чрезвычайно значимым является то, что, в отличие от других рассказов Т. Толстой, где идеальный мир существует лишь в мечтах героев, в неопределенном будущем, в анализируемом рассказе он существует в действительности, в настоящем, и различие между мирами не временное (настоящее – будущее), а пространственное (окраина – центр). Чертой, разделяющей два мира, которые в данном рассказе соприкасаются, а не существуют параллельно, является Окружная дорога, которая делит людей на избранных и прозябающих в тесноте и мраке.

В противопоставлении двух вышеназванных концептов автором часто актуализируется оппозиция «теснота, замкнутость» – «простор, бесконечность». Мир реальный представляется замкнутым на самом себе, на бытовых мелочах и рутинных событиях. Движение в нем если и происходит, то, как правило, это движение по кругу. Наиболее значимым в этом отношении выступает рассказ Т. Толстой «Круг». Смысловое поле «замкнутость, конечность» «поддерживается в тексте повторами разных типов» [4, с. 175]. Образ круга появляется в самом начале рассказа: «мир конечен, мир искривлен, мир замкнут, и замкнут он на Василии Михайловиче» [5, с. 65]. «В дальнейшем этот образ то иронически снижается («...я все-таки пока пройдуся, сделаю *кружочек*...» [5, с. 66]), то включается в ряд тропов («...где-то в толще городского *клубка*, в тугом *мотке* переулков...» [5, с. 71]), то сочетается с образами, обладающими космической и экзистенциальной символикой («Он попросту нашарил впотьмах и ухватил обычное очередное *колесо судьбы* и...по дуге, *по кругу*

добрался бы, в конце концов, до себя самого – с другой стороны» [5, с. 71], то подчеркивается рефреном: «Солнце и луна все бегут и бегут, догоняя друг друга, *по кругу, по кругу, по кругу*» [5, с. 63]; «вороной конь храпит и бьет копытом, готовый скакать по усыпанной опилками арене... *по кругу, по кругу, по кругу*» [5, с. 79]. В результате заглавие «Круг» приобретает характер обобщающей метафоры, которая может быть интерпретирована как «круг судьбы» и как замкнутость героя на самом себе, его неспособность выйти за пределы собственного «я» [4, с. 175].

Кроме того, замкнутость и теснота мира реального в рассказе «Круг» актуализируется с помощью следующих смыслов: пустота, ограниченность («День был темный, пустой, короткий» [5, с. 67]; обреченность жизненного пути, невозможность вырваться из сетей земной жизни: «Все предрешено, и в сторону не свернуть – вот что мучило Василия Михайловича» [5, с. 68]; «Трехмерность бытия, финал которого все приближался, душила Василия Михайловича» [5, с. 69]; «Просто он понял, что попытка вырваться из системы координат не удалась» [5, с. 70]; «Он решил: пусть она и будет той, кто выведет его из тесного пена, именуемого мирозданием» [5, с. 72].

Актуализация семантического компонента «замкнутость, ограниченность» производится автором в связи со смыслом страдания и нередко не только духовного: об этом свидетельствует употребление глаголов «мучить», «душить», имеющих значение причинения физической боли.

В противоположность конечности и «искривленности» реального мира идеальный просторен и многогранен. В рассказе «Круг» идеальный мир существует параллельно с земным, в мечтах, а точнее – в напряженных ожиданиях героя. Однако взаимодействия этих двух миров, коего страстно жаждет Василий Михайлович, не происходит, ибо чаяния так и остаются чаяниями, но никаких действий, направленных на их осуществление, герой не совершает. Ему остается только метаться в «тесном пена» мироздания и грезить о несбыточных просторах: «...она должна была обвить его руками и шагнуть вместе с ним в *новое измерение*, чтобы молния, сверкнув, расколола обыденный мир, как яичную скорлупу» [5, с. 75]; «Шестьдесят лет он ждет, что придут, и позовут, и откроют тайное тайных, что полыхнет зарево *на полмира*, встанет лестница из лучей *от неба до земли*» [5, с. 75]; «С замиранием сердца он ощутил близкое присутствие чуда: за дерматиновой дверью...зияет провал в *иную вселенную*» [5, с. 77].

Бесконечность мира идеального представлена с помощью слов и словосочетаний, называющих неизмеримые величины: «на полмира», «от неба до земли», «вселенная». Но эти пространства существуют только в воображении героя, а мир реальный засасывает его в трясину быта,

откуда нет выхода. Эти смыслы актуализированы с помощью образов, так или иначе соотносимых с кругом: колесо судьбы, цирковая арена, прогулка по кругу, «яркое шерстяное колесо» [5, с. 73], шапка и т.п.

В рассказе «Огонь и пыль» аллегорией мира реального выступает комната в коммунальной квартире, а мир идеальный представляется героине в виде возможности завладеть квартирой целиком. Противопоставление «теснота» – «простор» снижается и переводится в обыденный, бытовой план. В связи с этим указанная эмоционально-смысловая доминанта репрезентирована в рассказе в следующих смыслах.

Мир реальный	Мир идеальный
«Куча хлама в коридоре»,	«Счастливый, бушующий океан»,
«отбросы, объедки с чужого пирса»,	«розовые туманы, белые паруса»,
«дрянь, золото сатаны»,	«зов далекой страны»,
«старая, запселяя коммуналка».	«огромное счастье впереди».

«Соответственно эти смыслы подкрепляются отрицательными и положительными эмоциями» [3, с. 467].

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассказах Т. Толстой эмоционально-смысловой доминантой является противопоставление концептов «мир реальный» и «мир идеальный». При этом автор подчеркивает постоянное стремление героев к обретению возможности жить в идеальном мире и столкновение этих желаний с повседневным бытом мира реального. Эмоционально-смысловая доминанта противопоставления реального и идеального миров актуализируется в следующих смыслах, представляющих собой локальные бинарные оппозиции: «тьма – свет», «холод – тепло», «теснота – простор», «неустроенность – благополучие», «привязанность к бытовым реалиям – свобода», «смерть, безысходность – счастливая жизнь», «бессмысленность – тайный смысл».

Мы разделяем мнение исследователя Т. Г. Галкиной, согласно которому «эмоционально-смысловая доминанта текста, отражая когнитивную и эмотивную (в том числе оценочную) структуризацию мира, является квинтэссенцией авторского смысла текста» [4, с. 468].

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте. – Томск, 1992.
2. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М., 1988.
3. Николина Н. А. Филологический анализ текста. – М., 2003.
4. Галкина Т. Г. Эмоционально-смысловая доминанта как смыслоорганизующий центр текста (на примере рассказов В. В. Набокова) // Язык. Время. Личность. Материалы Международной научн. конференции/под ред. Л. О. Бутаковой. – Омск, 2002. – С. 462-468.
5. Толстая Т. Н. Ночь. – М., 2007.

Определение значения словообразовательного форманта

В статье рассматриваются когнитивные механизмы использования коммуникантами деривационных моделей относительных прилагательных современного английского языка.

Cognitive mechanisms using derivational models of relational adjectives in modern English are discussed.

Ключевые слова: когнитивный механизм, относительное прилагательное, словообразовательное значение, словообразовательный суффикс, транспонирующая функция.

Key words: derivational meaning, derivational suffix, cognitive mechanism, relational adjectives, transpositional function.

В традиционной грамматике относительные прилагательные рассматриваются как производные от именных основ и обозначающие качество (признак) предмета по отношению к другим [1, с. 358]. Дж. Леви признает, что прилагательные типа *electric clock*, *electric shock*, *electrical engineering*, *electrical conductor*, *electrical outlet*, *musical clock*, *musical criticism*, *musical interlude*, *musical comedy*, *musical talent* являются наименее исследованными, только в 1974 году эти прилагательные получили свое собственное название (nonpredicate NPs, [8, с. 403]), хотя в более ранних исследованиях выделяли данные прилагательные в отдельную группу и называли по-разному: *pseudoadjectives*, *attributive-only adjectives*, *denominal adjectives*, *transposed adjectives*, *denominal nonpredicate adjectives* [8, с. 2].

Словообразовательная структура производного слова – в данной статье относительного прилагательного – включает мотивирующую основу и словообразовательный формант. Мотивирующая основа – эта та часть мотивированного слова, которая является общей с основой мотивирующего слова, а словообразовательный формант – наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство (средства) из числа тех, чем данное мотивированное слово отличается от мотивирующих, например: *лес* – *лесок*, *music* – *musical* (мотивирующая основа *лес-*, *music-*, формант *-ок*, *-al*) [6]. Так, обладая собственным индивидуальным значением, данное слово в отличие от производящего простого передает свое значение посредством указания на него же: *musical instrument* – an instrument which produces *music*.

Наиболее сложной в теории словообразования является категория словообразовательного значения. В современной лингвистической литературе эта категория находит различные определения. Словообразовательное значение – это то общее значение, которое отличает все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих, при этом носителем словообразовательного значения является формант [6]; «общее для ряда производных слов значение, выражаемое одинаковыми особенностями материальной структуры слова (одинаковыми приставками, суффиксами, объединениями тех и других и т.д.)» [3, с. 132]; «общее категориальное значение слов, объединяющихся в словообразовательный тип, основанное на семантическом отношении мотивированной и мотивирующей основ» [3, с. 76]; «значение, присущее слову в целом (а не отдельной словоформе или нескольким словоформам) и формально выраженное внутрисловными средствами у части слов, относящихся к данной части речи» [4, с. 37].

М. Льюнг исследовал 218 отсубстантивных прилагательных с наиболее частотными суффиксами: -al, -ful, -ic, -ish, -ly, -ous, -y. Используя словари Webster's Seventh New Collegiate Dictionary, Webster's Third New International Dictionary, исследователь обнаружил, что многие словарные статьи отсубстантивных прилагательных написаны в виде пропозиции, то есть представляют собой сокращенные предложения, используемые как мотивирующие суждения. Глагольные дополнения в словарных статьях идентичны основе отсубстантивных прилагательных: stony – abounding in stones, manly – having qualities appropriate to a man и т.д. Исследователь утверждает, что определение можно расширить до полных предложений, и, соответственно, делает вывод, что суффиксы являются заместителями таких предикатов, как relate to, arise in и др. Например: organic имеет следующее определение в словаре Webster's Seventh New Collegiate Dictionary: «of, or relating to, or arising in a bodily organ» [9, с. 23] и, соответственно, оно и является значением суффикса.

М. Льюнг также заметил, что многие определения содержат синонимичные предикаты: abounding in, abounding with, full of, filled with, having, etc., которые он классифицировал как 26 типов определений (gross definitions). Однако, детально изучив эмпирический материал, М. Льюнг выяснил, что некоторые из них оказались подтипами других (в частности, подтипом HAVING). В результате исследователь сократил их число до семи (causing, deserving, constituting, given to, in accordance with, having, resembling) и предложил следующую таблицу значений отсубстантивных прилагательных [9, с. 190].

		Animal noun stem adj.	Human noun stem adj.	Abstract entity stem adj.	Abstract mass stem adj.	Concrete object stem adj.	Concrete mass stem adj.	Adj.s with country names as stems
Unproductive	causing			+				
	deserving			+				
Mildly productive	constituting				+			
	given to			+				
	in accordance with				+			
Fully productive	having	+	+	+			+	
	resembling	+	+		(+)	+	+	+

Д. Леви также считает, что суффиксы выражают определенное значение. Заслуживает внимания попытка Д. Леви разграничить именные (nominal adjectives – rural, chemical, corporate, dental, linguistic) и отсубстантивные (denominal adjectives – stony, wealthy, poisonous, joyful, disastrous, conventional, scandalous, childish, manly, artistic, heroic) прилагательные. Согласно ее точке зрения, все отсубстантивные прилагательные могут использоваться в предикативной позиции в сочетании с наречиями степени (very) и проявлять все характеристики прилагательных. Основное различие между именным (nominal adjectives) и отсубстантивным (denominal adjectives) прилагательным состоит в том, что первый мотивирован существительным, тогда как последний, согласно Дж. Леви, является сочетанием существительного с другим предикативным составляющим. В качестве иллюстрации исследователь рассматривает stony и wealthy и отмечает, что данные отсубстантивные (denominal) прилагательные представляют сочетание именного элемента (stone[s] или wealth) с предикативным, то есть суффиксом -у со значением having a greater than normal amount of [8, с. 17-18]. Однако данное объяснение кажется не совсем убедительным, так как именные и отсубстантивные прилагательные имеют недостаточно дифференциальных черт. Польский исследователь М. Пост, рассматривая морфологическую структуру отсубстантивного прилагательного childish, говорит, что суффикс -ish имеет значение «resemble, like» [10, с. 14].

Краткий обзор теоретических положений зарубежных исследователей показывает, что согласно традиционной лингвистике словообразовательный суффикс является носителем словообразовательного значения. Согласно мнению И. С. Улуханова, его значение можно выявить «вычи-

танием» значения мотивирующего слова из значения мотивированного и дальнейшего абстрагирования семантических компонентов к более общему значению – семантическому инварианту [7, с. 88-89].

Рассмотрим данное положение на речевых примерах.

Таблица 1

Речевой пример	Значение словосочетания	Значение мотивирующей основы прилагательного	Значение суффикса –al
My grandfather puts together musical clocks	My grandfather puts together clocks which produce music	Music	(clocks) which produce
I was sitting in the lounge and listening to the musical clock	I listened to the clock which was producing music at that time	Music	(the clock) which was producing
Here I'm listening to the musical clock playing	I am listening to the clock which is producing music	Music	(the clock) which is producing

Приведенные примеры свидетельствуют, что значение суффикса –al меняется каждый раз в зависимости от речевого контекста. Контекстуальный анализ словосочетания a musical clock показывает, что «вычитание» значения мотивирующего слова из значения мотивированного дает некий перечень значений (which produce, which is producing, which was producing плюс различие видовременных форм). Следовательно, для того чтобы пользоваться суффиксом и правильно понять смысл высказывания, необходимо держать в голове все речевые актуализации данного суффикса и знать, когда их использовать. Однако данные психолингвистов отрицают возможность хранения (всей) семантической структуры многозначного слова в памяти [2], а тем более суффикса.

Если же ставить задачу выведения словообразовательного значения, то есть значения словообразовательной модели, то, очевидно, нужно рассмотреть больше примеров сочетаемости этого прилагательного.

Таблица 2

Словосочетание	Лексическое значение словосочетания	Словообразовательная модель для прилагательного	Словообразовательное значение модели: N+al= adj.	Значение отношения между обозначаемыми предметами	Значение суффикса прилагательного
musical clock	“a clock which produces music”	Adj=N+ al	«a feature, related in some way to the base noun»	“(clock) producing (music)”	transpositional
musical person	“a person who is sensitive to music”	Adj=N+ al	«a feature, related in some way to the base noun»	“(person) sensitive to (music)”	transpositional
musical recording	“recording of music”	Adj=N+ al	«a feature, related in some way to the base noun»	“(records) of (music)”	transpositional
musical fan	“a person devoted to music”	Adj=N+ al	«a feature, related in some way to the base noun»	“(fan) devoted to (music)”	transpositional
musical taste	“a taste for music”	Adj=N+ al	«a feature, related in some way to the base noun»	“(taste) for (music)”	transpositional

Как видно из таблицы, приведенные лексические значения словосочетаний (колонка 2, значение словосочетания в данном контексте) позволяют вывести единую словообразовательную модель прилагательного (колонка 3) с единым словообразовательным значением: признак предмета, имеющий какое-то отношение к предмету, обозначенному мотивирующим существительным («a feature, related in some way to the base noun»), которое указано в 4-ой колонке.

Каким же образом устанавливаются отношения между предметами, передаваемые значениями словосочетаний (колонка 5)? Это возможно благодаря тому, что порядок расположения этих слов в словосочетании или предложении указывает на направление, в котором следует выводить смысл, – от определяемого слова к определению. Сведения, поступающие из языка, накладываются на информацию о реальном положении вещей в объективном мире. На основании своего тезауруса, рассматривая отношения между объектами реальности, коммуникант выводит сильно вероятностные отношения между двумя предметами объективной реальности, а именно: clock и music и, соответственно, clock producing music; person и music, соответственно, person sensitive to music, records и

music – records of music, fan и music – fan devoted to music, taste и music – taste for music.

Теперь рассмотрим значение суффикса прилагательного (6-ая колонка). Сравним сложное слово music box со словосочетанием с отсубстантивным прилагательным musical clock. Сопоставив эти словосочетания (music box и musical clock), можно сделать вывод, что они выражают одинаковые отношения между предметами независимо от наличия или отсутствия суффикса. Следовательно, функция или значение суффикса сводится к указанию на то, что слово music переходит в другую часть речи, становится прилагательным, то есть суффикс выполняет лишь транспонирующую функцию.

Таким образом, можно сделать вывод, что словообразовательные модели выступают в качестве предельно абстрагированных моделей в языковом сознании человека. Эти когнитивные структуры актуализируются в ответ на сигналы, поступающие из среды внешней, то есть тексты или устные сообщения. На их основе и основе тезауруса языковая личность догадывается о наиболее вероятных отношениях между предметами и выводит соответствующие компоненты смысла всего высказывания.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2007.
2. Брудный А. А. Значение слова и психология противопоставления // Семантическая структура слова. – М., 1971. – С. 19-27.
3. Головин Б. Н. Введение в языкознание. – М., 1966.
4. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
5. Лопатин В. В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопросы языкознания. – № 1. – М., 1966. – С. 76-87.
6. Русская грамматика. – [Электронный ресурс]: <http://rusgram.narod.ru>
7. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – М., 1977.
8. Levi J. N. The syntax and semantics of complex nominals. – New York, 1978.
9. Ljung M. English denominal adjectives. A generative study of the semantics of a group of high-frequency denominal adjectives in English. – Lund, 1970.
10. Post M. Denominal adjectivalization in Polish and in English. – Wroclaw, 1986.

Категории художественного времени и пространства в текстовой цитате

В статье анализируются особенности репрезентации категорий художественного времени и пространства в текстовой цитате на примере романов американского писателя постмодернистского направления М. Каннингема. Особое внимание уделено влиянию структуры произведения (его композиции и архитектоники) на проявление специфики рассматриваемых текстовых категорий посредством цитатных вкраплений.

The analysis carried out in the article covers specific representation of categories of fictional time and space in text citations by the example of American post-modernist writer M. Cunningham's novels. The influence of text structure (its composition and architectonics) on the characteristics of the categories in question by means of text citations is particularly emphasized.

Ключевые слова: текстовая категория, художественное время, художественное пространство, интертекстуальность, текстовая цитата, композиция, структура произведения, влияние.

Key words: textual category, fictional time, fictional space, intertextuality, text citation, text composition, text structure, influence.

Явление интертекстуальности – одна из самых популярных и перспективных тем в лингвистике текста, привлекающих пристальное внимание исследователей в последнее время. При этом вопросы, связанные с присутствием в литературном произведении «чужого слова», традиционно рассматриваются в рамках отдельного направления текстовых изысканий: в большинстве случаев анализируется либо содержательная, либо формальная составляющая интекстовых проявлений. Нельзя не заметить, что в подобных исследованиях не всегда уделяется достаточное внимание взаимодействию интертекстуальных вкраплений и других компонентов текста – его структуры, текстовых категорий, в частности, категорий художественного времени и пространства. В связи с этим в настоящей статье предпринимается попытка анализа взаимодействия таких прецедентных элементов текста, как цитата, и категорий художественного времени и пространства. Вследствие этого, возникает взаимовлияние содержательной (и, что еще более важно) композиционной стороны произведения.

Необходимо помнить, что категории текста отражают его наиболее общие и существенные свойства и представляют собой «ступеньки в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков» [9, с. 80]. Среди разнообразных текстовых категорий многие лингвисты,

в том числе З. Я. Тураева, И. Р. Гальперин, А. Ф. Папина, Н. А. Николина и другие, выделяют категории времени и пространства, рассматривая их по отдельности или же в качестве цельного составного образования, в котором время и пространство взаимообусловлены и неотделимы друг от друга (пространственно-временной континуум И. Р. Гальперина). В рамках же данной статьи предлагается рассматривать время и пространство художественного текста как две самостоятельные категории, в той или иной степени зависящие друг от друга.

Переходя непосредственно к анализу взаимодействия интертекстуальных элементов и упомянутых категорий в литературном произведении, необходимо описать основные особенности цитатных заимствований. Наиболее явным случаем проникновения одного текста в другой считается цитата атрибутивного характера или цитата без атрибуции. Такие текстовые вкрапления легче всего заметить при анализе интертекстуального взаимодействия литературных основ произведений. Н. А. Кузьмина дает следующее развернутое определение цитаты применительно к теории интертекста: «Цитата – это фрагмент текста, принадлежащий другому, в той или иной мере индивидуализированному субъекту, маркированный в авторском тексте при помощи графических, синтаксических, лексических, просодических, звуковых и пр. показателей. При включении таких фрагментов очевидна авторская установка на использование чужого слова, а сами они предполагают референцию не к миру, а к устному или письменному тексту» [4, с. 130].

Зачастую эксплицитные показатели «чужой речи» выделяются особым образом – например, за счет изменения шрифта, разных отбивок, особого места расположения цитаты в тексте и специфических графических средств [2, с. 196-200]. Иначе говоря, «автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств. Интертекстуальность в таком ее понимании сводится к намеренно маркированной интертекстуальности, – считает В. Е. Чернявская. – Это предполагает, что не только автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты иных предтекстов, но и адресат способен верно определить авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности» [10, с. 187]. Однако автор все же не всегда решается выделить заимствованный фрагмент столь очевидным образом. В некоторых случаях «точные и модифицированные цитаты вводятся в предложение без специальных сигналов, указывающих на «чужое» слово, усиливая смысловую плотность синтаксической конструкции и превращая ее в атемпоральный коллаж» [6, с. 286]. Так, в романе современного американского писателя Майкла Каннингема «Памятные дни» (*Specimen Days*) многие цитаты из стихов Уолта Уитмена никак не выделены графически. Тем не менее, читатель верно и без особого труда выявляет «чужеродный» элемент за счет сти-

левых изменений, поскольку даже современники поэта заметили бы особый высокий слог, которым вряд ли стали бы пользоваться в обыденной речи. Современному же читателю обязательно бросятся в глаза устаревшая лексика и грамматические формы и конструкции таких высказываний: «*Mischief, gone and forgotten, what have ye done with the shattered hearts?*», «*Of Life immense in passion, pulse, and power, cheerful, for freest action form'd under the laws divine, The Modern Man I sing*» и др..

В каждом случае цитирования производится отсылка к другому тексту. Поскольку любой текст обладает категорией времени и пространства – будь то концептуальные время и пространство или, как в нашем случае, художественные – к существующей в рамках конкретного литературного произведения пространственно-временной системе прибавляются темпорально-локальные характеристики текста-источника. Читателю в такой ситуации необходимо осознать время и пространство действия сюжета и одновременно учитывать проявляющиеся временные и пространственные свойства, связанные с привнесенным текстовым заимствованием. Так «автор "вкрапляет" готовые пратекстовые цитаты-маяки в становящейся пространственности нового произведения; происходит постепенное наложение» [3, с. 74]. Но помимо сочетания темпорально-локальных свойств двух взаимодействующих отрывков происходит и обратный процесс, основывающийся на контрасте двух миров. Прошлое, вторгаясь в художественную реальность настоящего, самим фактом вторжения делает очевидной разницу между двумя текстовыми основами и противопоставляет одну темпорально-локальную систему другой, вследствие чего можно констатировать синхронное отождествление и растождествление прототипичной и оригинальной сцен.

И. М. Михалева подчеркивает, что «механизм функционирования прецедентного текста следует рассматривать как «сложный механизм», в основе которого лежит взаимодействие нескольких частей: одна дана в «цитирующем» тексте (структура и семантика текста); вторая содержится в сознании и памяти индивида, воспринимающего текст <...>; третья существует как образ смысла и аксиологической ценности текста-источника. В результате такого взаимодействия прецедентный текст усложняет «смысловое пространство» определенного фрагмента «передающего» текста, делает его семантически насыщенным и трансформирует смысл цитируемого и цитирующего текстов» [5, с. 6]. Упомянутые преобразования затрагивают структурно-семантическую сторону художественного текста, в построении которой не последнюю роль играют категории времени и пространства. Отсюда выходит, что обе категории, имея дело с прецедентным текстом, подвергнутся определенным изменениям, затрагивающим их типологические свойства, и так же, как и смысловое пространство фрагмента, будут отличаться сложной

комбинацией темпорально-локальных планов, причем, как отмечает Н. А. Николина, «перетекание» одного плана в другой обуславливает зыбкость их границ [7, с. 153]. В итоге получается своеобразный «пространственно-текстовый «нахлест» – ранее созданное/создаваемое строит романную топику по модели палимпсеста. Здесь открывается взаимосвязь с временной компонентой» [3, с. 74].

Главные герои каждой из сюжетных линий в романе «Памятные дни», второстепенные действующие лица – все, так или иначе, цитируют строчки из стихов Уитмена, выражая тем самым свои мысли и чувства. Каннингем каждый раз добавляет в речь своих героев очень емкие в смысловом отношении цитаты – некоторые из них звучат в контексте приводимого диалога несколько абстрактно, но они всегда отражают самую суть сообщаемого «послания». Сами же герои «выбирают» такой способ оформления высказывания не потому, что не могут подобрать нужных слов, а лишь потому, что эти стихотворные отрывки наилучшим образом формулируют то, что волнует персонажей в данный момент, что они переживают и что невозможно выразить простым бытовым языком. Эти проверенные временем поэтические формулы как нельзя кстати подходят к той ситуации, осознать и понять которую пытаются герои.

В одной из сцен первой части романа «Памятные дни» Кэтрин отчитывает Лукаса за то, что тот думал о ней за работой – в цехе у прессовой машины: «“You must think only of yourself. Promise me.” He said, “Every atom belonging to me as good belongs to you.” “Thank you, my dear,” she answered, and she said no more» [11, с. 23]. Несмотря на то, что процитированная Лукасом строчка не является конкретным ответом на просьбу Кэтрин, девушка, равно как и читатель, прекрасно понимают имплицитный смысл этих слов. Как следствие, читатель может наблюдать положительный перлокутивный эффект, который производит реплика Лукаса, – Кэтрин не игнорирует его слова и не просит выразиться яснее, а демонстрируя, что «послание» собеседника воспринято правильно, благодарит за своеобразное проявление внимательности и привязанности.

В другой сцене, уже в третьей части, робот Саймон смотрит на тлеющие останки своего друга Маркуса, тоже андроида, с которым за несколько мгновений до этого расправились за то, что тот послушался команды остановиться. Выражая свой гнев и негодование, Саймон произносит вслух: «“Who degrades or defiles the living human body is cursed.” He hoped the drone hadn’t heard» [11, с. 216].

Так лирика выдающегося американского поэта становится в романе не только мерилем всех ценностей и отношений – она проходит тонкой нитью через все произведение, связывая разные эпохи и поколения, утверждая незыблемый характер извечных ценностей, не подвластных времени. Проблемы, волновавшие поэта в XIX веке, несколько не утратили своей актуальности и значимости поныне и еще долго будут иметь

статус жизненно важных. Таким образом, обращаясь к литературным шедеврам прошлого, пропуская их сквозь новые сюжетные комбинации, Каннингем перебирает непреходящие темы как в искусстве в частности, так и в реальной жизни в целом, затрагивая в своей работе проблему времени и вечности.

Уитменовские цитаты в контексте романа получают статус поэтических максим, емко и четко формулирующих суть происходящего. Анализируя научно-фантастические тексты, О. С. Бочкова приходит к выводу, что подобные сентенции обретают в таких произведениях прочный «вечный» смысл, предопределенный их глобальной научной, социальной, философской проблематикой. «Сентенционные замечания углубляют пространственно-временную перспективу повествования, так как отличаются универсальностью и автосемантической. Так автор поднимается над конкретикой изображаемых событий и читатель – вместе с ним» [1, с. 15-16].

В результате такого искусного сочетания прозы и поэтических вставок категория художественного времени и пространства приобретает, как минимум, еще один пространственно-временной план: помещая своих героев в определенную темпорально-локальную плоскость, именно посредством цитат из Уитмена писатель соотносит текущую ситуацию с более глобальным контекстом, придает каждой отдельной незначительной проблеме вневременной и внепространственный статус, предлагая рассматривать ту ситуацию, в которой оказались герои, намного шире, то есть в масштабе вечности и бесконечности бытия. Естественно, что в каждом случае декламирования героем стихов Уитмена в художественный мир, созданный Каннингемом, вклинивается образ, порожденный цитированной строчкой. Как и любой образ, он не может существовать вне временных и пространственных координат, а, значит, в течение какого-то небольшого периода времени развития сюжета мы «переносимся» во времени и пространстве в другой художественный мир с его собственными пространственно-временными координатами. «Интертекст является одним из способов прерывания хода повествования. Следовательно, можно сделать вывод, что интертекстуальные включения или интертекст являются одним из способов создания и организации хронотопа произведения», – констатирует А. Л. Троицкая [8, с. 7]. Такое утверждение правомерно в отношении тех вставных элементов (преимущественно, цитат), которые маркированы в тексте особым образом. Этот прием позволяет автору отделить «свое» слово от «чужого», чтобы читатель без труда смог заметить переход – своеобразное обращение к внетекстовой реальности. Достаточное количество подобных цитат можно обнаружить и в другом произведении писателя – «Часы» (The Hours), особенно в сюжетной линии миссис Браун, которая в течение дня несколько раз принимается читать роман Вирджинии Вульф «Миссис Деллоуэй» (Mrs

Dalloway). Отдельные отрывки из романа писатель помещает в свой текст и выделяет их курсивом, чтобы читатель четко понимал, что это подлинные строчки из книги, которую читает придуманный им персонаж. Некоторые отрывки занимают половину, а иногда и целую страницу книги [12, с. 38-39, 40-41 и др.], позволяя говорить о том, что на данном этапе развития сюжета движение основного времени замедляется за счет выдвигания на передний план пространственно-временных отношений заимствованного текста.

Однако поскольку цитаты из стихотворений Уитмена в романе «Памятные дни» даются не просто в виде текстовых вставок, а звучат в речи самих героев, то в этом случае пространство текста не разрывается, унося читателя на мгновение в другую вымышленную реальность, а расширяется, впуская ее в себя. Два разных мира художественной действительности интегрируются в цитатных репликах персонажей, которые лишь на краткий миг раздвигают рамки сюжетной канвы и вновь возвращают к текущему ходу событий. Каждая из таких цитат важна не сама по себе, важен эффект соотношения, которое достигается за счет сочетания разных временных и пространственных обстоятельств разворачивающихся в произведении событий. Это соотношение позволяет увидеть, выделить нечто общее, сущностное, первопричину произошедшего, абстрагироваться от формальных деталей и выявить принципиальное сходство или различие, прикоснуться к вечным проблемам и темам.

Цитаты в романе «Часы» выполняют идентичную функцию сочетания разных временных пластов, необходимости их соотнесения, экспликации параллелей на сюжетном и смысловом уровнях. В некоторых случаях Каннингем никак не мотивирует присутствие интекста: он не всегда заставляет героев перечитывать книгу В. Вульф или мысленно обращаться к тексту произведения, чтобы обосновать появление той или иной интертекстовой вставки в главе. Цитатный характер такого заимствования виден благодаря изменению шрифта. Но все обращения к роману «Миссис Деллоуэй» в той или иной форме не случайны: автор намеренно сближает определенные части или элементы сюжетов. В одном из эпизодов миссис Браун во время завтрака решает закурить: «*She lights a cigarette. ... the triumph and the jingle and the strange high singing of some aeroplane overhead was what she loved; life; this moment of June. She exhales a rich gray plume of smoke*» [курсив Каннингема. – Ю.Г.] [12, с. 48]. Благодаря курсиву читатель с легкостью может определить цитату из романа Вульф. Но, как видно из самого текста, в этой сцене в руках у героини нет книги. Таким образом, Каннингем пытается провести параллель и соотнести два разных сюжета, чтобы продемонстрировать преемственность своего произведения по отношению к работе писательницы. Добавляя в этот эпизод соответствующую цитату, автор описывает эмоциональное состояние героини, используя для этого отрывок из прото-

текста. Подобный выбор обусловлен не только совпадением ощущений и переживаний Лоры Браун и Клариссы Деллоуэй. Как уже упоминалось в предыдущей главе, Лора Браун в концептуальном представлении писателя, помимо Клариссы Воган, олицетворяет собой миссис Деллоуэй как героиню романа Вирджинии Вульф, реализуя одну из граней ее образа. Такой плавный переход от одного текста к другому выполняет еще одну важную функцию: в романе Каннингема происходит необычное замещение вульфовской Клариссы его собственной героиней – миссис Браун. Достижение эффекта «подмены» получается благодаря соположению местоимения *she* в цитирующем и цитируемом текстах. В результате читатель замещает в своем сознании одного субъекта действия другим, понимая, что замещение носит все же условный характер и не может восприниматься буквально. Данный пример в очередной раз наглядно демонстрирует многоплановость повествования в романе «Часы». Из-за использования Каннингемом интекстовых вкраплений со временем и пространством произведения происходят разнообразные трансформации, зачастую имеющие противоположные тенденции. В каждом случае проникновения в текст цитаты из прототекста время и пространство одновременно расслаиваются на два разных, ощущаемых читателем пространственно-временных плана и, в то же время, сливаются в один пространственно-временной фон взаимодействия сюжетных основ. «Интертекстуальность обладает двойственной природой: с одной стороны, деструктивностью, т.к. взрывает линейность текста, заставляя искать коды за пределами художественного произведения, и, с другой стороны, конструктивностью, т.к. восстанавливает разрушенную линейность» [8, с. 7].

Помимо прочего, у цитат в романе «Часы» есть и еще одна очень важная функция. Являясь средством выражения категории когезии, они становятся связующими элементами между отдельными главами, частями и, что более важно, сюжетными линиями. Миссис Вульф садится писать свой роман – находим в тексте следующие строчки: «*She picks up her pen. Mrs. Dalloway said she would buy the flowers herself*» [курсив Каннингема. – Ю.Г.] [12, с. 35]. Этими словами заканчивается первая глава о миссис Вульф. Следующая же глава, посвященная миссис Браун, начинается аналогичной строчкой из романа «Миссис Деллоуэй», после чего Каннингем приводит еще один абзац из книги, которую начала писать в предыдущей главе миссис Вульф: «*Mrs. Dalloway said she would buy the flowers herself. For Lucy had her work cut out for her. The doors would have to be taken off their hinges; Rumpelmayer's men were coming. And then, thought Clarissa Dalloway, what a morning – fresh as if issued to children on a beach. It is Los Angeles. It is 1949*» [курсив Каннингема. – прим.] [12, с. 37]. Повтор цитаты и ее последующее расширение использованы писателем, чтобы показать соотнесенность двух сюжетных линий, двух про-

странственно-временных пластов произведения. Но в данном примере это не простой повтор предложения, а повтор интекстового элемента, имеющий многоуровневый характер: он связывает не только две части произведения, две его главы, но и две сюжетные линии. Более того, в сюжетном плане здесь представлен целый комплекс логических «мостиков» между разными по своей сути образованиями: прежде всего цитата связывает два сюжета художественного произведения, где и тот и другой являются фиктивными; далее, мы наблюдаем связь между двумя абзацами одного и того же заимствованного художественного текста, «чужого» для данного произведения; говоря о романе Вульф, в этом примере можно, естественно, обнаружить связь между сюжетами двух разных произведений, о чем уже упоминалось ранее; наконец, благодаря повторному использованию цитаты Каннингем интегрирует трех акторов своего романа – миссис Вульф, которая пишет эти строки, миссис Деллоуэй – лицо, о котором идет речь в этих строках и которое одновременно с этим является персонажем романа Каннингема, миссис Браун как собирательный образ Клариссы Деллоуэй и в то же время персонаж постмодернистского романа.

Узнавание цитаты облегчается, как и в большинстве цитатных вставок в романе, за счет курсива, которым пользуется писатель, вводя в пространство своей книги роман Вирджинии Вульф. В месте, где курсивный шрифт сменяется обычным, происходит переход от одной сюжетной линии к другой, от одного пространственно-временного плана к другому. В этом же примере Каннингем акцентирует перемещение во времени и пространстве, добавляя сразу после приведенной цитаты соответствующие маркеры. Помещая их после интекстовой вставки, автор помогает читателю, поясняя таким образом, что переход совершается не только от темпорально-локальных характеристик одного текста к характеристикам другого, но и от одной сюжетной линии к другой. Отсюда неудивительно, что многоплановость категории художественного времени и пространства выражает многообразие их функций в ключевых моментах сюжета.

Некоторые цитаты в романе не столько связывают непосредственно отдельные главы, сколько указывают на общее родство всех трех сюжетных составляющих друг с другом и с романом «Миссис Деллоуэй». В частях текста, относящихся к линии миссис Браун, периодически возникают строчки из упомянутого прецедентного текста, что может быть объяснено тем, что на протяжении всего дня Лора Браун читает книгу Вирджинии Вульф. Автору нет необходимости в каждом конкретном случае подчеркивать, что героиня, захваченная чтением, всякий раз берет в руки книгу, а внезапно появляющиеся в тексте отдельные цитаты всякий раз воспринимаются в памяти и сознании героини как отголоски прочитанного. Очередная глава о миссис Браун начинается фразой из

Mrs Dalloway: «*Life, London, this moment of June. She begins sifting flour into a blue bowl*» [курсив Каннингема. – прим.] [12, с. 75]. Поскольку предыдущая глава сюжетно относится к линии миссис Вульф, наличие этой строчки может быть легко объяснимо таким же образом, как и в предыдущем случае: две главные героини находятся на внешнем, поверхностном уровне в отношении «писатель-читатель». Лора Браун читает творение писательницы Вульф или, по крайней мере, припоминает строчку из книги, просеивая, тем временем, муку в чашку. Однако было бы наивно полагать, что между героинями произведений действуют только такие формальные связи. На уровне глубинного смысла и глубинной структуры произведения писатель заставляет читателя посредством небольшой интертекстуальной вставки воспринимать Лору Браун как новое воплощение Клариссы Деллоуэй, указывает на необходимость соотнесения двух героинь в концептуальном плане. Подобное начало настраивает читателя не просто на знакомство с частью сюжетной канвы, но на активную аналитическую работу по сопоставлению содержательных коннотаций каждого из произведений с целью фиксации их сходства и различий.

Таким образом, цитаты в литературном тексте служат своеобразными вехами в развитии сюжета произведения и его композиционной организации, что особенно характерно для романов М. Каннингема. Они не только сопоставляют две разные текстовые основы и два художественных мира, изначально чужеродных друг другу, но и помогают глубже понять причины сопоставления литературных образцов. Важную роль в процессе экстраполяции одной художественной ситуации на другую играют категории времени и пространства: анализируя примеры цитирования прецедентного текста, необходимо учитывать темпорально-локальные характеристики каждой из двух текстовых основ – заимствованной и заимствующей – для адекватной и верной интерпретации смысловой стороны произведения.

Список литературы

1. Бочкова О. С. Категории модальности, времени и пространства в жанре НФ (на материале русско- и англоязычных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2006.
2. Иванова И. П. Об эксплицитном и имплицитном способах представления цитат в немецком публицистическом дискурсе // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009. – Вып. 9. – С. 196-201.
3. Клецкина О. А. Уровни и функционирование пространства текста. // Вестник Новгородского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание. – Новгород, 2003. – № 25. – С. 70-74.
4. Литвиненко Т. Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста. – Иркутск: Иркутский гос. лингвистический ун-т, 2008.
5. Михалева И. М. Реминисцентная структура художественных текстов // Культура, общение, текст. – М.: Наука, 1988. – С. 4-17.

6. Николина Н. А. Временная перспектива современного прозаического текста // *Художественный текст как динамическая система. Материалы Междунар. научн. конференции, посвященной 80-летию В. П. Григорьева.* – М., 2006. – С. 280-289.
7. Николина Н. А. Категория времени в художественной речи. – М.: Прометей, 2004.
8. Троицкая А. Л. Интертекстуальный хронотоп готического романа (на материале англоязычных произведений): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008.
9. Тураева З. Я. Лингвистика текста. – М.: Просвещение, 1986.
10. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
11. Cunningham M. *Specimen Days.* – London, New York, Toronto and Sydney: Harper Perennial, 2006.
12. Cunningham M. *The Hours.* –New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002.

**Соотношение семантических и формальных признаков
английских глаголов в языке описания словаря
«Macmillan English Dictionary»**

В статье анализируется структура языка описания, используемого в словаре английского языка «Macmillan English Dictionary» в качестве метаязыка. Исследование проводится при помощи корреляционного анализа, который позволяет установить статистически значимые соотношения между семантическими признаками глаголов языка описания и их формальными характеристиками.

The paper analyzes the structure of the defining vocabulary used in English Dictionary «Macmillan English Dictionary» as a metalanguage. The research is carried out using the correlation analysis, which revealed statistically significant correlations between the semantic features of verbs of the defining vocabulary and their formal features.

Ключевые слова: корреляционный анализ, признаки, структура языка, соотношения, язык описания.

Key words: correlations, correlation analysis, defining vocabulary, features, language structure.

Стремление к системности в описании семантики слов привело составителей целого ряда английских толковых словарей к необходимости отбора ограниченного списка лексики, используемой в дефинициях [7; 8; 9]. В число требований, определяющих возможности включения слов в такой список, относятся следующие:

- 1) слова дефиниций должны быть достаточно понятны пользователям словарей;
- 2) список слов должен быть относительно небольшим и не подлежащим расширению;
- 3) слова списка должны описывать все значения любого толкуемого слова.

В результате большой работы в этом направлении авторскими коллективами указанных выше словарей были созданы и используются языки описания. Язык описания отличается от языка-объекта тем, что он формирует систему иного уровня. В то же время, выступая в качестве метасистемы, язык описания остается частью естественного языка, обладая, однако, существенными отличиями. Представляется важным изучить особенности языка описания, определить основные системные соотношения его элементов, которые могут составить базу для сопоставления с системой естественного языка.

В качестве соотносимых, по нашему мнению, должны выступать не сами слова двух сопоставляемых систем (естественный язык – метаязык),

а соотношения их признаков, которые позволят выявить структурные особенности языка описания и сравнить с толкуемой ими языковой системой (языком объектом). В этом исследовании был проведен анализ языка описания (языка МЕТА), который представлен в словаре Macmillan [9, с. 1678-1689]. Для изучения структурных свойств системы языка МЕТА был привлечен ряд семантических и формальных признаков глаголов. Общее число глаголов, как было установлено в результате анализа лексических единиц МЕТА, составляет 524. Каждому из них было приписано наличие либо отсутствие 19 семантических и формальных признаков.

Признаковая схема исследования включает следующие параметры.

Для семантического описания в нашем исследовании используется схема лексико-семантических (тематических) признаков глаголов, разработанная Г. Г. Сильницким [4]. Глагольные значения, согласно этому подходу, определяются их компонентами – «состояниями». Тематические признаки состояний отражают экстралингвистические свойства процессуальных референтов и служат основанием для тезаурусной классификации глагольных значений.

Все тематические признаки объединяются в три макрокласса: энергетические, онтологические и информационные глаголы.

Класс *энергетических* значений, обозначаемый как «Энр», включает тематические группы: «форма / структура» (bend, cut, form), «физиологические процессы или состояния» (infect, pain, swallow), «движение» (go, march, walk), «местонахождение» (rest, leave, remain) «физический процесс или состояние» (heat, knock, squeeze).

Класс *онтологических* глаголов (Онт) включает тематические группы «экзистенция» (create, destroy, kill), «посессивность» (earn, lose, own); «количественная характеристика» (measure, multiply, reduce); «социальный процесс, состояние» (employ, marry, play).

Значения *информационного* класса (Инф) включают тематические признаки «речь» (answer, discuss, mention); «информационный процесс или восприятие» (design, mean, mark), различные виды психических процессов или состояния (expect, feel, forgive, enjoy, hate, hear, know, love).

Глагол может относиться более чем к одному тематическому классу, например, *break* относится к физическим глаголам и одновременно характеризует форму, глагол *destroy* реализует тематические группы экзистенции и формы / структуры. К числу формальных характеристик относятся признаки, описывающие фонетический и морфемный состав глагольных основ. В число фонетических признаков входят признаки, отражающие тип начальной или конечной фонемы глагольной основы, количество слогов и ударность слога. Таким образом, здесь выделяются следующие признаки. Фонетическая характеристика зачина: гласная фонема – ГЛн (accuse exercise, unite); сонорная – СНРн (lock, make, need);

шумная – ШМНн (dig, form, tune). Фонетическая характеристика исхода: гласная – ГЛНк (gather, supply, swear); сонорная – СНРк (deal, question, roll); шумная – ШМНк (charge, hope, translate). Характер слогового состава: один слог – 1СЛ (lend, mix, tend); два слога – 2СЛ (measure, prepare, worry); три слога – 3СЛ (consider, remember, organize). Ударность: первый ударный слог в многосложном слове – 1УД (matter, promise, visit); второй ударный слог – 2УД (develop, divide, prepare); третий ударный слог – 3УД (interrupt, understand, disappear).

В число морфемных включаются следующие признаки: безусловная префиксальная членимость – ПФ1 (*enclose, disagree*); безусловная суффиксальная членимость – СФ1 (*threaten, fasten, criticize*); условная префиксальная членимость – ПФ2 (*approve, arrive, explain*); условная суффиксальная членимость – СФ2 (*publish create punish*).

Для определения характера соотношений признаков используется методика корреляционного анализа, разработанная и апробированная на материале английских глаголов [1; 5]. В нашем исследовании мы применяем одну из мер связи – коэффициент корреляции Коула [6].

В результате проведенного анализа были получены следующие основные результаты соотношения формальных и семантических признаков, которые приводятся в таблицах 1–3. В этих таблицах представлены значения коэффициента корреляции Коула (K) для пар признаков. При $K = 0$ корреляция отсутствует. Положительное значение коэффициента свидетельствует о взаимном обусловливании признаков, отрицательный коэффициент говорит о несовместимости признаков. Теснота сопряженности признаков определяется абсолютной величиной коэффициента. Проверка статистической значимости проведена по t -критерию Стьюдента для уровня $p = 0,01$ с числом степеней свободы, равным бесконечности. Статистически значимые коэффициенты корреляции выделены жирным шрифтом.

Таблица 1

Соотношение семантических признаков с типом зачина и исхода

	ГЛн	СНРн	ШМНн	ГЛк	СНРк	ШМНк
Энр	-0,51	0,06	0,17	-0,14	-0,09	0,12
Онт	0,12	-0,16	-0,11	0,14	-0,03	-0,17
Инф	0,24	0,05	-0,14	0,02	0,03	-0,02

Как видно из таблицы, все семантические классы диагностируются формальными признаками, образуя как положительные, так и отрица-

тельные корреляции. Рассмотрим степень взаимодействия с семантикой глаголов различных групп формальных признаков. Из табл. 1 о соотношениях семантических признаков с типом фонемы в зачине и исходе глагольной основы следует, что положительные корреляции имеют место между признаками Энр и ШМНн (*bend, break, brush*), Энр и ШМНк (*cough, curve, dig*), Онт и ГЛн (*arrest, employ, increase*), Онт и ГЛк (*owe, honour, destroy*), Инф и ГЛн (*answer, inform, interrupt*). По соотношению позитивных и негативных зависимостей все семантические признаки имеют приблизительное сходство: Энр имеет две позитивные и две негативные зависимости, Инф – по одной, Онт положительно коррелирован два раза и отрицательно – один раз. Общее число статистически значимых корреляций между фонемными и семантическими признаками оказалось неожиданно велико – 50 % от всех рассмотренных соотношений. Последняя фонема в плане диагностической релевантности не намного уступает первой. Это позволяет уточнить целый ряд исследований, направленных на определение информационного вклада различных элементов языка в синергетические механизмы его системы (об этом направлении исследований см.: [3]). Сопоставление характера связей этих двух фонем с семантикой глаголов показывает идентичность начальной и конечной гласных. До некоторой степени это же относится и к другим типам фонем. Однако, если ШМНн и ШМНк сходны по статистически значимым корреляциям, то СНРн и СНРк – совпадают в том, что не имеют каких-либо статистически значимых корреляций с семантическими признаками вовсе.

Если провести сопоставление по типу фонем, а не по их локализации, то обращает на себя внимание сильное противопоставление гласной и шумной фонем. Так, Энр имеет отрицательную корреляцию с ГЛн (-0,51) и, напротив, положительную корреляцию с ШМНк (0,17). Аналогичные противопоставления наблюдаются в ряде других случаев. Гласные и шумные, в свою очередь, противопоставлены сонорным, которые оказались вовсе нерелевантными в плане соотношений фонетики с семантикой глаголов.

Энергетические глаголы по своим зависимостям с фонемами противопоставлены онтологическим и информационным, образуя с ними оппозиции относительно признаков ГЛн, ШМНн, ГЛк и ШМНк. Здесь имеется в виду то, что наличие положительной корреляции признака Энр с одним из указанных фонемных признаков соответствует отрицательная корреляция либо отсутствие корреляции у Онт, Инф и наоборот.

Оппозиция энергетических глаголов и двух других типов значений проявляется также и в области соотношений семантики с ударностью и слоговым составом глагольных основ (таблица 2).

Соотношение семантических признаков с ударностью
и слоговым составом

	1УД	2УД	3УД	1СЛ	2СЛ	3СЛ
Энр	-0,21	-0,47	-0,46	0,38	-0,35	-0,47
Онт	0,03	-0,10	0,12	-0,04	-0,02	0,04
Инф	0,21	0,17	0,72	-0,22	0,15	0,41

Класс онтологических глаголов слабо диагностируется ударностью слога (только одна корреляция) и вовсе не диагностируется слоговой протяженностью глагольной основы. Энр имеет 6 зависимостей, из которых большинство (5) негативные, т.е. диагностирующие слабую возможность или, скорее, высокую степень невозможности обладания глаголом с данными фонетическими признаками энергетических значений.

Примеры положительных корреляций признаков: Энр и 1СЛ (leave, pain, put), Инф с признаками 1УД (promise, question, record), 2УД (protest, refuse, request), 3УД (interrupt, understand, disagree), 2СЛ (compare, copy, expect), 3СЛ (disappear, encourage, multiply).

В таблице 3 приведены значения коэффициента корреляции Коула для соотношений семантических и морфемных признаков глаголов МЕТА. Морфемные признаки относительно более диагностически значимы для информационных глаголов и наименее значимы для энергетических. Онтологические глаголы определяются здесь только негативными зависимостями: корреляции показывают, что деривационная членимость препятствует попаданию онтологических глаголов в язык описания, и, напротив, способствует включению в метаязык глаголов информационного класса. Напротив, информационные глаголы определяются только положительными корреляциями. Особо отметим их соотносимость с производной аффиксальной основой.

Таблица 3

Соотношение семантических признаков с морфемными признаками

	ПФ1	ПФ2	СФ1	СФ2
Энр	-0,15	-0,45	-0,31	-0,02
Онт	-1,00	-0,20	-1,00	0,05
Инф	0,34	0,24	0,56	0,08

Выделяется признак условной суффиксальной членимости (СФ2), не имеющий ни одной значимой зависимости от семантических характеристик глаголов. Три признака оказываются в этом плане полностью сходными, имея одну позитивную и одну негативную зависимость. Проиллюстрируем позитивные зависимости семантических и морфемных признаков: Инф и ПФ1 (dislike, mistake, request), Инф и ПФ2 (announce, express, oppose), Инф и СФ1 (establish, punish, calculate).

Таким образом, исходя из результатов нашего исследования, можно сделать следующие выводы.

Формальные признаки оказались весьма релевантными по диагностической силе для трех рассматриваемых семантических классов глаголов. Так, из 48 рассмотренных соотношений в 27 случаях были выявлены статистически значимые корреляции (свыше 56 %). Наиболее дистантные в плане языковой иерархии фонемные и семантические элементы имеют достаточно большое количество зависимостей между собой. В целом фонетические признаки по этому показателю не уступают морфемным признакам. С другой стороны, подтверждается тезис об отсутствии взаимно-однозначного соответствия формального и семантического планов языка [4]. Энергетические значения в наибольшей степени из всех остальных связаны с фонетикой, в то время как морфемика более всего взаимодействует с информационным классом. Фонетические признаки для энергетических глаголов в большинстве случаев отражают такие условия, которые ограничивают их появление в метаязыке. Напротив, для информационных глаголов они оказались позитивными факторами. Иными словами, фонетические признаки показывают, с какими фонетическими параметрами появление в языке описания глаголов с энергетическими значениями маловероятно, и в каких фонетических условиях в глаголах МЕТА будут с высокой вероятностью реализованы значения информационного класса.

Обобщив все полученные корреляции, можно сделать вывод о том, что в число глаголов МЕТА с энергетическим значением имеют тенденцию попадать односложные глаголы, начинающиеся на шумную фонему и имеющие шумную фонему в исходе (brush, freeze, hurt и др.)

Информационные глаголы МЕТА имеют тенденцию начинаться с гласной, обладать ударением преимущественно на третьем слоге (хотя и не исключается ударность второго слога), а также характеризуются многосложностью и деривационной членимостью (attract, emphasize, interrupt).

В ядро онтологических глаголов МЕТА попадают глаголы, в достаточно большой степени независимо от места ударения и совершенно независимо от их длины в слогах, имеющие гласную фонему в инициальной и финальной позиции основы, аффиксально непроемные (apply, employ, honour). Исследование закономерностей взаимосвязей и взаимоотношений элементов метаязыка позволяет создать базу для вы-

явления тенденций в организации языков описания и может быть использовано для сопоставительного анализа с другими подсистемами языка и с другими метаязыками [2].

Список литературы

1. Андреев С. Н. Исследование языковой системы при помощи ЭВМ: На материале деривационных классов английских глаголов. – Смоленск, 1987.
2. Андреев С. Н. Соотношение глагольных признаков в естественном языке и языке описания // Теория коммуникации. Языковые значения. – Минск, 2007. – Вып. 4. – С. 23-31.
3. Пиотровский Р. Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы. – СПб., 2006.
4. Сильницкий Г. Г. Семантические классы глаголов в английском языке. – Смоленск, 1986.
5. Сильницкий Г. Г., Андреев С. Н., Кузьмин Л. А., Кусков М. И. Соотношение глагольных признаков различных уровней в английском языке. – Минск, 1990.
6. Тулдава Ю. А. Об измерении связи качественных признаков в лингвистике (1): Сопряженность альтернативных признаков // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов: Уч. зап. Тарт. ун-та. – Тарту, 1988. – Вып. 827. – С. 146-162.

Список словарей

7. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge, 1995.
8. Collins Cobuild Student's Dictionary. – London, 1993.
9. Macmillan English Dictionary. – Oxford, 2002.

Заглавие как способ пропозициональной организации художественного текста в романе А. Белого «Петербург»

В статье исследуется пропозициональная организация художественного текста на материале романа А. Белого «Петербург». В работе анализируется роль заглавий в формировании макропропозиции и микропропозиции текста. Предлагается классификация заглавий с пропозициональной точки зрения.

The target of the article is to investigate the propositional organization of text on the material of A. Bely's novel "Peterburg". It is analyzed a role of titles in generation of text macroproposition and text microproposition. It's suggested an original classification of titles according a point of view of propositional theory.

Ключевые слова: глобальная пропозиция, макропропозиция, микропропозиция, заглавия актантного, пропозиционального, сирконстантного и модусного типов.

Key words: global proposition, macroproposition, microproposition, propositional titles, actant titles, circumstance titles and evaluative titles.

В современной филологии все актуальнее становится применение пропозиционального подхода при анализе текста. Повествование может быть рассмотрено как глобальное событие: «Дискурс дает представление о предметах или людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях или об их сложном сплетении, т. е. о некотором фрагменте мира, который мы именуем ситуацией» [4, с. 69]. Таким образом, текст получает характеристику с точки зрения пропозициональной организации, которая концентрирует основное фактическое его содержание.

Однако следует иметь в виду, что текст, выступая как единый феномен, представленный в своей целостности и заключенный в «текстуальную рамку», в силу коммуникативных причин может включать в себя различное количество текстуальных рамок [2, с. 324], которое соотносится, как правило, с объемно-прагматическим членением. Другими словами, главы, главки и иные фрагменты обладают текстуальной рамкой, как и целый текст. Поэтому, исходя из пропозиционального подхода к тексту, следует вести речь об иерархической организации пропозиционального содержания. Можно выделить глобальную пропозицию, соотносимую с глобальной смысловой структурой текста [7, с. 585]. Глобальная пропозиция – компрессивное содержание текста и коррелирует цельности – представляет в обобщенном виде основные события всего произведения.

Глобальная пропозиция в таком объемном тексте, как роман А. Белого «Петербург», обобщает (по принципу иерархии) содержание

элементов объемно-прагматического членения, а именно глав и главок (композиционных единиц, на которые разделены автором главы романа). При этом содержание главы обобщается в макропропозиции, а главки – в микропропозиции: «Глава романа и сама может составить феномен, обозримый в качестве коммуникативного целого, и в то же время включаться в состав целого всего романа» [2, с. 326]. Глобальная пропозиция в романе «Петербург», таким образом, представлена в главе романа макропропозицией, а в главке – микропропозицией.

Однако упорядоченность такой иерархии пропозиций в тексте основана не на логических правилах, а на правилах особого порядка: переход с одного уровня иерархии на другой представляет собой «переписывание» (Ж. Деррида) [3]. Б. М. Гаспаров так комментирует этот процесс: «Между разными такими текстуальными рамками нет четкой иерархии: нельзя сказать, что более мелкие включены в состав более крупных или что более крупные образуются путем сложения более мелких; скорее, различные рамки накладываются одна на другую, или просвечивают одна в другой, самым беспорядочным образом, образуя многосоставную и многомерную совокупность» [2, с. 326].

Глобальная пропозиция, как макропропозиция и микропропозиция, представляет в обобщенном виде основные события, имея логическую (аргументно-предикативную) структуру. Психическая природа глобальной пропозиции заключается в том, что человеку необходимо перекодировать накопившуюся у него информацию в единицы более высокого уровня. Таким образом выстраивается иерархия смысловых компонентов, сложность которой зависит, в первую очередь, от объема текста. Реципиент просто не способен запомнить большое количество единиц вследствие ограниченности памяти. Т. Баллмер отмечает, что глобальная пропозиция соотносится с переходом с линейного уровня текста (последовательности предложений) на уровень нелинейный [14]. Следует заметить, что исследования пропозициональной организации текста проводились, как правило, на небольших произведениях, однако именно большой по объему текст, такой, как роман, повесть, определяет способ представления глобальной пропозиции.

В настоящей работе исследуется роль заглавий глав и главок в пропозициональной организации текста. Несмотря на то, что заглавиям посвящено достаточно большое количество литературы, они не рассматривались с точки зрения пропозициональной организации текста. Заглавия, как известно, выражают компрессивное содержание текста [11], представляя своеобразную «модель целого текста» [13, с. 111]; направляют интерпретацию текста [5], играя доминирующую роль в переработке непрерывного потока информации [6].

Роман А. Белого «Петербург» состоит из восьми глав, которые в свою очередь разбиваются на 127 главок, имеющих названия. Кроме то-

го, название «Петербург» обладает важным художественным смыслом: оно не только отсылает роман к так называемому «петербургскому тексту» [10], но и очерчивает топографические и временные рамки романа.

Заглавия в максимально сжатом виде описывают важнейшие события глав. Так, в названии инициальной главы «Глава первая, в которой повествуется об одной достойной особе, ее умственных играх и эфемерности бытия» задаются три основные темы, о которых в ней пойдет речь. Обозначим их условно следующим образом: некий герой, его особенность («мозговые игры») и философские размышления об эфемерности бытия. Действительно, большая часть текста главы (и, соответственно, главок) посвящена «достойной особе» – сенатору Аполлону Аполлоновичу Аблеухову. Этот персонаж предстает перед читателями в разных ипостасях: как государственный чиновник, как отец, муж и т.д. Остальные персонажи главы оказываются прямо или косвенно связаны с сенатором. Поэтому можно говорить о том, что в данной главе выстраивается иерархия персонажей, на вершине которой находится Аполлон Аполлонович, остальные герои занимают периферийное положение. Следует заметить, что в каждой главе выстраивается собственная иерархия персонажей: например, главный герой первой главы Аполлон Аполлонович в следующей главе уходит на периферию. Главки первой главы представляют характеристику Аполлона Аполлоновича с определенной точки зрения. Например, «Словом, он был главой учреждения» представляет персонажа как сенатора, главу важного учреждения; «Барон, борона» повествует об отношении сенатора с супругой; «Квадраты, параллелепипеды, кубы» рассказывает о склонности персонажа к правильным фигурам; «Жители островов поражают вас» повествует о неприязни, испытываемой Аполлоном Аполлоновичем к жителям островов Петербурга и др.

Две другие темы, выдвинутые в заглавии первой главы, также связаны с сенатором: именно Аполлону Аполлоновичу свойственна «мозговая игра», он же предается размышлениям об эфемерности бытия: «Мозговая игра носителя бриллиантовых знаков отличалась странными, весьма странными свойствами: черепная коробка его становилась чревом мысленных образов, воплощавших тотчас же в этот призрачный мир. <...>. Каждая праздная мысль развивалась упорно в пространственно-временной образ, продолжая свои – теперь уже бесконтрольные – действия вне сенаторской головы» [1, с. 35].

Таким образом, макропропозиция, которую можно обобщенно представить как «повествование об Аполлоне Аполлоновиче и о его мозговой игре и размышлениях», разворачивается с помощью микропропозиций главок. Каждая главка предполагает свои события и ситуации в рамках общей канвы макропропозиции главы. Вместе с тем микропропозиция главки выполняет и другие важные текстовые функции, обобщая содержания предложений главки.

Названия главков участвуют в формировании микропропозиций, которые обобщают содержание главков и одновременно являются «строительным материалом» для макропропозиций глав. Заглавия главков характеризуются разнообразными функциями в пропозициональной организации текста. С этой точки зрения мы выделили четыре основных функционально-семантических типа заглавий: заглавия пропозиционального, актантного, сирконстантного и модусного типов.

Заглавия пропозиционального типа способны компрессировать содержание главков, реализуя категорию субцельности [9]. Заглавия актантного типа выделяют актант действия (в таком случае заглавие, кроме цельности, реализует связность текста). Заглавия сирконстантного типа представляют хронотоп. Заглавия модусного типа формируют модус текста. Разнообразие функций заглавий легло в основу их классификации.

1. Заглавия пропозиционального типа. Заглавие называет главное событие, ситуацию главки (положение дел). Оно способно (эксплицитно или имплицитно) характеризовать действие главки в целом. Заглавие выступает как концентрированный образ, реализующий субцельность главки. В романе подобных заглавий – 28. Пример заглавия подобного типа – «Разночинца он видел». Действие главки можно описать следующим образом: сенатор Аполлон Аполлонович Аблеухов, находясь в собственном кабинете, неожиданно понял, что ему уже доводилось видеть случайно встретившегося на улице и произведшего на него неприятное впечатление разночинца: «Аполлон Аполлонович вспомнил: разночинца однажды он видел. Разночинца однажды он видел – представьте себе – у себя на дому» [1, с. 34]. Пропозиция, выдвинутая в заглавие, выделяет основное событие главки – факт предыдущей встречи с разночинцем у себя дома. Заглавие является концентрированным (обобщенным) представлением содержания главки. К подобным заглавиям относятся: «Карета пролетела в туман», «И, увидев, расширились, засветились, блеснули...», «И при этом лицо лоснилось», «Аполлон Аполлонович вспомнил», «Учащались ссоры на улицах», «Между тем разговор имел продолжение», «Высыпал, высыпал», «Бегство», «Топотали их туфельки», «Петербург ушел в ночь», «Удивились лакеи», «И, вырвавшись, побежал». Важным признаком пропозиционального заглавия является наличие «глагольной» семантики и способность представлять ситуацию в целом, свернуто.

2. Заглавия актантного типа. Выделяют одного из участников описываемой ситуации. Такое заглавие может вводить в перцептивное поле читателя актант (участника ситуации), который способен связывать отдельные предложения главки; актант, вынесенный в заглавие, становится маркированным (коммуникативно выделенным) элементом микропропозиции. Этот класс заглавий делится на два подтипа: а) субъектный и б) объектный.

Объектный подтип представлен единичным примером – главкой «Двух бедно одетых курсисточек»: «И когда, уличенный, повернулся он своим островным лицом, то увидел в упор на себя устремленные глазки двух бедно одетых курсисточек...» [1, с. 29]. Две курсисточки являются объектом восприятия в данной главке, что подчеркивается и грамматически. По функции объектный подтип отличается от субъектного: если субъектный характеризуется относительным богатством функций, то объектный подтип употребляется в оценочной (модусной) функции.

Субъектный подтип представлен 29 заглавиями. Такое заглавие может представлять персонажа, как, например, «Аполлон Аполлонович Аблеухов», «Аполлон Аполлонович», «Софья Петровна Лихутина», «Офицер: Сергей Сергеевич Лихутин», «Посетители Софьи Петровны», «Мадам Фарнуа», «Матвей Моржов», «Степка». Заглавие в этих примерах просто называет персонажа по имени, выполняя интродуктивную функцию, а его характеристика разворачивается в самом тексте

В других случаях само заглавие может характеризовать персонажа: «Красный шут», «Стройный шафер красавец», «Сухая фигурочка», «Помпадур», «Совершенно прокуренное лицо», «Господинчик», «Гадина», «Обыватель», «Особа», «Барон, борона», «Тени», «Попутчик», «Белое домино», «Гость», «Гадина». Так, в главке «Сухая фигурочка» Николай Аблеухов на балу встречает отца, сенатора Аполлона Аполлоновича, которого он не сразу узнал: «Вот опять до него долетели дальние отголоски, и повернулся он медленно: и неясно, и тускло – где-то там, где-то там – быстро зал пересекла сухая фигурочка, без волос, без усов, без бровей. Что-то было во всем том знакомое, что-то близкое живое...» [1, с. 159]. В заглавии актуализировано оценочное восприятие Николая Аполлоновича Аблеухова.

Актантные заглавия приобретают свойства темы, или топика. Они становятся отправной точкой для повествования и структурирующим компонентом главки, участвуя в формировании связности за счет лексического или семантического повтора актанта: «Реципиент текста использует признаки связности как сигналы объединения соответствующих предложений в семантическое целое» [8, с. 62]. Актант в рассматриваемом типе заглавий является маркером точки зрения, показывая, кто из персонажей определяет повествование. Так, одна и та же ситуация бала в главке «Аполлон Аполлонович» описывается с точки зрения Аполлона Аполлоновича Аблеухова, в главке «Сухая фигурочка» – с точки зрения Николая Аполлоновича Аблеухова, в «Помпадур» – глазами Софьи Петровны Лихутиной, в главке «Бал» – глазами нарратора. Персонажи по-разному интерпретируют ситуацию, наполняют ее личностным смыслом.

3. Заглавия сирконстантного типа. Описывают условия осуществления действий, их локализацию. В романе 11 подобных заглавий, которые с формальной точки зрения могут быть выражены предложно-падежной

формой («На митинг», «На столике», «У столика»), существительным с согласованным прилагательным («Мокрая осень») или именем существительным в именительном падеже («Улица», «Лестница», «Чердак», «Митинг», «Бал», в том числе топонимами: «Петербург», «Летний сад», «Невский проспект»). Заглавия сирконстантного типа участвуют в формировании пространственно-временной точки зрения повествования [12] и формируют хронотоп текста.

4. Заглавия модусного типа. Представлены 19 примерами, связаны с действием главки не прямо, а ассоциативно. К ним относятся заглавия: «Ты его не забудешь вовек!», «Татам: там, там!», «Стены – снег, а не стены!», «Конт-конт-конт!», «Ну, а если?», «Я, себе, иду... я, себе, никого не стесняю...», «Пошел прочь, Том!», «Не хорошо...», «Какой такой костюмер?», «Будешь ты, как безумный». Например, главка «Конт-Конт-Конт!» повествует о беседе Аполлона Аполлоновича с сыном Николаем, они говорят о Канте и Конте. Заглавие построено на созвучии имен двух известных философов. Однако, несмотря на созвучность фамилий, философы имели разные идеологические программы. Аполлон Аполлонович был поклонником позитивиста Конта, а Николай, как многие люди его времени, увлекался идеями неокантианства. Главное назначение таких заглавий – актуализация определенных смыслов и ассоциаций с опорой на функциональные характеристики.

Достаточно большое количество заглавий синкретичны, т.е. совмещают свойства нескольких типов. Так, заглавие «Праздник» является, с одной стороны, сирконстантным (указывает на обстоятельства осуществления событий), с другой стороны, его можно отнести и к пропозициональному типу (номинарует целую ситуацию с присущими ей атрибутами, что, по сути, и реализовано в этой главке) [1, с. 107-111].

Подводя итоги, констатируем, что предложенная типология заглавий позволяет их рассматривать как средство формирования иерархической пропозициональной структуры целого текста: от микропропозиций главок к макропропозициям глав и глобальной пропозиции текста. Заглавия участвуют в формировании точки зрения повествования, что, безусловно, свидетельствует об их структурирующих функциях.

Список литературы

1. Белый А. Петербург. – М., 2004.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
3. Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 336-378.
4. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
5. Киклевич А. К. Опыт систематизации аспектов понимания текста // Русский текст. – СПб.; Lawrence; Durham, 2001. – С. 5-38.
6. Коробова Л.А. Заглавие как компонент текста (на материале газетной публицистики ГДР): автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1983.
7. Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998.

8. Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста // Лингвистика текста. – М., 1976. – С. 43-76.
9. Сахарный Л. В. Тема-рематическая структура текста: основные понятия // Язык и речевая деятельность. – СПб., 1998. – Т. 1. – С. 7-16.
10. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995.
11. Тютин С. В. Особенности функционирования компрессии в заголовках испанских газет // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – Т. 74-1. – С. 493-497.
12. Успенский Б. Поэтика композиции. – СПб., 2000.
13. Фатеева Н. А. О лингвопоэтическом и семиотическом статусе заглавий стихотворных произведений (на материале русской поэзии XX века) // Поэтика и стилистика. 1988–1990. – М., 1991. – С. 108–124.
14. Ballmer T. Macrostructure // Pragmatics of Language and Literature. – Amsterdam; Oxford; New York, 1976.

Минимизация импозитивности американской и российской рекламы в интернете

В статье выявлены особенности смягчения рекламного текста в интернете посредством негативной и позитивной вежливости. Описано воздействие такого текста на потребителя.

The article deals with the peculiarities of advertisement mitigation through negative and positive politeness in the Internet. Influence of such advertisement on the consumer is described.

Ключевые слова: интернет, интернет-реклама, позитивная вежливость, негативная вежливость.

Key words: Internet, Internet-advertisement, positive politeness, negative politeness.

В статье анализируются правила негативной и позитивной вежливости применительно к интернет-рекламе. Интернет-дискурс представляет собой динамично развивающийся лингвистический феномен. Есть все основания считать, что анализ рекламного текста является частью анализа дискурса, который включает социальные условия, предопределяющие порождение и восприятие рекламного текста, ментальные процессы и другие экстралингвистические факторы.

Реклама в интернете строится как система среди текстов разнообразных жанров, то есть ее можно назвать интертекстуальной системой. Теория интертекстуальности широко используется в различных сферах современной филологии, лингвистики и литературоведения, применительно к исследованию художественных произведений, текстов СМИ.

В нашем исследовании мы демонстрируем один из вариантов интернет-рекламного дискурса, включающего большое количество субдискурсов. Рекламный дискурс в интернете существует по собственным правилам. За время существования выработались инвариантные свойства внутренней структуры рекламы этого типа, определяющие способы сопряжения текстуальных образований. Дискурс имеет глубинную трехмерную структуру, где составляющие рекламу части входят одна в другую, сосуществуют, словно извлекаются из глубины целого дискурса. Такой принцип тексто-дискурсивного образования был назван принципом матрешки [1]. Всякая реклама, как известно, старается воздействовать на адресата с целью заставить его купить товар или услугу. Реклама сама по себе уже навязчива. Автор рекламы стремится использовать особый прием – снижение импозитивности рекламы посредством

правил вежливости. Рассмотрим, как некоторые правила негативной и позитивной вежливости смягчают эту навязчивость. Эти правила существуют в повседневной культурной коммуникации и никогда еще не были исследованы в таком особом дискурсе, как рекламная коммуникация. Понятия негативной и позитивной вежливости были выявлены П. Браун и С. Левинсоном. Они представляют собой систему коммуникативных стратегий вежливого общения [2; 3].

Негативная вежливость направлена на демонстрацию признания личной независимости собеседника, его автономии. Это попытка убедить адресата в том, что говорящий не нарушит границы, которые существуют между ним и адресатом. При возникновении острой потребности посягнуть на свободу адресата существуют определенные стратегии: доведение до минимума импозиции, прямое воздействие. Такие стратегии устремлены на блокирование излишнего сближения, демонстрацию дистанции между говорящими и, таким образом, проявление обоюдного уважения.

Рассмотрим виды негативной вежливости в самой рекламе через правила вежливости, сформулированные П. Браун и С. Левинсоном.

Правило 1. Выражайтесь косвенно (Be conventionally indirect).

We hope you will join the more than 250,000 people who have paddled and hiked with us since 1978. (Мы надеемся, что вы присоединитесь к более чем 250 000 человек, которые ходили на веслах и путешествовали с нами с 1978 года) [перевод здесь и далее наш. – Г.Т.] [27]. Это реклама туристической компании. Автор рекламы для косвенной передачи смысла использует вводную фразу *We hope*.

Рассмотрим другой пример: You probably never really thought you would learn how to build a fire, it is one of those skills that isn't used much these days. (Вы, возможно, никогда в действительности не думали, что вы научитесь как разводить костер; это одно из тех умений, которое не сильно используется в настоящее время) [21]. Автор рекламы здесь использует вводное слово *probably*. Мы видим, что давление на потенциального клиента смягчено словами *hope* и *probably*.

Подобные приемы малоприменительны к российской интернет-рекламе.

Правило 2. Задавайте вопросы (Question hedge) и предоставляйте слушателю выбор, возможность совершать или не совершать действие (Give hearer the option not to do the act).

Когда мы задаем общий вопрос, то «невольно» предоставляем клиенту возможность не выполнять нашу просьбу. Вот как турфирма предлагает клиентам провести зиму в теплой стране: Do you want to enjoy summer when winter comes to your parts? (Вы хотите насладиться летом, когда в ваши края приходит зима?) [17]. На этот вопрос можно ответить как положительно, так и отрицательно, то есть формально можно пре-

доставляется право выбора. При помощи союза *If* можно тоже предоставить клиенту возможность выбора: *If you take the time to read some of these stories, you'll realize that our travel agency is truly the first step of a journey that you will continue for the rest of your life.* (Если вы выберете время почитать некоторые из этих рассказов, то вы поймете, что наше турагентство в самом деле является первым шагом к путешествию которое будет продолжаться всю жизнь) [22]. В данном случае турагентство на своем сайте публикует отзывы и рассказы своих клиентов для привлечения потенциальных покупателей услуг. Мы видим, что рекламодатель дает выбор своему клиенту. Если клиент хочет совершать действие (выбрать время, почитать некоторые из этих рассказов), то он может это сделать, а если не хочет, то может и не делать.

В российской рекламе тоже есть похожие случаи. Рассмотрим некоторые примеры: Вы хотите сделать подарок родственникам или знакомым, осуществить перевод делового характера, оказать материальную помощь близким? [23] – так СКБ банк предлагает свои услуги. На этот вопрос можно дать как положительный, так и отрицательный ответ. Рекламодатель, полагаясь на сознательность клиента, ожидает от него положительного ответа; Если вас интересует местная экзотика, непременно ходите в Национальный театр Японии [10] – рекламодатель, обращаясь к клиенту, подразумевает: а если не интересует, то не ходите.

По результатам исследования было выявлено, что в американской рекламе данное правило используется чаще, чем в российской.

Правило 3. Выводите говорящего и слушающего из дискурса (*Dissociate speaker and hearer from the discourse*), представляйте «угрожающий лицу» речевой акт как общее правило (*State the face-threatening act as a general rule*).

Рекламодатель, побуждая таким образом клиента совершить действие, представляет рекламное объявление как общепринятую норму, а не как свое собственное высказывание. Туроператор просит своих клиентов сделать дополнительную оплату услуг: *This surcharge must be paid directly to the hotel.* (Дополнительная плата должна быть оплачена непосредственно отелю) [30]; *Internet access needs to be paid.* (За доступ в интернет нужно заплатить) [31]; *Guests are requested to get in touch with the hotel at +66 84 4665554 to book a scheduled transfer. The cost of the transfer is payable directly to the travel agency.* (От гостей требуется связаться с отелем по тел. +66 84 466555 для того, чтобы заказать запланированный трансфер) [29]. Как видим, в примерах используется страдательный залог (*must be paid, needs to be paid, are requested*), который скрывает рекламодателя.

В российской интернет-рекламе тоже встречаются подобные случаи, например: При покупке необходимо взять в магазине специальный чек [11]; Второй экземпляр (желтого цвета) необходимо хранить вместе с паспортом вплоть до выезда из страны. Ввоз иностранной конвертируе-

мой валюты не ограничен, но необходимо декларировать общую сумму, превышающую 5000 долларов США [12]. В русском языке используются слово *необходимо*, обозначающее модальность, и глагол в страдательном залоге *не ограничен*.

По данным нашего исследования было выявлено, что данное правило одинаково часто используется в американской и российской рекламе.

Рассмотрим свойства позитивной вежливости. Позитивная вежливость подразумевает повышенное внимание к окружающим. Во многих отношениях лингвистическая реализация позитивной вежливости представляет собой вербальное поведение близких людей, проявляющих интерес друг к другу в повседневном общении. Они обладают информацией о взаимных желаниях и обоюдных обязательствах, основываясь на общем опыте и общих знаниях. Рекламодатель всеми силами желает быть «близким человеком» по отношению к клиенту. Это ему нужно для продвижения и продажи товара или услуги. Рассмотрим некоторые правила, реализующие стратегию позитивной вежливости, сформулированные П. Браун и С. Левинсоном.

Правило 1. Уделяйте внимание интересам и желаниям слушающего, дарите ему коммуникативные подарки (*Attend to hearer, his interests, his needs, give him gifts*).

Комплимент и оценку можно вполне назвать коммуникативными подарками. Они направлены на выделение потенциальных клиентов в особую категорию: *Our best customers deserve an outstanding offer. This means preferred rates on checking, savings and CDs. Plus, you enjoy many exclusive benefits starting with waived fees.* (Наши лучшие клиенты заслуживают наилучшего предложения. Это обозначает привилегированные ставки по сберегательным, накопительным счетам и депозитным сертификатам. Кроме того, воспользуйтесь многими эксклюзивными преимуществами, начиная с отложенных платежей) [5]; *AT&T High Speed Internet provides the security, protection and amazing speed you deserve.* (Высокоскоростной Интернет компании AT&T обеспечивает безопасность, защиту и удивительную скорость, которую вы заслуживаете) [13]. Благодарность за просмотр сайта тоже можно воспринимать как внимание к клиенту со стороны рекламодателя: *THANKS FOR LOOKING AND GOOD LUCK!* (Спасибо за просмотр и всего доброго!) [14]. Реклама может предлагать дополнительную помощь в поиске товара. Таким образом, уделяется дополнительное внимание клиенту. Например, сайт банка предлагает следующую помощь: *If you still have questions, contact a mortgage loan officer at 1.800.909.8217.* (Если у вас все еще есть вопросы, то свяжитесь с представителем по ипотеке по тел. 1.800.909.8217) [4].

Рассмотрим, как применяется это правило в российской интернет-рекламе: Наши партнёры – люди, заслуживающие достойный отдых, и мы готовы помочь им в этом. Главная оценка нашей работы – полная

удовлетворённость наших гостей [7]. Это реклама туристической фирмы, которая делает комплимент и «льстит» своим клиентам. Каждый хотел бы быть человеком, заслуживающим чего-либо хорошего (в данном случае – достойного отдыха). Получается, что если человек не обратится за услугами данной турфирмы, то он не заслуживает чего-либо хорошего. Похожим образом банк в рекламе упоминает свои кредитные карты: Свидетельство состоятельности и поддержка Вашего престижа [26].

Нужно отметить, что по результатам нашего исследования в российской интернет-рекламе не была выявлена тенденция благодарить клиента за просмотр сайта или предлагать ему дополнительную помощь, но комплименты и лесть клиенту применяются российскими рекламодателями.

Правило 2. Преувеличивайте интерес (*Exaggerate interest*).

Посредством гиперболизации рекламодатель обращает внимание потенциального клиента на качества предмета рекламы: *Our Really Big Adventure*. (Наше действительно большое путешествие) [14]; *We arrange short trips over the weekend to Lake Garda Italy with fantastic boating*. (Мы организовываем короткие поездки на уикэнд на озеро Garda в Италии с фантастическим катанием на лодках) [15]; *The fastest cars you can buy under \$50,000*. (Самые быстрые автомобили, которые вы можете купить меньше, чем за \$50,000) [20]; *The Cleverest of Intelligent Vehicles*. (Самые умные из интеллектуальных автомобилей) [24]. Из приведенных примеров видно, что здесь используются такие языковые средства, как интенсификатор *really*, лексические средства гиперболизации *big*, *fantastic*, грамматические суперлативы *fastest*, *cleverest*.

В российской интернет-рекламе эта стратегия тоже широко применяется. Рассмотрим несколько примеров: Абсолютно новый Jaguar XJ привносит дух смелости и свободы в мир роскошных автомобилей [2]; Кардинал [магазин. – Г.Т.] – что может быть лучше! [19]; ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ ОТДЫХ В ОАЭ. Вас ожидает теплое чистое море, белоснежные песчаные пляжи, завораживающие пейзажи пустыни и современных мегаполисов [3]; Отличный шопинг. 499 \$ ОАЭ Лучшие цены!! Индивидуальный подход. Отели на выбор от эконом до VIP. 499 \$ ОАЭ [3]; Самый популярный вид спорта на острове Пхукет – ныряние с аквалангом. Побережье Андаманского моря с чудесными морскими и подводными пейзажами, коралловыми зарослями и пещерами – незаменимое место для любителей подводного плавания [18].

При анализе российской рекламы мы видим, что используются интенсификатор *абсолютно*, лексические средства гиперболизации *восхитительный*, *завораживающий*, *отличный*, *незаменимый*, грамматические суперлативы *лучший*, *самый популярный*.

На основе нашего исследования можно сделать вывод, что в российской рекламной коммуникации комплименты, оценка и преувеличение вполне уместны и широкоупотребительны. В нерекламной коммуника-

ции русские относятся с недоверием и осторожностью к оценке с похвалой, комплиентам и преувеличениям; недаром в русском языке есть фразы *Ты мне льстишь* или *Это комплимент?*, как результат недоверия к комплиментарной коммуникации, но в рекламной коммуникации преувеличение и лесть вполне уместны. По нашим наблюдениям, преувеличение одинаково часто используется в российской и американской интернет-рекламе.

Правило 3. Утверждайте общую точку зрения, включайте говорящего и слушающего в действие (Claim common point of view, include both hearer and speaker in the activity).

When you visit our banking centers, our knowledgeable associates and welcoming environment will make you feel at home. (Когда вы посещаете наши банковские центры наши знающие коллеги и дружелюбная атмосфера заставят вас почувствовать себя, как дома) [16]; Let's go on a 1 – 3 day family rafting adventure with Kookaburra Rafting. (Давайте поедem в 1-3 дневное путешествие на плотах с компанией Kookaburra Rafting) [32]; Enter your email address and we'll send you our regular promotional emails. (Введите ваш электронный адрес и мы будем посылать вам нашу регулярную электронную почту с промоушн-предложениями) [28].

В приведенных примерах рекламодатель включает и себя, и потенциального клиента в действие: *you visit / our knowledgeable associates, let's go, enter your / we'll send you our*.

По результатам нашего исследования в российской интернет-рекламе эта стратегия тоже широко применима: Давайте пройдем по узким улицам Афин! [9]; На нашем сайте Вас ждет один из самых удобных в интернете магазинов косметики, где не только разнообразие товаров, но и их цены будут для Вас приятной неожиданностью [13]; Что мы знаем о дешёвых европейских гостиницах? Так ли плох этот вариант, особенно для студентов или тех, кто предпочитает предельно скромный образ жизни в турпоездке? Давайте заглянем в одно- и двухзвёздочные отели солнечной Италии, которая манит гостей из России вот уже не первое столетие [8]; По многочисленным просьбам наших клиентов в нижней части этой страницы мы публикуем список всех отелей по странам в алфавитном порядке. Иногда это позволяет быстрее найти нужный вам отель. Не забывайте – наше предложение несравнимо шире и полнее, чем наша база данных! [25]. Данная стратегия сближает рекламодателя и клиента и уменьшает степень импозитивности в рекламе. Опираясь на собранные данные, можно утверждать, что как в американской, так и в российской рекламе существует тенденция к использованию этого правила. Поскольку интернет-дискурс – это безлимитное виртуальное пространство, и страницы сайтов в интернете дают последовательные ссылки на другие сайты, то математически подсчитать точное количество лингвокогнитивных средств выразительности и смягчения воздейст-

вия рекламы на потенциального клиента не представляется возможным. Но тенденцию и закономерность можно легко таким образом определить. Поэтому в исследовании выявлялась лишь тенденция к использованию тех или иных стратегий и лингвокогнитивных средств выразительности и смягчения воздействия на клиента в интернет-рекламе.

Итак, можно сделать определенные выводы. В негативной вежливости правила 1 и 2 имеют тенденцию к использованию в американской интернет-рекламе, а в российской они не применяются. Правило 3 имеет тенденцию применяться одинаково часто в американской и российской интернет-рекламе. В позитивной вежливости правило 1 в российской интернет-рекламе реализуется таким образом: не была выявлена тенденция благодарить клиента за просмотр сайта или предлагать ему дополнительную помощь, но выявлена уместность комплиментарности по отношению к клиенту со стороны российских рекламодателей. В американской интернет-рекламе существует тенденция всецело использовать это правило. Правила 2 и 3 имеют тенденцию одинаково частого применения в американской и российской интернет-рекламе.

Основываясь на данных исследования, можно утверждать, что люди, которые общаются на разных языках, по-разному используют стили языковой коммуникации, что зависит от типа культуры, социально-культурных отношений, национального менталитета. Знание и понимание языковых особенностей той или иной нации позволит лучше понять национальные особенности. В данном случае можно правильно подобрать стиль рекламы и успешно ее реализовывать при продвижении американских товаров на российском рынке и наоборот, что способствует укреплению деловых отношений между двумя сверхдержавами.

Список литературы

1. Лазарева Э. А., Тельминов Г. Н. Реклама в Интернете как проявление интертекстуальности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2009. – Вып. 2 (135). – С. 19–23.
2. Brown P., Levinson S. Universal in language usage: Politeness phenomena // Questions and politeness: Strategies in social interaction. – Cambridge; Cambridge University Press, 1978. – P. 56-289.
3. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. – UK: Cambridge University Press, 1987.

Список источников иллюстративного материала

1. <http://auto.mail.ru/market/>
2. <http://avtoavto.ru/news.mhtml?PubID=6483>
3. <http://firms.turizm.ru/tours/3546/>
4. <http://homeloans.bankofamerica.com/en/home-loan-options/borrow/home-equity-line-of-credit.html>

5. [https://www.chase.com/ccp/index.jsp?pg_name=ccpmapp/individuals/international/page/Checking_Savings \)](https://www.chase.com/ccp/index.jsp?pg_name=ccpmapp/individuals/international/page/Checking_Savings)
6. <http://shopping.aol.com/perfect-products/>
7. <http://firms.turizm.ru/agency/5356.html>
8. <http://t2t.ru/blog/t2tru/hto-my-znaem-o-deshevykh-evropeiskikh-gostinitsakh>
9. <http://travel.mail.ru/search>
10. <http://vanillacoast.e-toptour.ru>
11. http://vanillacoast.e-toptour.ru/?ctguide_id=1df51bb3-e077-4771-9353-37fa75cfd679&ctguide_desctype=desc
12. http://vanillacoast.e-toptour.ru/?ctguide_id=5bfa1cf0-77f1-4c25-94a9-69dc02ca3d0e&ctguide_desctype=desc
13. <http://www.att.com/u-verse/explore/internet-landing.jsp>
14. <http://www.absolutelycostarica.com/>
15. <http://www.aventuraspanama.com/links/austriaadventures.html>
16. http://www.bankofamerica.com/accessiblebanking/index.cfm?template=ab_banking_centers
17. <http://www.cheapcaribbean.com/attractions>
18. <http://www.chemodans.ru/country/?country=46&article=165>
19. <http://www.kardinal.ru/Article.aspx?id=182>
20. <http://www.msnbc.msn.com/id/30607318/ns/business-autos/>
21. http://www.outwardbound.org/index.cfm/do/are_parents
22. http://www.outwardbound.org/index.cfm/do/obs_story
23. <http://www.skbbank.ru/personal/transfer/>
24. http://www.smartcarofamerica.com/smart_news/info/the_cleverest_of_intelligent_vehicles/
25. <http://www.touristic.ru/>
26. http://www.sbrf.ru/moscow/ru/person/bank_cards
27. <http://www.wildernessinquiry.org/>
28. www.agoda.com/
29. www.agoda.com/asia/thailand/koh_kood.../away_koh_kood_resort.html
30. www.agoda.com/asia/thailand/samui/muang_samui_spa_resort.html
31. www.agoda.com/middle_east/united_arab.../dubai/versailles_hotel.html
32. www.aventuraspanama.com/links/idahowhitewaterriverraftingvacations.html

УДК 81.35

И. Б. Смирнов

Об истоках агрессивности послевоенного поколения австрийцев в романе Эльфриды Елинек «Перед закрытой дверью»

В статье рассматривается отражение многолетней дискуссии, занимавшей австрийское общество после окончания Второй мировой войны, в романе лауреата Нобелевской премии Эльфриды Елинек, является ли Австрия жертвой германского национал-социализма или преступником, которого следует наказать за совершенные преступления и бесчинства, которые она вела на стороне Третьего Рейха. На примере главного героя романа Райнера Витковски проводится анализ причин агрессивности молодого послевоенного поколения, выразившейся впоследствии в молодежных бунтах 60-х годов 20 века.

The article considers the reflexion of the long-term discussion drawing the Austrian society's attention after ending the Second World War, in the novel of Nobel prize winner Elfrida Elinek. The essence of the discussion is whether Austria is a victim of the German national socialism or a criminal who should be punished for the committed crimes and excesses which it conducted on the party of the Third Reich. On the example of Rajner Vitkovsky, the main character of the novel, the analysis of the reasons for aggressiveness of the young post-war generation expressed subsequently in youth revolts of 60th years of 20th centuries is carried out.

Ключевые слова: агрессивность, жертва, национал-социализм, «Перед закрытой дверью», преступник, свобода, смерть, убийство, Эльфрида Елинек.

Key words: aggressiveness, criminal, national socialism, victim, «In front of the closed door», death, freedom, murder, Elfrida Elinek.

За нетипичным и неординарным трагическим происшествием, описанным в романе австрийской писательницы Эльфриды Елинек, лауреата Нобелевской премии по литературе 2004 года, «Перед закрытой дверью» («Die Ausgesperrten»), постараемся разглядеть причины агрессивности, которая становилась типичной чертой молодого поколения австрийского общества после Второй мировой войны в конце 50-х годов и которую старались не замечать или попросту игнорировать другие австрийские писатели.

Роман базируется на подлинном факте, имевшем место в реальной действительности: главарь молодежной банды, грабившей и избивавшей случайных прохожих в городском парке Вены, вдруг направляет выброс агрессивной энергии на свою собственную семью, зверски убивая сестру, мать и отца.

В центре описания Э. Елинек оказываются четыре героя – члены неформальной молодежной группировки: Райнер-Мария, его сестра Анна, Ханс и Софи, которые представляют разные слои австрийского общества: первые двое – мелкую буржуазию, типичное бюргерство, Ханс – рабочих, пролетариев, а Софи – крупный капитал и преуспевающих предпринимателей, либо уцелевших в перипетиях военного времени и сохранивших свое состояние, либо наваривших богатство во времена «экономического чуда» 50-х годов. Таким образом, в состав этой молодежной группы автор намеренно вводит представителей разных социальных стратов, с целью выявить не только то общее, что объединяет молодежь послевоенного поколения, но и те различия, которые непреодолимо проявляются среди молодых людей даже в таких ситуациях, которые, казалось бы, призваны объединять их в осуществлении общего, хотя и преступного, дела. В настоящей статье мы рассмотрим преимущественно мировоззрение главного героя повествования, главаря шайки – Райнера и остановимся на тех моментах, которые способствовали его формированию.

Райнер-Мария и Анна – двойняшки. Они выросли в мелкобуржуазной семье, родители стремились дать им лучшее образование и всеми силами старались, чтобы их дети закончили гимназию, получив таким образом основу для дальнейшего обучения в университете и возможность пробраться в обеспеченный, а возможно, и элитарный круг австрийского общества. Они – гимназисты последнего года обучения. В романе описывается школьный праздник, посвященный окончанию учебного года, на который приходят все выпускники со своими родителями. Казалось бы, в представлении выпускников окончание школы должно быть связано с началом новой – взрослой и независимой – жизни, с осуществлением давно лелеемых планов, с реализацией своих талантов и способностей, с учебой в университете, куда стремится подавляющее большинство гимназистов. Но это не коснется ни Райнера, ни Анны, интуитивно чувствующих враждебность надвигающегося реального мира и невозможность собственной реализации в строго регламентированном капиталистическом обществе.

Райнер, полное имя которого Райнер-Мария (намек автора на выдающегося австрийского поэта Райнера-Марию Рильке), считает себя выдающимся поэтом, высоко возвышающимся над ординарной, «вонючей» толпой, в том числе и своими одноклассниками – «серым стадом баранов, невежественным и незрелым» [2, с. 24], которые, однако, совершенно не ценят его и даже сторонятся, стараясь избежать общения с ним даже в неформальной обстановке венского молодежного кафе. Райнер невероятно раздражает их фантазиями о принадлежности своих родных и родственников к миру сытых и обеспеченных, хотя большинство из них догадывается, что это всего лишь его выдумки и желание по-

казать себя с лучшей стороны. Его притязания стать главой ученического совета также не оправдываются: на эту должность одноклассники его не избрали.

Особое положение Райнер старается завоевать философскими рассуждениями об избранности и неординарности личности, которой позволено все и которая может перешагнуть границы дозволенного, что, на его взгляд, совершенно не по плечу ординарному человеку из серой массы. Данные убеждения юный поэт, как в свое – студенческое – время и радикально настроенная автор романа, черпает у де Сада, Жана-Поля Сартра, А. Камю и Ж. Батая. В уста юного гимназиста Елинек вкладывает многие высказывания молодежи периода политических бунтов конца 50-х – начала 60-х гг. в Европе, периода сексуальной революции, конфликта поколений и отречения от идеалов истеблишмента.

Так, рассуждения де Сада должны оправдывать преступные нападения гимназистов на одиноких прохожих в городском парке, без совершения которых молодые люди не смогут обрести подлинную свободу: «Де Сад говорит, что нужно совершать преступления. Слово «преступление» употребляют, придерживаясь общепринятых условностей, но между собой мы не будем обозначать таким образом ни одного из наших действий», – считает Анна [3, с. 73].

Влияние философии Камю сказывается на формировании взглядов молодого Райнера. Как и французский философ, Райнер убежден, что он обречен вести постоянную борьбу против сил, с которыми не может справиться («Миф о Сизифе» А. Камю): «Райнер, который в настоящий момент читает «Постороннего» Камю, говорит, что он хотел бы оставить этому миру враждебность. Когда у тебя отнята надежда на лучшее, лишь тогда день сегодняшний полностью оказывается в твоей власти» [2, с. 74].

Постигая абсурдность мира, бессмысленность человеческого существования, Райнер, тем самым, стремится обрести свободу: «Сейчас я вместе с Софи читаю «Постороннего» Камю. Там герою на все наплевать, ему ни до чего дела нет, точно так же, как и мне. Ему известно, что ничто не имеет смысла и рассчитывать он может лишь на собственную смерть, которая его поджидает» [2, с. 164].

Путь преодоления абсурдности бытия Райнер ищет и у Сартра, так же как и его сестра Анна. Он пытается освободиться от груза прошлого – от памяти прошлых поколений, от воспоминаний о войне, которые еще так живы в сознании старшего поколения, освободиться от чувства вины за содеянное родителями, освободиться от мук и терзаний совести и убедить себя, что человек должен жить только настоящим: «Райнер, как и Сартр, постиг, что прошлое не существует. И кости убитых, погибших или умерших в своей постели существуют исключительно лишь сами по себе, в абсолютной независимости, ничего, кроме толики фосфата, из-

вести, солей да воды. Лица их суть отображения внутри самого Райнера, сплошной вымысел. Как раз сейчас он ощущает это очень остро, ощущает как утрату. Он никому не говорит, что до него эту утрату точно так же ощущал Жан-Поль Сартр. Он выдает ее за свою собственную утрату» [2, с. 150].

В связи с этим стоит отметить, что Альбер Камю, которым была так увлечена Э. Елинек, получил Нобелевскую премию по литературе в 1957 году с формулировкой «за огромный вклад в литературу, высветивший значение человеческой совести». С тех пор изображение угрызений совести, внутренней разорванности человека, находящегося не в ладах со своей совестью, становится одним из навязчивых мотивов в ее художественном творчестве.

Другим философом, которым увлечен молодой человек, является Жорж Батай (1897–1962). Согласно рассуждениям Батая, «чтобы быть собой, нужно каждую минуту быть готовым стать другим, чтобы приблизиться к подлинности мира, нужно подвергнуть его мучительной экзекуции; чтобы устоять в горниле откровенности и жизненной непредсказуемости, нужно иметь силу отказываться от самого близкого и уметь вслушиваться в признания Ничтожного» [1, с. 1]. Французский философ «не боялся сбрасывать с мира всю чешую скрывающих его вывесок, чтобы прийти к неприкрытой подлинности, даже если от нее веет ужасом неопределимого Ничто» [1, с. 1].

Батай так же, как и автора австрийского романа, занимала проблема достижения свободы. На ее решении существенно сказались влияние Ницше и Достоевского. Проблема свободы оказывается затушеванной, если жизнь человека начинает опираться на такие представления, как законченность, постоянство, абсолютные ценности (и вообще признание чего-либо, скажем, порядка – абсолютным), подчиненность опосредованным формам убеждения, (например, логическим), застывшая предсказуемая оседлость в сознании и существовании.

«Возможность быть свободным В мире неотъемлемо связана с возможностью быть свободным ОТ мира. Уникальность человека, являющаяся основой его свободы, как раз и заключается в том, что он, и только он, будучи вовлечен, «заброшен» в мир, не определяется им. Поэтому, собственно, то, что неопределимо миром в человеке, и есть свободная человеческая личность в ее стихийности, спонтанности, непосредственности, преодолевающая любую догматичность и схематичность (а угроза их подчинению в мире повседневного существования всегда реальна, неся в себе соблазнительную привлекательность надежности и предсказуемости жизни), являясь непредсказуемо открытой в своих порывах, не нуждаясь в любых опорах, основаниях и авторитетах» [1, с. 2]. Райнера занимает решение вопроса достижения свободы не только в поэтическом творчестве, когда мучительные поиски главного слова приводят его

только к слову «смерть»: «Он в бешенстве наносит несколько ударов по стволу голубой ели, потому что ему никак не приходит на ум нужное слово, ну совсем никак, но когда он в пятый раз обрушивает свой гнев на безвинное дерево, то вот оно, слово, тут как тут, – конечно же, это слово – смерть, и от него расходится кругами мрачное настроение» [2, с. 172].

Вопрос освобождения от мира, от общества мучает его и приводит в реальной жизни к подлинной трагедии в духе Ф. М. Достоевского. Райнер действительно талантливый юноша, которому тесно в узком и интеллектуально убогом домашнем мирке родителей – типичных бюргеров, которых он стесняется перед своими сверстниками, стеснение же перерождается затем в стойкое неприятие, а затем и в ненависть, связанную с невозможностью преодолеть ограниченное пространство, навеки предопределенное судьбой для человека, родившегося в этом окружении: «Родители и не подозревают, что в их спертom мирке подрастает гений – сын Райнер. Он почти до колен выкарабкался из липкой грязи отчего дома, пытается вытащить ногу и опереться на нее, но снова и снова проваливается в жижу, как увязший в трясине носорог. <...> голова Райнера, в которой гнездится неприглядный червь его литературного дарования, торчит сверху, и он взирает на груды изношенного и затхлого белья, на уродливую мебель, на рваные газеты, растрепанные книжонки, на громоздящиеся в углу картонки из-под стирального порошка, на кастрюльки с пригаром и плесенью и на кастрюльки с пригаром, на котором плесень еще не завелась, на чайные чашки, покрытые невообразимым налетом, на хлебные крошки, карандашные огрызки, катышки от ластика, исчерканные кроссворды, заскорузлые носки, – взирает на все и ничего не замечает, ненароком вперяя взгляд в высокие сферы искусства, в то царство, которое открыто редкому счастливчику» [2, с. 16].

Приписывая себе исключительную роль интеллектуального вожака группировки, Райнер уверен в собственном таланте, избранности и необходимости остальных подчиняться его воле и исполнять все его приказы и распоряжения. Однако, реализовать этот талант в реальной жизни у него до сих пор не получалось, то есть быть сильным и подчинять себе других он может только в своих литературных опусах: «... Есть, правда, и такие, кто считает ее (литературу) собственной вотчиной, потому что подняться над своим окружением иным способом у них не вытанцовывается. И Райнер – этого поля ягода. Кроме литературы он не смог подчинить себе ничто и никого. Зато литература вполне подходит для выполнения его желаний» [2, с. 23]. Поэтому его усилия направлены на Ханса, паренька из рабочей среды, полного комплексов собственной социальной неполноценности и желаний преодолеть посредством образования отведенные ему социальные границы: Ханс говорит, что хочет продвинуться вперед в смысле образования. Анна объясняет, что для

этого ему нужно больше читать. По мнению Райнера, не читать ему нужно, а его, Райнера, слушать и ему подчиняться. Он здесь интеллектуал, а не Ханс. Если интеллектуал не в состоянии подчинить мир исповедуемой им идеологии, то есть если в действительности ему (как, скажем, Хансу) приходится выполнять грязную ручную работу лишь для того, чтобы прокормиться, то тогда он в какой-то момент принимается защищать ложный, чуждый ему мир вместо своего собственного: – Защищай свой маленький мир, Ханс. Не пытайся стать больше, чем ты есть на деле, потому что существует человек, который тебя перерос, и этот человек – я» [2, с. 93].

Райнер – «мозг шайки» [2, с. 11] – обдумывает предстоящие нападения, взвешивает каждый шаг планируемого преступления, определяет порядок действий всех членов банды, оставаясь, однако, в стороне от совершения преступления во время нападения на беззащитную жертву, словно пытаясь остаться с незамаванными руками. В соответствии с его взглядами, нападения планируются не ради выпотрошенных денег, это несущественно и вторично. Главный смысл для него и его сообщников – в другом: «Людей нельзя бить из ненависти, это следует делать без всякой причины, насилие должно быть самоцелью» [2, с. 11].

Таким образом, в тугой узел противоречий связываются неразрешимые для Райнера проблемы: чувствительный, талантливый юноша-поэт – пошлая затхлая действительность, в которой нет места искренним чувствам; стремление к свободе – строгая классовая детерминированность в обществе и невозможность преодолеть классовые границы; мечты об обеспеченной жизни в условиях «экономического чуда» – «мурло грозящей нищеты» в отчем доме; ненависть к родителям – невозможность в настоящее время стать экономически независимым и покинуть родительский дом; желание реализовать собственные амбициозные планы, быть принятым в кругу сверстников–однокашников – неприятие ими его философствований и скучных размышлений с претензией на элитарность и интеллектуальность; тяга к настоящему любовному чувству – неумение расположить к себе Софи, которая не признает его притязаний не только как неопытного любовника, но и человека не из ее социального круга; ощущение собственного героизма и полное одиночество; мечта подняться над серой обыденностью посредством совершения преступления, чтобы доказать себе и остальным собственную исключительность и неординарность – внутреннее опустошение и бесплотность жизненных идеалов, банкротство личности.

Весь этот сонм противоречий, из пут которых так и не смог выбраться талантливый, неординарный молодой человек, подкрепляется невыносимой обстановкой в родном доме героя, которая, по мнению автора романа, обусловлена характерами, судьбой и поведением родителей Райнера. Э. Елинек продолжает в этом смысле обвинения относительно

старшего поколения, впервые сформулированные другим выдающимся австрийским писателем и драматургом Томасом Бернхардом: «In jedem Oesterreicher steckt ein Massenmoerder» [3, с. 4]. Полемизируя по вопросу об ответственности старшего поколения за пособничество гитлеровскому фашизму, участие в преступлениях национал-социализма против человечества в собственной стране, в развязанной германским фашизмом мировой войне на стороне Третьего рейха, официальная Австрия с большим удовлетворением приняла на себя тогу «жертвы», предложенную ей еще в 1943 году «Московской декларацией», принятой министрами иностранных дел стран-участниц антигитлеровской коалиции. Таким образом, страна приняла на себя «роль жертвы» нацистского режима, отстранившись от проведения широкомасштабной денацификации в стране после ее освобождения союзниками, что позволило огромному числу палачей избежать наказания и общественного осуждения: «Жертва всегда лучше, она невиновна. Правда, вокруг полным-полно невиновных преступников. Облокотившись на уставленные цветами подоконники, они приветливо посматривают на публику, тешатся воспоминаниями о фронтовом прошлом, машут ручкой и занимают высокие посты. Торчат меж кустами герани. Пора наконец-то все простить и забыть, чтобы начать совсем уж заново» [2, с. 6].

Таким «невинным преступником» выступает и отец Райнера и Анны – господин Витковски: «Господин Витковски вернулся с войны без одной ноги, но с чистой совестью; на войне он был хоть куда, не то что теперь, а именно был невредимым, двуногим и в войсках СС» [2, с. 16]. Сейчас же он – пенсионер по инвалидности, по ночам – портье в гостинице. Своим хобби он избрал художественную фотографию, которой занимается «с тем же рвением, с каким он прежде исполнял свой профессиональный долг», правда, это порнографические снимки, которые он получает, производя ежедневное насилие над собственной женой, испытывая истинное наслаждение от садистских издевательств и самоутверждения хотя бы в маленьком мирке собственной квартиры: «С моим увечьем мне только и осталось, что заниматься порноснимками, моим хобби. Для людей зрелых порнография не существует, она для тех, кем надо управлять» [2, с. 17]. Это насилие, называемое управлением, возвращает Витковского настолько, что он уже не осознает границ дозволенности и морали. Снимки, которые он хочет заполучить, используя в качестве модели свою жену, должны воспроизводить испуг, страх, страдание, которые испытывает жертва сексуального насилия, что, однако, лишь повторяет и воспроизводит те эмоции и ощущения жертв военных действий, свидетелем которых он являлся, будучи на добровольной службе в СС, получая при этом полное удовлетворение. При проведении съемки он говорит своей жене: «Сделай испуганное лицо. Ломать сопротивление – это сильно возбуждает. На войне я многих сломал самолично,

многих личностей собственноручно ликвидировал. Нынче на одной ноге маюсь, а в ту пору бабы мне на шею вешались, вот что значит обаяние военной формы. Шикарный был мундир. Как сейчас помню, шагали мы по польским деревням в высоких сапогах, а кровь аж до щиколоток доходила» [2, с. 19].

При этом жена должна беспрекословно ему подчиняться, выполнять все его требования, однако, у нее, как у неискушенной модели, не совсем получается так, как требует того фотограф, который «швыряет ей в плечо чем-то твердым, так что она вздрагивает всем телом. Наверняка опять синяк будет.

– Ах ты, шлюха, я же по-хорошему прошу. Не бог весть что от тебя требуется. Вот двину костылем, с копыт свалишься» [2, с. 20].

«Солдатом он был, солдатом и остался», – говорит мать о Витковски, как бы оправдывая садистское поведение своего мужа, – «грубый и сам не свой до дешевых развлекательных фильмов. Не будь он таким грубым, он не смог бы убивать. Эта грубость была ему необходима. Мягкость была бы неуместна, она противоречила бы его служебным и профессиональным обязанностям» [2, с. 55].

Отношение Райнера к отцу, к его нацистскому прошлому – явно негативное, по-видимому, в чем-то даже совпадающее с позицией автора романа. Чего нельзя сказать об отношении Ханса, другого члена группировки, к вопросу о преодолении национал-социализма в недавней истории страны. Его позицию автор подвергает критике имплицитно. Ханс учится на монтера силовых установок в одной из крупных энергетических компаний, однако, принадлежность к рабочему классу тяготит его, он изо всех сил, усердно занимаясь спортом, стремится к тому, чтобы «стать учителем физкультуры, а может, кто знает, кем-нибудь и почище» [2, с. 32]. Его мать всю свою жизнь умом и сердцем преданная социал-демократам, которые ее, однако, «частенько разочаровывали», обеспокоена поведением своего сына, его предательством интересов рабочего класса: «Если так будет продолжаться, ты, сам того не заметив, скатишься к предательству рабочего дела» [2, с. 31].

Ханс реагирует на это в соответствии с идеалами конца пятидесятых годов и зарождающегося общества потребления, когда «экономическое чудо» беспрепятственно вступает в свои права: «Насрать на рабочий класс, даешь рок-н-ролл!» [2, с. 31]. Его мало беспокоит судьба убитого на войне отца и вообще старшего поколения, представителей которого он видит лишь инвалидами или стариками, сидящими в скверах, одиноких, выгуливающих своих собак, да и собаки уже не подчиняются бывшим вершителям судеб мира.

«Инвалиды войны, которые в те времена еще оживляли картину города, с интересом наблюдают за собаками, вспоминая былое, когда на территории вражеских государств с ними всем приходилось считаться, а

теперь вот не считается никто. Они хлопают поводками, но собачонки и ухом не ведут. Никто больше не слушается отставных вояк, да и они лишились тех, чьему слову могли бы беспрекословно повиноваться. Увы, нет больше порядка и дисциплины» [2, с. 33].

Воспоминания матери о прошлом, забыть которое она не в силах, вызывают у Ханса неприятие и раздражение: «Только не начинай опять свои истории про концлагерь, они скоро у меня из ушей ползут, обрыдло» [2, с. 33]. Мать же испытывает давление тяжелого пласта памяти о забитых до смерти, о повешенных, об отравленных газом, о тех, кому выламывали золотые коронки, однако эти переживания не находят у сына никакого сочувствия.

Райнер, являясь не только свидетелем насилия в семье, но и его жертвой, испытывая отвращение к отцу-насильнику и стыдясь поведения собственной матери, и сам проявляет необъяснимую тягу к жестокости. В разговоре с Софи он вдруг «с жестокой гримасой берет ее за шею, размещая пальцы прямо на сонной артерии:

– Я этот приемчик в одном французском фильме видел.

– Но ты ведь не станешь людей убивать только потому, что видел это в кино?

– Кто знает, на что я способен, – говорит Райнер. – Мне ясно только, что я способен на невообразимо жестокие вещи, просто удерживаю себя от них» [2, с. 27].

Удерживать себя долго ему не удастся. Софи просто-напросто и представить себе не может, какие запасы ярости и ненависти накопились у Райнера внутри.

В своих действиях Райнер, как уже отмечалось выше, следует философии маркиза де Сада – «нужно совершать преступления» [2, с. 73], «нужно разрушить все, что досталось от предыдущего поколения» [2, с. 84], «нравственных категорий для нас не существует» [2, с. 91]. Он читает А. Камю, Ж.-П. Сартра и пытается найти обоснования своему поведению и своей складывающейся жизненной философии, близкой позициям модного в то время экзистенциализма. Вынашивая идею самоубийства, он понимает, что «миру свойственно нежное равнодушие» [2, с. 368] и «если тебя лишили последней надежды, то настоящее оказывается полностью в твоих руках, тогда ты сам становишься единственной реальностью, а все остальные – лишь статисты». Статистами оказываются все ненавистные ему члены семьи, когда начитавшись «Абсурдного рассуждения» Камю, пребывая в состоянии рассудительного спокойствия и хладнокровия, Райнер рано утром чинит кровавую расправу со своими родными. «Совершая бессмысленное», – замечает автор, – «Райнер хочет сохранить свое нарциссическое начало, считая, что предпринял нечто незаурядное» [2, с. 378].

Таким образом, Эльфрида Елинек в своем романе «Перед закрытой дверью» («Die Ausgesperrten») обратилась к почти запретной теме в творчестве австрийских писателей – теме вины за преступления фашизма, за участие в акциях национал-социализма многих тысяч австрийцев, теме покаяния и наказания совершивших преступления. Общественную значимость этой темы писательница видит в том, что несостоявшееся разоблачение нацистских преступников продолжает мучить и угнетать современное австрийское общество. Скрытость и непризнание вины преступниками вырывается наружу в агрессивных действиях родителей, старших – бывших нацистов, по отношению к родным и близким в семье. Жертвами их агрессивности становятся дети, которые, в свою очередь, продолжают транслировать эту агрессию в общество, в межличностные отношения, характеризующиеся крайней степенью индивидуализма. В конечном итоге, эта агрессивность возвращается к тем, кто ее и породил, что автор романа ярко продемонстрировала на примере семьи Витковски.

Список литературы

1. Дорофеев Д. Ю. Жорж Батай. – [Электронный ресурс]: http://anthropology.rchgi.spb.ru/batay/bataiy_dorofeev2.htm
2. Елинек Э. Перед закрытой дверью / пер. с нем. И. Ланина, под ред. А. Белобратова. – СПб., 2004.
3. Lutterbeck С. Ein Land nimmt Anstoss. – [Электронный ресурс]: <http://www.stern.de/politik/ausland/oesterreich-ein-land-nimmt-anstoss-624140.html> - С.4

Национальная идентичность как сюжет немецкой художественной литературы

В статье идет речь о проблеме национальной идентичности в немецком контексте. Рассматриваются несколько вариантов немецкой национальной идентичности, которые тесно связаны с соответствующим историческим периодом развития этой страны. Подчеркивается важная роль художественной литературы в создании национальной идентичности и национального сознания.

This article deals with the problems of national identity in the German context. There are some versions of the German identity, which are closely connected with the corresponding historical period of this country. It is underlined, that the fiction is of great importance for the formation of national identity and national consciousness.

Ключевые слова: идентичность, национальная идентичность, художественная литература, сюжет, национальное сознание, варианты идентичности, «запоздавшая» нация, немецкий контекст.

Key words: identity, national identity, fiction, subject, national consciousness, the versions of identity, the backward nation, the German context.

Тема национальной идентичности в немецком контексте – одна из самых сложных и противоречивых, более того – одна из самых «щекотливых» как в ее «внутреннем» (с точки зрения самих немцев), так и в ее «внешнем» аспекте. В своей статье мы обращаемся к этой «культурогенной» (термин В. И. Карасика) для Германии теме, опираясь на определенные наблюдения относительно литературных произведений немецких писателей.

Проблема немецкой национальной идентичности вызывала и до сих пор вызывает много вопросов, прежде всего у самих немцев. Парадоксальность, как отмечает В. Вайденфельд, состоит в том, что сомнения в достаточной достоверности идентичности немцев является «константой политической культуры» [11, s. 15]. При этом ведут речь об утрате идентичности, ее дефиците или атрибутируют идентичность как «двойную» или «неизвестную». После объединения Германии вопрос национальной идентичности по-прежнему остается неоднозначным и волнующим умы не только писателей, психологов, социологов и историков, но и рядовых граждан. Пророческими, на наш взгляд, можно назвать в этой связи утверждения многих исследователей, как, например, мнение В. Й. Моммсена, заявившего еще в 1983 году о том, что и в будущем «не закончится спор по вопросу национальной идентичности немцев: «Dann wird der Streit über die Frage der nationalen Identität der deutschen nicht zu Ende sein ...» [6, s. 191] (здесь и далее перевод наш. – О.С.).

Прежде чем непосредственно обратиться к литературным произведениям, сюжетом которых выступает идентичность и ее поиск, выражающийся в осмыслении вопросов: «Was ist deutsch heute?», «Was ist Deutschland?», «Sind wir bis heute entwurzelt, ohne Ursprung und Ideal geblieben?», «In welchem Verhältnis stehen Staatsbewusstsein, Nationalbewusstsein und europäisches Bewusstsein zusammen?» [11, s. 15-16], кратко остановимся на «внешнем» аспекте проблемы немецкой национальной идентичности. Каждый, кто в какой-то степени задумывается над темой национальной идентичности немцев, порой не может до конца понять «загадочную немецкую душу», если перефразировать известное выражение относительно русской души. «Загадкой политической конституции в течение столетий» – «... sind wir schon Jahrhunderte hindurch ein Rätsel politischer Verfassung» – называет немецкий народ Фридрих Карл Мозер в своей публикации «О немецком национальном духе» (1765). Тот ореол загадочности, которым, образно говоря, окутана данная проблема в немецком контексте, остается до сих пор. Правы, как нам представляется, те, кто подчеркивает ту тонкую грань, которая разделяет в отношении немцев два понятия – «потерянность себя» («Selbstverlorenheit») и «заносчивость» («Überheblichkeit»). Именно этим можно, например, объяснить появление представления о том, что у немцев пропало чувство Отечества: «...es ist mancherorts der Eindruck entstanden, den Deutschen sei ein natürliches Vaterlandsgefühl abhanden gekommen» [11, s. 23]. Так, швейцарский литератор А. Мушг сомневается, «обращаются немцы со своей идентичностью великодушно или пренебрежительно» – «Gehen die Deutschen mit ihrer Identität so grosszügig um oder so wegwerfend?». Однако своего рода ответом на данный вопрос можно считать следующий пронзительный по своей глубине риторический вопрос: «Sind wir bis heute entwurzelt, ohne Ursprung und Ideal geblieben?». Тот, кто задается таким вопросом, полным беспокойства и, более того, опасений по поводу утраты немцами национальной идентичности, как представляется, недвусмысленно выражает значимость проблемы идентичности для немцев, которая предполагает сохранение связи с истоками, с «корнями». Без идеалов, без истинных духовных ценностей не может существовать любое, в том числе, современное общество. Лейтмотивом звучит эта тема во многих художественных произведениях немецких авторов, не исключение при этом – очерк Н. Кенигсдорф «Ganz nochmal deutsch» (1994), в котором автор тонко подмечает невозможность создания ценностей по приказу, «сверху», сравнивая общество без ценностей с «организмом без иммунной системы»: «Eine Gesellschaft ohne Werte ist wie ein Organismus ohne Immunsystem. Werte kann man nicht verordnen» [3, s. 414]. Существует мнение о том, что специфические проблемы идентичности немцев заключаются в особенностях развития их истории и в так называемом «особом немецком пути» («ein deutscher

Sonderweg»). По мнению философа Г. Плесснера, немецкая нация, которую он называет «запоздавшей нацией» – «*verspätete Nation*» [11, s. 14], не нашла свою национально-государственную основу в XVI и XVII веках и не смогла позднее нагнать («*einholen*») это историческое отставание. При этом, как отмечает известный историк Отто Данн [1, s. 344], тезис Г. Плесснера интерпретирует «опоздание» не в национально-политическом, а в культурном аспекте, как запоздалое осуществление просвещения в Германии! В этом случае имеет место диаметрально противоположное толкование «опоздания» немецкой нации. Культурное развитие Германии, которое всегда считалось ее сильной стороной, получает вдруг иную интерпретацию и рассматривается неожиданно как ошибочное развитие. Для Г. Плесснера данный тезис был актуальным в контексте вопросов о причинах возникновения национал-социализма. Согласимся с мнением О. Данна, подчеркивающего «меткость» слова «*verspätet*», которое выражает саму суть истории немецкой нации.

Однако едва ли только ходом исторического развития следует объяснять специфичность проблемы национальной идентичности немцев. Что касается «особого немецкого пути», то, по справедливому замечанию К. Зонтхаймера [8, s. 334], национальное сознание немцев не должно основываться на идеях, связанных с данным «синдромом». Поиск национальной идентичности, на его взгляд, должен идти такими путями, которые не имеют ничего общего с «особым немецким путем»: «*Die Suche nach einer deutschen Identität ist auf Wege verwiesen, die mit Deutschlands historischem Sonderweg nichts zu tun haben*» [8, s. 335]. Ни для кого не секрет, что данное понятие имплицитно как положительную, так и отрицательную коннотацию. Если во второй половине XIX века историческое развитие Германии, действительно специфическое, рассматривалось как позитивное и оправданное, то во второй половине XX века расценивается как «ошибочный» путь («*Irrweg*»), так как именно он привел немцев к мировой изоляции. Таким образом, необходим критический подход к особому историческому пути развития Германии. Следует отметить тот факт, что единодушные обоих немецких государств (ГДР и ФРГ) заключались в признании ошибочности своего пути развития лишь в отношении конкретного периода – с 1933 по 1945 годы. Позднее начинаются бесконечные взаимные обвинения в том, что обновление, предложенное им после войны, использовано той или другой стороной непоследовательно. Это было неизбежно и предопределено тем политическим путем, который был выбран ими после 1949 года. В качестве примера предвзятости по отношению к одной из сторон можно процитировать следующие строки: «*Die DDR ging sogar so weit, den Begriff der deutschen Nation aus ihrem politischen Vokabular zu tilgen, der in der Bundesrepublik gerade dazu dient, das Recht des in zwei Staaten lebenden deutschen Volkes auf seine politische Selbstbestimmung und damit den Anspruch auf eine künftige gemein-*

same Geschichte für alle Deutschen lebendig zu erhalten» [8, s. 334]. Данное мнение однозначно эксплицирует, с одной стороны, положительную оценку действий и устремлений ФРГ, заинтересованной, по словам автора, в «будущей общей истории для всех немцев», и выражает, с другой стороны, его возмущение по поводу действий другого немецкого государства. ГДР, как считает исследователь, «зашла так далеко, что искоренила само понятие немецкой нации из своего политического вокабуляра». Вне всяких сомнений негативное отношение автора этих строк к ГДР выражают усилительные наречие и частица «sogar» и «so» и экспрессивные в данном контексте глаголы «tilgen» и «weiter-gehen».

В целях максимальной объективности обратимся к самой истории. Действительно, в ГДР в результате пересмотра конституции в 1974 года были отменены пункты об общенемецкой нации, однако понятие «нация» не было искоренено, как утверждает уважаемый автор, упомянутый выше, т.к. еще в 1968 году ГДР объявила себя «социалистическим государством немецкой нации» [1, s. 340]. Таким образом, после 1945 года немецкое общество не смогло снова организовать себя как нация (имеется в виду до объединения), утверждает авторитетный немецкий историк: «... denn nach der Diktatur des Nationalsozialismus konnte sich die deutsche Gesellschaft nicht wieder als Nation konstituieren» [1, s. 9]. Ничего удивительного в этом нет, поскольку в политическом плане два немецких государства были, образно выражаясь, «герметично закрыты» относительно друг друга.

Говоря о формировании национальной идентичности в немецком контексте, надо иметь в виду неясность самого понятия «нация» и различное его толкование. Сами немцы, как отмечает Отто Данн, по-разному понимали это: так, одна треть населения ФРГ относилась к немецкой нации только население своей страны, одна треть – и население ГДР, а остальные – всех немецкоязычных и империю в границах 1937 года. На официальном уровне была принята формула – «eine deutsche Nation in zwei Staaten», которая однозначно представляла в качестве основы нации только культуру. Относительно политической идентичности велись лишь дискуссии. Итак, проблема определения понятия «нация» в Германии была осложнена нечеткостью его изложения как в теоретическом, так и в языковом отношении. Кроме того, стороны – ГДР и ФРГ – расходились в интерпретации этого понятия, что объяснялось политической борьбой за власть. Учитывая различные толкования национальной идентичности и нации, решающим фактором (наряду с другими факторами) все же рассматривается воля и желание быть нацией (подчеркнуто нами. – О.С.). Не вдаваясь в подробности дискуссий относительно двух типов нации (нация-государство и нация-культура), отметим вслед за многими исследователями (историками, политологами, социологами, психологами) очевидный факт, что в течение 40 лет у немцев не было истинного

стремления к общности, то есть к тому, на чем основывается национальное сознание. Только в сентябре 1989 года большинство населения ФРГ начало рассматривать объединение как желательное. Примерно в это же время в ГДР происходит демонстрация (ноябрь 1989 года), во время которой население ГДР заявляет о себе как о нации. Именно тогда появилась и новая цель внутри революции в ГДР – общенемецкая нация. Чтобы избежать так называемой «расплывчатости» понятия «нация», было высказано мнение, вполне актуальное, на наш взгляд, для ситуации в Германии. Согласно этому мнению, нацию следовало определять в коммуникативно-теоретическом аспекте [11, s. 40]. Какие были на то основания? Нельзя не согласиться с тем, что укрепление национального сознания непосредственно связано с формированием готовности к коммуникации и создания системы коммуникации. Преимущество такого подхода в том, что в нем соединяются неоспоримые компоненты всех предыдущих дефиниций нации и возможность эмпирической проверки. Важно, что понимание нации в коммуникативном ключе не исключает роли общей культуры, стремления быть одной нацией и т.д.

В связи с тем, что едва ли можно было говорить об одной нации в Германии, если с 1945 года не существовало больше немецкого национального государства [1, s. 11], следует признать как «слоистость» идентичности немцев («geschichtete Identität»), так и отсутствие гомогенного немецкого национального сознания. Объединение Германии предоставило немцам шанс «пережить» национальную идентичность еще раз. Предоставленная возможность сформировать национальную идентичность, разрушенную в силу известных причин в Германии, в общих чертах была вполне понятна немцам, хотя при этом имела не совсем прозрачный смысл, то есть не была однозначной. Немцы, если можно так сказать, «отвыкли» рассматривать себя как общую суверенную нацию. Наверное, этим можно объяснить настроение в момент объединения Германии, далекое от «национального восторга или упоения», как метко замечает О. Данн: «Im Vergleich mit der vielfach überschießenden Begeisterung, mit der die Reichsgründung in den Jahren 1870-1871 gefeiert wurde, war die Anteilnahme der deutschen Bevölkerung im Jahre 1990 gewiß kein „Nationalrausch“» [1, s. 388]. В современной ситуации едва ли можно говорить о национальном пафосе, который ощущался в другой период немецкой истории, когда немцы также формировали новое национальное сознание (имеется в виду образование немецкого национального государства в 1871 году). Пусть тот пафос, по мнению историка, и был «неуклюжим, неловким выражением» («unbeholfener Ausdruck» [1, s. 54]), но он выражал новое переживание немцев, отражавшее ощущение их национальной идентичности. Именно так воспринимаются строки из стихотворения Ф. фон Штольберга «Mein Vaterland», написанного в 1774 году: «Ich bin ein Deutscher! Stürzt herab, der Freude Tränen, dass ich

es bin!». Каждая строка пронизана патриотическими чувствами, гордостью, осознанием своей национальной идентичности. Известно, какую большую роль сыграли писатели Германии в немецком движении, среди которых: Лессинг, Клопшток, юный Гете и, прежде всего, Гердер. Неслучайно Гете назвал немецкое движение «литературной немецкой революцией» («literarische deutsche Revolution» [1, s. 54]). Вспомним знаменитую фразу из публикации Ф.К. Мозера о немецком национальном духе (1765), в которой речь идет о необходимости объединения: «Wir sind ein Volk» – начало его обращения к соотечественникам. Именно эта фраза должна была пробудить в немцах осознание возможности быть счастливым народом, который в действительности вызывал чувство большого сожаления или большой жалости: «..., ein großes und gleichwohl verachtetes, ein in der Möglichkeit glückliches, in der Tat selbst aber sehr bedauernswürdiges Volk» [1, s. 52-53].

Два века спустя, в 1989 году, вновь зазвучала эта забытая на какой-то период времени фраза, вариантом которой прозвучали слова: «Wir – sind – das – Volk». В своей речи на Александерплац в Берлине известная немецкая писательница Криста Вольф называет этот, по ее словам, «тысячекратный призыв» самым важной для нее: «Und dies ist für mich der wichtigste Satz dieser letzten Wochen – der tausendfache Ruf: Wir – sind – das – Volk» [12, s. 696-697]. Это – «простая констатация» («eine schlichte Feststellung»), по ее словам, которую она не хочет забывать. Момент, о котором идет речь, – один из важнейших моментов в истории Германии, в истории отношений двух немецких государств. Осознание себя народом со стороны граждан ГДР говорит о многом, в том числе, о готовности вести диалог, который выражает, образно говоря, целую палитру чувств: здесь и страстность, и гнев, и печаль, но прежде всего – это надежда. Все эти чувства переполняют писательницу: «..., so viel wie in diesen Wochen ist in unserem Land noch nie geredet worden, miteinander geredet worden, noch nie mit dieser Leidenschaft, mit so viel Zorn und Trauer und mit so viel Hoffnung» [12, s. 696]. Понимая всю сложность новой ситуации, Криста Вольф, как и ее сограждане, испытывает обоснованный страх, что эксплицируется с помощью ряда глаголов: «sich zerstreiten, verletzen, drücken, fürchten» и наречий «misstrauisch, schmerzhaft». Едва ли возможно объективировать все нюансы настроений и чувств, однако благодаря своему таланту писательнице удалось в полной мере донести до читателей атмосферу тех лет: внутреннюю борьбу и смятение, царившие в душе каждого. Именно такими, на наш взгляд, чувствами проникнуты следующие ее строки: «Wir fürchten, benutzt zu werden. Und wir fürchten, ein ehrlich gemeintes Angebot auszuschlagen. In diesem Zwiespalt befindet sich das ganze Land». Существующие сомнения должны были уйти, а для этого необходимо было, несмотря на всю «болезненность» происходящего, найти в себе силы, так как будущее находилось в их руках:

«Diese Wochen, diese Möglichkeiten werden uns nur einmal gegeben – durch uns selbst» [12, s. 696].

Анализируя и сопоставляя литературные источники различных исторических эпох (как, например, упомянутые выше произведения Ф.К. Мозера и Кр. Вольф), можно выявить общие моменты, составляющие суть поиска национальной идентичности в Германии: призыв к созданию единой национальной идентичности, возможность ее обретения, реальное существование национальной идентичности, возможные последствия: утрата идентичности, ее многослойный характер или вариативность.

Говоря о многослойном характере идентичности и имея в виду при этом национальную идентичность в условиях ГДР, ФРГ и объединенной Германии, следует подчеркнуть, что во все времена поиск национальной идентичности представал и предстает в качестве литературного сюжета немецких писателей. Тема национальной идентичности представляется «судьбоносной» темой в немецкой литературе, и это не удивляет, если принять во внимание то, что литература выражает обычно основные чувства. Литература, по словам К.-Р. Корте [4, s. 448], сохраняет и бережет все пережитое и задуманное. Что и как «переживалось» в немецкой литературе? В период политического раскола Германии в центре внимания писателей как ГДР, так и ФРГ были вопросы идентичности, которая так легко оказалось разрушенной еще и в силу постоянно возрастающего недоверия и отчуждения восточных и западных немцев. Так, читаем у Мартина Вальзера: «Die Nation, als gespaltene, ist eine andauernde Quelle der Vertrauensvernichtung... Jeder sozusagen natürliche Identifikationsprozess ...wird andauernd durch den anderen Teil der Nation gestört» [9, s. 44], где писатель называет раскол нации основным источником, который уничтожает взаимное доверие. Страдания людей, связанные с потерей общенациональной идентичности, не могут не волновать многих писателей. В своем романе «Mauerspringer» П. Шнайдер (1982) ведет речь о двух немцах, которые регулярно переходят через границу, не признавая общественный строй в обеих Германиях. Таким образом, они предпочитают лишиться себя Родины, чем довериться любому из существующих двух немецких государств, поскольку оба государства предлагают им, как пишет П.Шнайдер, «die hastig ergriffene Identität» [7, s. 21], то есть «поспешно схваченную идентичность». В этом словосочетании сквозит явное неприятие создавшейся ситуации не только со стороны персонажей, но и самого автора. Таким образом автор обвиняет тех, кто в угоду своим политическим амбициям готов принести в жертву судьбу каждого гражданина, теряющего свои «корни», свою национальную идентичность. Попутно следует отметить ставшие пророческими слова П. Шнайдера: «Die Mauer im Kopf einzureißen, wird länger dauern, als irgendein Abrißunternehmen für die sichtbare Mauer braucht» [7, s. 102]. Сила предвидения действительно поражает: сама жизнь, уже после объединения

Германии, доказала, насколько сложной является для немцев проблема так называемой «стены в голове» или «ментальной стены». Процесс обретения идентичности, как и изменение сознания людей требует достаточно длительного времени, в продолжение которого испытываются сильные потрясения. Яркий, необычный сюжет представляет проблему потери идентичности в новелле М. Вальзера «Dorle und Wolf». Люди страдают из-за вынужденной разлуки, которая является следствием раскола Германии и формирования различных коллективных идентичностей. При внешнем благополучии персонажи ощущают дискомфорт, недовольство, сами не понимая, что с ними происходит и чего им не хватает: «Alle leuchten vor Gelungenheit, aber keiner scheint, zufrieden zu sein. Sie wissen nicht, was ihnen fehlt» [10, s. 54]. После объединения Германии писатели постоянно обращаются в своих произведениях к теме национальной идентичности. Уместно заметить, что никакие политические решения не в состоянии ни «устранить», ни «предписать» национальную идентичность. Особая роль в поиске идентичности, по мнению немецкого писателя М. Энде, принадлежит искусству, в том числе, литературе, причем, он акцентирует мысль о важности для немцев обрести собственную культурную идентичность: «Mir scheint, dass es für uns Deutsche von entscheidender Wichtigkeit ist, unsere eigene kulturelle Identität zu finden und anzunehmen, zumindest nicht weniger wichtig als alle politischen, gesellschaftlichen und wirtschaftlichen Fragen» [2, s. 201]. В своем рассказе «Typisch deutsch» автор пытается разобраться в тех смыслах, которые вкладываются в это понятие как самими немцами, так и другими нациями. Культурную идентичность писатель понимает как «общность жизненных форм и жизненных ценностей». Интересно, на наш взгляд, его замечание относительно немецкой культуры, которая, по его мнению, находится на полпути к «взрослости» («... steckt noch mitten in der Pubertät»), что и объясняет определенные трудности в понимании собственной идентичности. Несмотря на достигнутую государственно-национальную идентичность, писатели не совсем уверены в достижении культурной идентичности, они делятся своими страхами и опасениями, как, например, Н. Кенигсдорф в уже упомянутом выше очерке «Ganz normal deutsch» и Э.Лест в очерке «Nächstes Jahr in St. Nikolai». Последний очерк весьма пессимистичен: автор не верит в безмятежное будущее объединенной Германии, предполагая возможные бури и волнения, от которых может пострадать каждый: «...; ein Übermaß an Turbulenzen, die die Geschichtsbücher spannend machen werden, lässt Türen und Fenster zittern. Jeder weiß: Die Fetzen werden fliegen, und mancher zieht den Kopf ein in der Hoffnung, es werden nicht seine Fetzen sein» [5, s. 465]. Кроме того, здесь затрагивается проблема вариантов идентичности, а именно ГДР-идентичность. Суть различных вариантов немецкой идентичности в том, что немцы стараются сохранить систему привычных им ценностей. В результате объединения восточным немцам «навязывалась» чуждая им

система во всех отношениях, что вызывало негативную реакцию. Для преодоления «границ» и «стен» в головах людей необходимо время и желание ощущать свою причастность к данному сообществу.

Вся многослойность и неоднородность данной проблемы – проблемы национальной идентичности – «высвечивается» благодаря литературе, которая прямо или косвенно формулирует доминирующие символы общественной коммуникации, выражая при этом основные чувства народа и обостряя с течением времени приобретаемый ими опыт. Литературные сюжеты и литературные образы призваны, на наш взгляд, по возможности заполнить эмоциональный вакуум (если он еще имеет место) в душе каждого гражданина единой Германии. В ближайшее время едва ли исчезнут подобные сюжеты из литературных произведений немецких писателей, поскольку подлинную национальную идентичность как социально-психологический феномен можно отнести к основным устремлениям души немецкого народа.

Список литературы

1. Dann Otto. Nation und Nationalismus in Deutschland 1770-1990. – München: Beck, Beckische Reihe. – 3 erw. Auflage, 1996.
2. Ende Michael. Typisch deutsch (Kurzprosa) // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. /сост. Л.Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т.1.
3. Königsdorf Helga. Ganz normal deutsch. (Essay) // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1.
4. Korte Karl-Rudolf. Literatur // Handbuch zur deutschen Einheit. Hrsg.: W.Weidenfeld, K.- R. Korte. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1993.
5. Loest Erich. Nächstes Jahr in St. Nikolai (Essay) // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. / сост. Л. Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1.
6. Mommsen W.J. Wandlungen der nationalen Identität // Die Identität der Deutschen. Hrsg. W.Weidenfeld. – München;Wien: Carl Hansen Verlag, 1983.
7. Schneider Peter. Der Mauerspringer. – Darmstadt; Neuwied, 1984.
8. Sontheimer Kurt. Ein deutscher Sonderweg? // Die Identität der Deutschen. Hrsg. W.Weidenfeld. – München; Wien: Carl Hansen Verlag, 1983.
9. Walser Martin. Stichworte zur geistigen Situation der Zeit. Hrsg. J. Habermas. – Frankfurt a. M., 1982. – Bd.1.
10. Walser Martin. Dorle und Wolf. – Frankfurt a. M., 1987.
11. Weidenfeld Werner. Die Identität der Deutschen – Fragen, Positionen, Perspektiven // Die Identität der Deutschen. Hrsg.: Werner Weidenfeld. – München; Wien: Carl Hansen Verlag, 1983. – 2 Auflage. – S. 13-49.
12. Wolf Christa. Sprache der Wende. Rede auf dem Alexanderplatz // Антология современной немецкоязычной литературы (1945-1996): в 2 т. /сост. Л.Х. Рихтер. – М.: МАРТ, 1999. – Т. 1.

«Элитарный английский» и его лексико-грамматическая специфика (лингвокультурологический аспект)

В статье выявляется лингвокультурологический потенциал лексических и грамматических средств, которые ассоциируются с разновидностью английского языка, используемой представителями высших слоев британского общества и обозначаемой рабочим термином «элитарный английский». Автор статьи дает лингвокультурологический обзор лексических и грамматических средств элитарного английского и его подтипов, а также проводит анализ прагматических и стилистических функций этих средств в художественном тексте. Элитарный английский рассматривается как неотъемлемая часть британской лингвокультуры, тесно связанная с прецедентными феноменами и системой стереотипов.

The article addresses the linguistic and cultural significance of what is termed upper-class English. The author describes its subtypes, offers an overview of its distinctive vocabulary and grammar features, and goes on to analyse their pragmatic and stylistic functions in fiction. Upper-class English is shown to be an integral part of the national language scene, closely linked to cultural traditions, precedent cultural phenomena and the system of linguistic stereotypes.

Ключевые слова: лингвокультура, лингвокультурологический потенциал, элитарный английский.

Key words: lingvoculture, linguistic and cultural significance, upper-class English.

Разновидности английского языка, используемые как в монокультурном, так и в межкультурном общении, неизменно привлекают внимание исследователей в связи с современными мировыми процессами. При этом наблюдается смещение научного интереса от собственно лингвистических характеристик к лингвокультурологическим, которые неотделимы от социального и культурного статуса говорящих. Если так называемый международный английский, особенно в деловой, юридической и политической сфере, допускает регламентацию, направленную на достижение единообразия за счет подавления лексико-грамматической вариативности [4], то в Великобритании английский язык остается подвижным, вариативным и в значительной мере социально стратифицированным. Коллективное языковое сознание фиксирует и оценивает его разновидности и отдельные проявления как престижные или порицаемые. Лингвокультурологические исследования призваны выявить динамику, социальную оценку и культурные функции вариантов национального языка.

Цель данной статьи заключается в выявлении лингвокультурологического потенциала лексических и грамматических средств, которые ассо-

цируются с речью представителей высших слоев британского общества. Эти средства формируют ту социальную разновидность языка, которая условно обозначается в нашей работе как «элитарный английский». В задачи исследования входит лингвокультурологический обзор лексических и грамматических средств элитарного английского и его подтипов, а также анализ коммуникативных и стилистических функций этих средств в художественном тексте.

Традиционный для лингвистики подход к изучению языковой вариативности заключался в том, что стандартная, нормативная манера речи, присущая образованным носителям языка и зафиксированная в письменных источниках, рассматривалась как немаркированная и использовалась в качестве точки отсчета при описании различного рода фонетических, лексических и грамматических подсистем – территориальных, профессиональных, регистрово-стилистических, возрастных, гендерных и прочих. Развитие лингвокультурологии выдвинуло на научную повестку дня иной угол зрения, под которым нормативное употребление языка тоже стало получать дифференцированное описание. От нейтральных явлений внимание переходит к наиболее «высоким» образцам (кавычки отражают бытовое оценочное отношение, базирующееся на социальных и культурных факторах, но не сущностное, онтологическое превосходство одной разновидности языка над другой) в пределах основной лингвокультуры. Поворот научного интереса в сторону «элитарного», то есть не просто нормативного, а, так сказать, высокостатусного использования языка представителями престижных социальных групп, заметен как в русистике [1; 2; 3], так и в англистике [7; 8; 10].

В теоретической и прикладной русистике традиционно уделяется большое внимание вопросам культуры речи. Культуру речи предлагается понимать как отбор таких языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении языковых и этических норм обеспечивают наибольший коммуникативный эффект [3, с. 13]. При таком понимании культура речи приравнивается к эффективному использованию языка. Это достаточно широкое определение, которое применимо не только и не столько к элитарному общению. Некоторые отечественные исследователи подчеркивают, что именно элитарная речевая культура должна быть предметом изучения [3, с. 13]. Это мнение, по-видимому, справедливо в отношении лингводидактики, тогда как для большинства гуманитарных дисциплин, и в первую очередь для лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, несомненный интерес представляют все разновидности национальной лингвокультуры. Такую точку зрения разделяют и зарубежные англисты, которые в последние десятилетия распространяют термин «диалект» на любую разновидность национального языка, в том числе и на область общенациональной нормы (так называемый *standard dialect*).

При этом в российской и зарубежной традициях обнаруживаются довольно значительные расхождения в понимании и оценке элитарной речевой культуры. В русистике носителями элитарной культуры считаются выдающиеся представители творческой интеллигенции, в первую очередь, мастера слова [1, с. 6]. Иными словами, при определении понятия элитарности российская традиция исходит из интеллектуального, творческого характера деятельности человека и общественного признания успеха этой деятельности – собственно, эти факторы и обеспечивают человеку общественное уважение и высокий общественный статус.

В свою очередь, британская традиция при определении элитарности ставит во главу угла сугубо классовый признак. Класс как социальная реальность пронизывает, согласно исследованиям британских культурологов и социологов, все стороны жизни и культуры англичан. О классовой принадлежности человека судят по сложной совокупности признаков, трудно уловимых для представителей иной культуры. К этим признакам относят организацию быта человека, обстановку его дома, марку автомобиля, стиль в одежде, место и способ делать покупки и многое другое. Для англичан, по наблюдениям К. Фокс, значимы даже такие мелкие, на первый взгляд, детали, как содержание собственного автомобиля: привычка самостоятельно мыть его по выходным, прибегать для этого к услугам автосервиса или же полагаться на английскую погоду, которая рано или поздно смоет налипшую грязь. Среди индикаторов социального статуса особое место занимают речевые привычки: выбор лексических и грамматических средств, тип произношения, фатические средства установления контакта [6, р. 15]. Как подчеркивает Д. Кристал, именно речь – в большей степени, чем одежда, мебель и другие внешние атрибуты – служит основным показателем социального статуса [5, р. 364].

Поддержанию классовых различий в Великобритании способствует уважение к традициям и сохранение института монархии. Поскольку на вершине общественной иерархии стоят король или королева и члены королевской семьи, понятие элитарности, в первую очередь, связано именно с ними. Их появления на публике широко освещаются средствами массовой информации, что стимулирует интерес общества к представителям элиты. Общеизвестно, что отношение к монархическому строю в целом и к отдельным членам королевской семьи в Великобритании неоднозначно, и это делает их объектом пристального внимания как со стороны приверженцев, так и со стороны противников монархии.

При описании речевых характеристик представителей этой эксклюзивной группы и, шире, высшего общества используется несколько обозначений. Необходимо уточнить соотношение ряда сходных терминов, связанных с элитарной речью и ее рассмотрением в британской лингвокультурологии. С одной стороны, это the King's (или Queen's) English, то

есть нормативный, образцовый английский язык, который не является прерогативой правящей элиты. Данную разновидность английского языка, в той или иной модификации, используют и тем самым поддерживают наиболее образованные слои общества. С этой престижной разновидностью языка тесно ассоциируется так называемое образцовое произношение, Received Pronunciation, или RP, которое поддерживают королевская семья, Палата лордов, Верховный суд, англиканская церковь, привилегированные частные школы, университеты Оксфорда и Кембриджа и другие социально значимые институты. Считается, что данный тип произношения присущ лишь трем процентам населения Великобритании [5, p. 365]. Именно этот тип произношения до последнего времени использовался в лингводидактике, а также – в качестве точки отсчета – при описании диалектного варьирования английского языка.

С другой стороны, это так называемый «The King's (или Queen's, или Monarch's) English», то есть та совокупность языковых средств, которая используется самим монархом [10, p. 4-5]. Заметим, что для терминологического разграничения употребление кавычек играет принципиальную роль. Важно и то, что первый из упомянутых терминов включает в себе положительную оценочность, тогда как второй сам по себе не предполагает однозначной положительной или отрицательной оценки. Более того, отдельные исследователи утверждают, что в фонетическом плане речь нынешнего монарха Елизаветы I, следует не образцовому RP, а совершенно иному типу произношения [12, с. 43].

Относительно новый термин *royalese*, который ввела в научный обиход К. Уэйлз [10], наиболее близок по своему содержанию к понятию элитарного английского. Этим обобщающим термином обозначаются речевые особенности монарха, представителей британской королевской семьи и титулованной знати. Из наблюдений над работами К. Уэйлз и других британских лингвистов и культурологов можно заключить, что элитарный английский распознается, прежде всего, на фонетическом уровне, но в то же время носители английского языка, обладающие развитым языковым сознанием, безошибочно распознают в нем лексические, а также немногочисленные, но частотные грамматические индикаторы, которые и составляют предмет нашего исследования.

Среди большого разнообразия британских традиций существует множество таких, которые непосредственно связаны с речевой деятельностью. Некоторые коммуникативные коды описаны, например, в работе К. Фокс [6, с. 23-108]. К ним можно добавить традицию сетований на ухудшение английского языка; она поддерживается образованными говорящими старшего поколения и качественной прессой. Другая традиция, которая поддерживается широкими слоями населения и популярной прессой – это гротескное пародирование элитарного английского. Обь-

ектами пародий служат сама королева и ее ближайшие родственники. По мнению культурологов, это речевое пародирование выполняет две социальные функции: выражает насмешливо-ироническое отношение к членам королевской семьи и способствует консолидации читательской аудитории популярной прессы [7]. Сам факт такого пародирования свидетельствует о том, что в обществе выработались стереотипные представления об элитарном английском: в значительной мере утрюрованные, большей частью отрицательно оцениваемые рядовыми носителями языка.

Лексические черты элитарного английского, которые сводятся к особенностям словоупотребления, с середины прошлого века обозначаются специфическим однобуквенным термином U; в противовес этому, синонимичные языковые выражения, которых избегают представители элиты, обозначаются термином non-U, что означает, соответственно, upper-class и non-upper-class words. Правда, многие ученые избегают этих обозначений, считая их не собственно научными, а социальными, оценочно-импрессионистическими. Действительно, среди представителей высшего общества отмечается использование U и non-U для противопоставления любых различительных признаков «своих» (U нередко истолковывается как *us* – ‘мы’, ‘такие, как мы’, ‘наши’) и «чужих» (non-U – ‘другие’, ‘не такие, как мы’, ‘не наши’). В любом случае, синонимичные слова и выражения, разнесенные по этим двум категориям, выполняют роль шибболета, то есть диагностического языкового признака, по которому собеседник распознается как «свой» или «чужой». К. Фокс указывает, что эта дихотомия, предложенная писательницей Нэнси Митфорд, является далеко не исчерпывающей: она не учитывает множество более тонких различий, которые знаменуют границу между субкультурами рабочего класса и нижних слоев среднего класса, а также средних и верхних слоев среднего класса, однако фиксируются в основном специалистами [6, с. 75-83]. Исследователи более или менее единодушны в отборе основного состава лексических единиц, противопоставляемых по признаку U – non-U [10, с. 7; 5, p. 364; 6, p. 76-81]. К ним относят следующие пары:

Лексика «U» (элитарная)	Лексика «non-U» (стандартная или разговорная)
America	The States
cake	pastry
helping	portion
Ice	ice cream
lavatory	toilet
looking-glass	mirror
pudding	sweet, dessert
relatives	relations

Rich	wealthy
Royalties	Royals
Scent	perfume
Scurf	dandruff
Sick	ill
sitting room, drawing room	lounge
Sofa	settee
spectacles	glasses
(table) napkin	serviette
wireless	radio
writing paper	notepaper

Некоторые из этих противопоставлений, как замечают лингвисты, сегодня менее актуальны, чем прежде, и данный список может быть продолжен (как за счет других единиц, так и за счет включения допустимых синонимичных номинаций), однако приведенная выше U-лексика распознается как таковая носителями британского английского, а потому широко используется в газетных пародиях и художественной литературе.

Более того, эти примеры заставляют вспомнить и, возможно, переосмыслить прецедентные феномены английской культуры. Знаменитый роман Л. Кэрролла называется «Through the Looking-Glass and What Alice Found There». Известный лимерик об отправленном в подарок флаконе духов гласит: «Her thanks were so cold / That they quarreled, I'm told, / Through that silly scent Willie sent Millicent». Устойчивая метафора, соответствующая русской «бедные родственники», звучит как poor relations.

В словарях единицы «элитарного» слоя лексики «U» нередко сопровождаются пометами formal (spectacles), British или mainly British (scent; pudding в значении ‘сладкое’, ‘десерт’; lavatory) old-fashioned (wireless). Однако ряд единиц из этого списка приводится словарями без каких бы то ни было помет, и это, по-видимому, свидетельствует о более зыбких, менее уловимых различиях между лексикой “U” и “non-U” (rich / wealthy, sick / ill). В представлении многих русскоязычных читателей английского текста противопоставление sick / ill связано прежде всего с предпочтениями американского и британского вариантов английского языка. Электронный корпус словаря Collins COBUILD вообще не фиксирует употребления sick в устной речи британцев, что свидетельствует о тяготении этого прилагательного к официальному регистру и письменному каналу речи в британском английском. Но собственно элитарный британский узус прилагательного sick, определяющий его культурную заряженность, остается, образно говоря, за кадром.

Помимо королевской семьи, к элите британского общества причисляют также узкую прослойку обеспеченных молодых людей (преимущественно женщин) из высшего общества, обозначаемых ироничным термином Sloane Rangers. Эти «праздношатающиеся», избавленные от

необходимости зарабатывать на жизнь, облюбовали для себя престижные районы Лондона (подобные Слоун-сквер), следят за модой, ездят за покупками в самые дорогие магазины, проводят время на светских мероприятиях; многие считают их недалекими. Их речь носит несколько аффектированный характер. Ее индикаторами служат именованья родителей *Mummy* и *Daddy*, хотя в норме такой узус ограничивается детским возрастом, пристрастием к сокращениям (*fave* = *favourite*; *fab*, *fabbo* = *fabulous*; *Merc* = *Mercedes*), к частотному употреблению отрицательно-оценочного прилагательного *ghastly* и выражения *OK yah* [15, p. 1247; 9, p. 5]. Интересно, что эти речевые предпочтения элитарной прослойки общества характеризуются словарями как единицы сниженного, неофициального регистра речи. По наблюдениям исследователей, английская элитарная культура в некоторых своих проявлениях странным образом смыкается с культурой довольно низких слоев общества. Одним из объяснений этого феномена служит то обстоятельство, что воспитанием детей в семьях элиты занимаются нянюшки из народа. Соединение «элитарного» и «низкого» в речи как нельзя лучше демонстрируют именно единицы «Слоун-язы» (*Sloanespeak*).

Грамматические индикаторы элитарного английского немногочисленны. Прежде всего, в публичной речи представители элиты избегают местоимения первого лица единственного числа. Его типично заменяет неопределенное *one*, получившее название *the "Royal ONE"*, хотя его функционирование не ограничено пределами королевской семьи и довольно легко перенимается нетитулованными лицами, приближенными ко двору, в том числе и обслуживающим персоналом. К. Уэйлз приводит многочисленные примеры такого употребления: *It was a sad moment leaving one's family on the tarmac, waving one goodbye; One hesitates to use such a trite word as delighted, but of course one IS delighted; One says to oneself: 'Oh God, there's one's daughter'; One's bank manager feels one is unstable and unreliable.* Наряду с этим отмечается и распространение местоимения *one* на сферу 2-го лица: *Be careful how you go up the ladder, Sir Anthony. One could have a nasty fall* [10, p. 9]. В общеупотребительном английском неопределенное местоимение *one* используются преимущественно в общих суждениях как показатель всеобщности. В элитарном английском тенденция к расширению функций местоимения *one* объясняется лингвистами тем, что представителям правящих кругов нередко приходится рассуждать перед слушателями на общие темы, вследствие чего высказывания о конкретных событиях тоже начинают приобретать характер «гиперкорректных» обобщений [10, p. 9]. С нашей точки зрения, *one* в элитарном английском выполняет функцию дистанцирования и обеспечивают соблюдение постулата скромности, позволяя говорящему не выпячивать собственное «я».

Наряду с местоимением *one*, индикатором элитарного английского считается «королевское *WE*», которое, в отличие от «королевского

ONE», ассоциируется с собственно королевским статусом. Его употребление берет свое начало в классической латыни. Правда, в речи нынешней королевы «королевское WE» в чистом виде почти не встречается: оно практически всегда сводимо к инклюзивному *we*. Даже хрестоматийное высказывание королевы Виктории «*We are not amused*» документально не зафиксировано, а лишь приписывается ей молвой и словарями цитат. Можно было бы предположить, что «королевское *we*» – это явление из области языковых мифов; однако такая форма, мгновенно растиражированная прессой как признак мании величия, не раз фиксировалась в речи премьер-министра Маргарет Тэтчер, например: «*We are very happy we are leaving the UK in a very, very much better state than when we came here 11 years ago*» или, что еще более наглядно, «*We are a grandmother*» [10, p. 9]. Функция «королевского WE» заключается в том, что оно трансформирует личный опыт говорящего в событие общественной важности.

Королева Елизавета II, говоря о себе и своем муже, принце-консорте, сопровождающем ее в официальных поездках, неизменно употребляет сочинительное словосочетание *my husband and I*. Характерно, что это выражение включено в Словарь английского языка и культуры именно как пример элитарного английского, то есть со ссылкой на речь королевы, но наряду с этим получает и дополнительную трактовку как шутовское или ироническое выражение из области женской речи, заменяющее простое *we* [15, p. 650].

Наглядные примеры пародийного использования элитарного английского дает роман британской писательницы Сью Таунсенд «*The Queen and I*»: это сатирическая фантазия в духе республиканских настроений, опубликованная в Великобритании в 1992 году. Среди персонажей этого произведения – королева Елизавета II, ее муж герцог Эдинбургский и родная сестра принцесса Маргарита, королева-мать, дочь королевы принцесса Анна, принц Эдвард, принц Чарльз и его жена принцесса Диана. Всем им пришлось переехать из своих резиденций в более чем скромные муниципальные жилища. Для читателей – представителей иных культур, владеющих английским языком, но не осознающих различий между лексикой *U* и *non-U*, предметное содержание элитарной речи указанных персонажей, безусловно, будет понятным, тогда как сугубо классовый характер языковых предпочтений, возможно, останется без внимания. Между тем этот роман может, без преувеличения, служить пособием по лексике и грамматике элитарного английского.

Характерной чертой этого произведения является мозаичность стиля, включение в него самых разнообразных социальных диалектов английского языка; при этом эксплицитное выражение авторской языковой рефлексии представлено лишь единичными случаями, что предполагает знакомство читательской аудитории с вышеупомянутыми явлениями.

Прежде всего, автор широко использует лексический индикатор элитарного английского *ghastly* и даже создает его аккумуляцию в пределах одного высказывания: (1) Margaret burst out, "But we can't just sit here and watch her *die*, not in this ghastly little room, in this ghastly bungalow, in this ghastly close, on this ghastly estate" [13, с. 132]. В другом примере из речи той же принцессы Маргариты прилагательное *ghastly* аккумуляруется в двух последовательных репликах: (2) «Lilibet, you look ghastly! <...> ... with a ghastly little man from the Social Security [13, с. 83]. То же прилагательное отмечено в письменной речи принца Чарльза. Таким образом, оно проходит пунктиром через текст романа, образуя одну из стилистических доминант: (3) «It is ghastly in here» [13, с. 128].

Наряду с аккумуляцией и «пунктирным» включением индикаторов элитарного английского, в тексте романа можно найти прием столкновения лексики «U» и «non-U»: (4) Violet handed her a paper napkin and said, «Ere, have a serviette, Liz». And the Queen, instead of taking offence at the over-familiarity, thanked Violet, took the napkin and wiped her coat [13, с. 55]. Ряд других лексических индикаторов представлен единичными, точечными включениями в текст, например: (5) She smells of cheap scent and cigarettes, thought Charles [13, с. 91]; (6) ... he's my absolute fave... [13, с. 137].

Из грамматических черт элитарного английского в тексте романа многократно фигурирует так называемое «личное ONE» – и в аккумулятивных, и в «пунктирных» употреблениях. Диапазон его функций достаточно широк. На одном полюсе находятся высказывания, содержащие некоторый элемент обобщения смысла: (4) «Evening, madam. Settling in all right?» The Queen smiled and nodded. «Yes, finding one's way» [13, с. 137]. Королеву спрашивают, как они с супругом обживаются в муниципальном доме. Ответ королевы, демонстрирующий привычный отход от грамматики 1-го лица, имплицитно утверждает общую истину о том, что люди способны адаптироваться к новым обстоятельствам.

На противоположном полюсе находятся высказывания, производящие откровенно комический эффект из-за конфликта между элитарным синтаксисом и весьма приземленным предметом речи: (5) «There's no lavatory paper, Lilibet», whispered the Queen Mother. «How does one obtain lavatory paper?» <...>. «One has to buy it from a shop», said Charles <...>. «One does?» [13, с. 41]. Здесь использован продемонстрированный в (1) и (2) авторский прием аккумуляции одного из средств элитарного английского. Королева-мать, которая чрезвычайно далека от житейских дел, замечает, что в ее муниципальном жилье отсутствует туалетная бумага, и пытается выяснить, как ее получить. Услышав от внука, что за этим товаром нужно ходить в магазин, она недоверчиво уточняет: «Самим?». Комический эффект усилен курсивом, который дополнительно выделяет финальное *one*.

Стереотипная сочинительная группа *my husband and I*, о которой говорилось выше, а также ее модификации включаются в роман многократно; эти включения образуют стилистическую доминанту, еще более значимую, чем доминанта *ghastly*, поскольку рассматриваемая группа вынесена в сильные текстовые позиции: название главы 27 [13, с. 188] и заглавие всего романа, *The Queen and I*. В этом заглавии носители британской лингвокультуры усматривают явную аллюзию на прецедентный феномен – все та же сочинительную группу: (6) ... *the Republican Party suggested that my husband and I must get used to coping for ourselves* [13, с. 13]; (7) *For the Queen and I* [13, с. 100]. В примере (7), произносимом женщиной из низов, комический эффект усилен типичным гиперкорректным употреблением формы именительного падежа местоимения *I* после предлога (вместо нормативной объектной формы *me*).

Итак, в соответствии с поставленными задачами мы охарактеризовали лексико-грамматический диапазон достаточно диффузной социальной разновидности британского варианта английского языка – «элитарного английского». В основе этого этноспецифического явления лежит престижный литературный узус, на который в речи разных элитарных социальных групп накладываются так называемые *royalese* (по сути дела, «монархическая грамматика»), *the Monarch's English* (идиолект короля / королевы), *Sloanespeak* («Слоун-яз») и «U» (элитарная лексика). Стереотипные представления об элитарном английском лежат в основе традиции пародирования королевской семьи; эта традиция поддерживается популярной прессой и художественной литературой. В литературном тексте стереотипные проявления элитарного английского, немногочисленные по составу, способны образовывать сквозные стилистические доминанты, привносить в текст типично английскую иронию и создавать комический эффект. Элитарный английский составляет неотъемлемую часть британской лингвокультуры: его основные индикаторы связаны с прецедентными феноменами и без труда распознаются носителями языка; в то же время для представителей других этносов их культурная заряженность далеко не всегда оказывается очевидной.

Список литературы

1. Белунова Н. И. Элитарная речевая культура и ее основные особенности (на материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в.). – СПб., 2009.
2. Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной языковой культуры: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1999.
3. Культура русской речи и эффективность общения / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М., 1996.
4. Петрова Е. С. Политика Евросоюза в области перевода на английский язык и аспекты грамматической вариативности // *Англистика в XXI веке*. – СПб., 2010. – Вып. V.

5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge, 2001.
6. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. – Boston; London, 2008.
7. Goodman S. «One» and the Pun: How newspapers keep the Monarchy in its place // Language and Literature. – 1997. – Vol. 6. – N 3. – P. 197-209.
8. Petrova E.S. Do We Speak the Same Language? // Петрова Е.С., Тонкова Н.И. Современный английский язык в новинках британской литературы: лингвострановедческий комментарий и упражнения к книге Сью Таунсенд «Королева и я». – СПб., 1999. – С. 4-8.
9. Petrova E. S. Language Variation: «Englishes» in Fiction // Collection of Papers on Language, Cultural and Literary Issues, ELT Methodology and Psychology. – Usti nad Labem, 2004. – P. 13-22.
10. Wales K. Royalese: the rise and fall of 'The Queen's English' // English Today. – 1994. – Vol. 10. – N 3. – P. 3-10.
11. Wales K. A Dictionary of Stylistics. – Harlow, 2001.
12. Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics. – Oxford, 1992.

Список источников иллюстративного материала

13. Townsend S. The Queen and I. – СПб., 1999.

Список словарей

14. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. – Harper-Collins Publishers, 2003 (on CD-ROM).
15. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harrow, 1993.

Метафорическая репрезентация концепта национальная культура

В статье рассматривается концепт национальная культура и модели его метафорической концептуализации.

The article considers the concept national culture and models of its metaphoric conceptualization.

Ключевые слова: метафорическая концептуализация, национальная культура.

Key words: metaphoric conceptualization, national culture.

Исследование национальной специфики языкового сознания этноса представляет собой актуальную научную задачу, решение которой предполагает рассмотрение многих вопросов, в том числе, касающихся определения понятия этнос и роли языка в его идентификации.

Для начала определим, что мы будем понимать под словом *этнос*. Согласно исследованиям Л. Н. Гумилева, «этнос – коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам» [1, с. 40], а также «специфическая форма существования вида *Homo sapiens*» [1, с. 44]. Подчеркивая неоднородность и многозначность понятия, Л.Н. Гумилев указывает на то, что раскрыть его сущность можно только выявив все присущие ему признаки (язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология) и взаимоотношения между ними. Поскольку все перечисленные признаки не всегда являются определяющими, что следует из результатов исследования ученого, представленных в монографии, то имеет смысл согласиться с выводом, что «вынести за скобку мы можем только одно – признание каждой особи: мы такие-то, а все прочие – другие» [1, с. 41].

Может ли в этом случае язык являться константным признаком этноса, тем фактором, который способствует проведению границы между «мы» и «не мы»? Попробуем ответить на это вопрос, принимая во внимание точки зрения разных ученых.

Я. Качала пишет, что «наиболее характерной особенностью современных национальных сообществ является их одноязычие: таким образом, нации – это такие сообщества, представителей которых объединяет прежде всего общий язык, что, в свою очередь, отличает данное национальное сообщество от других. Пример как словацкой нации, так и многих других европейских наций показывает, что национальный язык

является наиболее существенным этнообразующим фактором не только при формировании нации, но и в условиях её дальнейшего существования. Безусловно, не случаен тот факт, что у большинства европейских наций название языка и соответствующей нации образованы от одного корня. Таковы пары: французский язык – французская нация, польский язык – польская нация, немецкий язык – немецкая нация и т. д.» [2, с. 57]. Такая аргументация, на наш взгляд, не является вполне убедительной. Тем более, если принять во внимание замечание Л. Н. Гумилева о том, что «реальный этнос и этноним, т.е. этническое наименование, не одно и то же». Ученый подтверждает данный тезис результатами собственного исследования, согласно которым слово *римляне*, означавшее вначале граждан полиса Рима, впоследствии стало использоваться для наименования почти всех италиков и даже жителей провинции не латинского происхождения, в том числе: греков, евреев, берберов, галлов, германцев и др. Понятие римлянин наполнилось другим содержанием. «Отсюда вытекает, что слово меняет смысл и содержание и не может служить опознавательным признаком этноса», – пишет Л. Н. Гумилев [1, с. 45-46]. Поскольку «этническое название или даже самоназвание и явление этноса как устойчивого коллектива особой вида *Homo sapiens* отнюдь не покрывают друг друга, филологическая методика, исследующая слова, для этнологии неприемлима», – делает вывод Л. Н. Гумилев [1, с. 45].

Таким образом, первичное приближение к проблеме выявило диаметрально противоположные позиции ученых относительно роли языка в процессе этногенеза, под которым вслед за Л.Н. Гумилевым мы будем понимать «процесс возникновения и исчезновения этноса, установление принципиальных различий этносов между собой и характер этнической преемственности» [1, с. 41].

Соглашаясь, в принципе, с аргументами не в пользу языка как определяющего признака этноса, позволим предположить, что анализ языковых средств, используемых историками в ходе освещения данной проблематики, особенно если таковой не ограничивается чисто «филологическим методом», а осуществляется на базе лингвокогнитивного подхода, предполагающего учет особенностей концептосферы того или иного народа, может помочь пролить свет на закономерности преобразования этнических коллективов в процессе этногенеза.

Чтобы не быть голословными, обратимся к некоторым историческим контекстам, в которых актуализируется концепт *национальная культура*. Выбор предмета анализа обусловлен очевидностью представления того, что существование этноса вне культуры невозможно, и именно обычаи, традиции, верования и ценности определяют путь, по которому идет развитие того или иного народа. Подтверждение этой мысли находим у Э. А. Орловой: «Этническая принадлежность и культу-

ра тесно связаны. Этническая группа выражает долговременные социокультурные устремления людей и сохраняет традиционные черты культуры» [5, с. 231].

Думается, что исследуемый концепт следует отнести к разряду гештальтов, то есть рассматривать его как «комплексную, целостную функциональную мыслительную структуру, упорядочивающую многообразие отдельных явлений в сознании» [6, с. 119].

На самом деле, понятие *национальная культура* не является простым и однозначным и включает в себя целый ряд составляющих (традиции, верования, обычаи, язык, моральные нормы и т.д.), которые находятся между собой в отношениях взаимозависимости и взаимообусловленности. Вместе с тем, оно существует в нашем сознании как целостный образ (гештальт), объединяя статические и динамические аспекты отображаемого явления.

Что касается принадлежности концепта к определенной группе носителей, то с этой точки зрения его можно отнести к универсальным концептам, хотя, в силу своей самобытности, которая объективирована в самой его номинации, он может обнаруживать национальную специфику. По степени абстрактности содержания он, несомненно, является абстрактным, а не конкретным, так как представляет собой продукт ментальной деятельности человека, а не артефакт.

Попытаемся выявить некоторые способы имплицитной вербализации вышеназванного базового концепта с целью детализации его смыслового содержания. Так как чем глубже (объективнее) наше представление о предмете, тем с большей долей вероятности можно прогнозировать способы его актуализации в мире. На наш взгляд, из всех «неявных» способов языковой репрезентации концепта наиболее релевантным в плане обеспечения его понимания является метафора, которая «рассматривается нами, прежде всего, как способ интерпретации исторического события или явления» [4, с. 59], к коим, несомненно, можно отнести и предмет нашего исследования в данной статье, учитывая, что «этнос возникает и исчезает в историческом времени, хотя и относительно устойчив» [1, с. 40].

Обратимся теперь к анализу исторических контекстов, в которых рассматриваемый нами концепт вербализуется в рамках единой метафорической модели, а именно: *национальная культура есть исчезающий биологический вид*. «The ancestors of those who survived and are still living on reservations today are now attempting to keep their culture alive in the tradition of Sequoyah, a half-Cherokee who, in 1823, invented a system for writing the Cherokee language» [7, с. 49; здесь и далее подчеркнуто нами. – Е.С.]. Языковое выражение “to keep their culture alive” базируется на предположении, что понятие культуры в сознании человека может структурироваться в виде живого существа, жизнеспособность которого зависит

от готовности человека сохранить ему жизнь (attempting to keep alive). Это живое существо может находиться под угрозой исчезновения (endangered), пытаясь, несмотря на свою уязвимость (fragile, broken), выжить (to survive). «American Indian cultures and languages, although fragile, broken, and endangered, continue to survive to this day» [7, с. 49]. Однако процесс вымирания (dying out) и исчезновения (disappearing) живых существ продолжается, и они находятся на грани вымирания (at risk of extinction). «The result: rich Native American traditions and customs are gradually disappearing or dying out. And because these native languages are not being preserved, they are at risk of extinction» [7, с. 49].

В следующем контексте процесс ликвидации, уничтожения (extinguish) культуры рассматривается как результат определенной политики, и концептуализируется в терминах безжалостного отношения человека к миру растений, которые вырывают с корнем (eradicate), не оставляя даже следов их существования (erase): «The ultimate intention of this policy was to extinguish the Native Americans' culture by eradicating their beliefs, traditions, languages, and religions in a single generation – in effect, to erase the Native Americans' traditional culture» [7, с. 49].

Подобно заповедным зонам, создаваемым для защиты и охраны редких видов животных и растений, в обществе создаются музеи, призванные обеспечить сохранность (preservation) и изучение (study) образцов культуры, формируя ценностное отношение (appreciation) людей к выставляемым оригинальным, подлинным (indigenous) экспонатам. «A welcome movement is occurring in the Native American community, one that promotes appreciation and preservation of indigenous cultures and their languages» [7, с. 47]; «This museum is dedicated to the preservation, study and exhibition of the life, language, literature, history and arts of the Native Peoples of the Western Hemisphere» [7, с. 49].

Анализ языковых средств, обеспечивающих метафорическую репрезентацию исследуемого нами концепта на вербальном уровне, показывает, что рассматриваемое явление (национальная культура) во многом схоже с нашими представлениями об исчезающем биологическом виде.

Систематизируем наши наблюдения, исходя из представленных выше примеров. Итак, говоря о проблеме исчезновения культуры американских индейцев, авторы текстов используют следующие лексические средства: endangered, disappearing, dying out, extinguish, eradicating, erase, которые, несомненно, вызывают ассоциации с проблемой разрушения природной среды обитания человека, а также – appreciation, preservation, study, to keep alive, напоминающие о необходимости предотвратить возможные драматические последствия этого процесса. Подобная метафоризация носит онтологический характер, так как абстрактный концепт, структурно представляющий собой универсально используемый гештальт (целостный образ), трактуется в терминах конкретных событий, имеющих место в материальном мире.

Зададимся вопросом: почему, говоря о судьбе культуры исчезающего народа, авторы исторических текстов прибегают к метафорической концептуализации, относящей нас к проблеме исчезновения некоторых биологических видов? Является ли подобное ментальное видение проблемы случайным? Нет, если согласиться с концепцией известных американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона относительно метафорической природы нашего мышления, включающей идею о том, что «наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность» [3, с. 267]. Поскольку понятийная система далеко не всегда осознается нами, одним из способов ее постижения является обращение к естественному языку, так как именно «язык выступает как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет» [3, с. 267]. Следовательно, анализ выбора языковых средств, используемых говорящим при освещении той или иной проблемы, может способствовать либо выявлению его имплицитных, не всегда осознаваемых представлений о ней, либо подтверждать истинность тех или иных выводов и умозаключений, к которым он приходит в процессе ее (проблемы) изучения. Тогда, исходя из результатов метафорического анализа вышеприведенных контекстов, можно предположить, что законы этногенеза, предполагающие исчезновение одних народностей и появление других, идентичны закону естественного отбора, управляющему явлением биоценоза (способами взаимодействия живых организмов между собой).

Такой вывод перекликается с мнением, высказанным Э. А. Орловой: «Этнические характеристики приобретаются не с помощью личного выбора, а через культурное наследование, потому так велика роль традиции в поддержании этнической общности. Традиция функционирует так же, как биологический естественный отбор, регулирующий появление нового» [5, с. 231]. Параллель с законами природы проводит и Л. Н. Гумилев, говоря о сути этнической традиции: «Даже когда нашествие англосаксов грозило индейцам физическим истреблением, они мужественно отстаивали именно свой образ жизни, хотя, обросив его, они имели все шансы смешаться с колонистами и не погибнуть. Этническая традиция оказалась сильнее даже инстинкта самосохранения» [1, с. 76].

Предпринятая попытка приблизиться к сути концепта *национальная культура* позволяет заключить, что анализ способов метафорической репрезентации смыслов концепта может привести исследователя не только к выводам, носящим лингвистический характер, но и способствовать осознанию закономерностей функционирования описываемого явления, что имеет весомое значение для определения роли лингвистики в изучении вопросов, касающихся истории людей и истории природы (этносферы).

Список литературы

1. Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. – М., 2008.
2. Качала Я. Язык и национальная самоидентификация (на примере словацкого национального языка) // Язык. Культура. Этнос. – М., 1994. – С. 51-61.
3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Актуальные проблемы современной лингвистики. – М., 2008.
4. Мусаева Е. М. Метафора как средство формирования национально-специфической картины мира // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Серия филология. – СПб., 2006.
5. Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию // Теория языка: учебн. пособие / под ред. В. Д. Бондалетова. – М., 2006. – С. 12-26.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М., 2007.

Источник иллюстративного материала

7. Underwood C. and R. The First Americans: a Brief History // English Teaching Forum. – 2004. – С. 47-50.

Культурологический комментарий во фразеологическом словаре

В статье анализируется одно из новейших составляющих фразеологического словаря в истории лексикографии – культурологического комментария, показывающего, что ФЕ являются самым ярким культуроносным слоем языковых единиц.

The paper deals with analysis of one of the most recent innovations in the phraseological dictionary in the history of lexicography – culturological comment which shows that phraseological units is the brightest cultural-revealing layer among language units.

Ключевые слова: словарная статья, культурологический комментарий, образ фразеологизма, инновация.

Key words: dictionary entry, culturological comment, imagery of the phraseologism, innovation.

Всего несколько лет назад вышел в свет и почти сразу же стал библиографической редкостью «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» под редакцией В. Н. Телия [2]. Этот необычный, новаторский во многих отношениях труд, сразу привлек внимание не только лингвистов, но и культурологов, социологов, историков, писателей, журналистов, а также преподавателей словесности.

Культурологический комментарий, который впервые в мировой практике вводится в формат словарной статьи, представляет собой самую инновационную часть данного словаря. Дело в том, что культурологический комментарий соотносит фразеологическую единицу со сферой культуры как особой знаковой системой и на основе этого соотношения выявляет и описывает живущие в ФЕ смыслы, культурно релевантные для их значения и употребления. Важность такого комментария состоит в том, что он восстанавливает вертикальный контекст ФЕ [7, с. 134], оживляя фон окультуренного осознания мира человеком, и тем самым способствует прояснению мотивированности культурных смыслов в значении каждой конкретной ФЕ. Еще одна инновация данного словаря заключается в том, что в нем впервые разграничены три зоны культурологического комментария, а именно: этимологическая зона, страноведческая зона и собственно культурологическая зона.

Назначение этимологической зоны состоит в пояснении слов-компонентов или фразеологизмов в целом, непонятных по своей исходной внутренней форме для носителей современного русского языка (напр., *строить куры кому-л., между Сциллой и Харибдой*).

В страноведческой зоне разъясняется значение безэквивалентной лексики, входящей в состав фразеологизмов (напр., *кисейная барышня*, *бить баклуши*, *разводить турусы на колесах*), или значение сочетания в целом, содержание которого связано с деталями быта, традициями, событиями, имевшими место в истории России (напр., *спустя рукава*, *Мамаево побоище*, *из грязи да в князи*). Факт размытости границ между двумя этими зонами вызывает необходимость этимологического разъяснения безэквивалентной лексики, сохранившейся в составе лишь немногих фразеологических единиц. Компонент *турусы*, например, имеет следующее разъяснение: осадные башни из бревен, которые перекатывались на низких и толстых деревянных колесах. Такие башни применялись обычно татаро-монголами наряду со стенобитными орудиями и метательными машинами при осаде средневековых городов, окруженных толстыми деревянными или каменными стенами [ср. *turres ambulatoriae* ‘передвижные башни’ у древних римлян, а также франц. *tour* (букв. ‘башня’) – название сделанной в виде башни шахматной фигуры туры (ладья)]. В русских летописях такие турусы упоминаются неоднократно. С турусов, подкатываемых под самые городские стены, в осажденных пускали тучи стрел, металы камни и зажигательные снаряды. На них были и окованные металлом бревна, которыми прошибали стены. Рассказы о таких передвижных осадных башнях, передаваемые из уст в уста, дополнялись невероятными подробностями и потому воспринимались как выдумки.

Зону собственно культурологического комментария составляет интерпретация (то есть истолкование фразеологической единицы в пространстве культуры, или её концептосфере), прослеживающая во фразеологических единицах линии отображённых в них смысловых связей по всем известным формам осознания мира человеком, описанным в работах культурологической направленности.

В собственно культурологическом комментарии словаря рассматриваются следующие вопросы:

1) соотносённость образа фразеологической единицы в целом или отдельных ее компонентов с *древнейшими пластами культуры*: архетипическими противопоставлениями; мифологическими представлениями об устройстве мира; конкретными текстами мифов; ритуалами (в том числе – их рефlekсами – обычаями, обрядами, оберегами; с библейскими слоями культуры;

2) соотносённость образа ФЕ в целом или отдельных ее компонентов с *фольклорно-литературными источниками*;

3) соотносённость образа ФЕ в целом или отдельных ее компонентов с *кодами культуры*;

4) соотносённость образа ФЕ в целом или отдельных ее компонентов с *видами тропов*;

5) соотнесенность образа ФЕ в целом или отдельных ее компонентов *с языком культуры*, т.е. указание на ту роль, которую выполняет образ ФЕ в целом или отдельные ее компоненты как знаки языка культуры;

6) типы *текстов (дискурса)*, где зафиксировано, как типично или продуктивно функционирует ФЕ;

7) образные аналоги (эквиваленты, близкие по смыслу устойчивые выражения и т.п. в других языках.

На примере одного фразеологизма покажем, какую информацию может содержать зона культурологического комментария.

[КАК] НЕБО И ЗЕМЛЯ кто, что быть. Данный фразеологизм имеет значение *ничего похожего* и сопровождается следующим культурологическим комментарием:

(1а) Фразеол. восходит к древнейшим формам коллективно-родового осознания и моделирования мира-хаоса и связан с архетипическим (древнейшим в культурном освоении мира) противопоставлением «верх – низ». При делении космоса по вертикали на небо, землю и преисподнюю **небо** как верхняя зона связывается с «высшими силами», с богами и представляет сферу духа, а нижняя зона (**земля**), являясь материальной сферой, остаётся местом обитания людей и животных, пространством смертного человечества, под которым размещается подземный мир.

(1б) Образ фразеол. отображает также древнейшие мифологические представления о **земле** и **небе** как о божественной супружеской паре (**небо** связано с мужским, а **земля** с женским началом; ср. *небо-отец, мать-земля*), восходящие к мифу о Священном браке **земли** и **неба**, союз которых послужил началом творения мира и жизни во вселенной. Символами этого союза являются дождь, дающий жизнь растениям и животным, а также молния, от удара которой рождаются люди, отмеченные особыми дарованиями;

(2) ср. славянское предание о рождении волхвов [4, I, с. 466].

(3) Образ фразеол. через компоненты **земля** и **небо** соотносится с природно-ландшафтным кодом культуры, т. е. с совокупностью имён природных объектов и элементов ландшафта, которые выступают как источник осмысления человеком мира. Согласно древнейшим представлениям, **земля** является одной из основных стихий мироздания (наряду с водой, огнём и воздухом), представляет собой плоскую твердь, окружённую водой и накрытую сверху небесным куполом, и обладает многозначной символикой < ... >. **Небо** же является выпуклой крышей, твёрдым куполом, накрывающим **землю** и далеко «отстоящим» от неё в пространственном измерении. В связи с этим **небо** ассоциируется с абсолютной недоступностью и удалённостью, а также с величием и превосходством над всем земным, поскольку оно простёрто над земным миром, всё «видит» и символически связывается с непостижимостью и вечностью.

(4) Все эти представления проявляются в целостном восприятии образа фразеол. В основе образа лежит природная метафора, в которой различие, несходство между людьми, предметами, явлениями уподобляется явному противопоставлению «сущностей» **неба** и **земли**, их значительной отдалённости друг от друга в пространстве.

Фразеол. в целом выполняет роль эталона, т. е. меры непохожести, полной противоположности сравниваемых объектов.

(5) В народных религиозных представлениях различие между **небом** и **землёй** выражается также в том, что **небо** является воплощением абсолютной «духовности», наделяется нравственной чистотой и сакральностью и противопоставляется земному миру людей, предстающему как вместилище грехов и пороков. На **небе** царит вечная радость, весна и красота, в то время как на **земле** люди живут в трудах, заботах и страданиях.

(6) В Библии под словом **небо** понимаются, кроме атмосферы, тверди, т. н. небеса небес – невидимый, невещественный мир, где находится престол Божий и Бог «ходит... по небесному кругу» (Иов. 22: 14), куда возносится Христос после воскресения (Деян. 3: 21), где Дух Божий являет Свою всепроникающую силу от семи огненных светильников, горящих пред престолом Божиим (Ап. 4: 5). Кроме того, **небо** предстаёт как местопребывание ангелов всех чинов, а также «духов праведников, достигших совершенства» (Евр. 12: 23); оно описывается как имеющее свой град, свой храм, своих обитателей [1, с. 540].

Подобные представления о земле и небе характерны также для русских пословиц; напр.: Небо – терем божий; Небеса поведают славу господню; Небо – риза господня, небеса – престол его, земля – подножие [3, с. 368].

(7) В других европейских языках есть сходные образные выражения; напр., в англ.: *to be as far apart as heaven from earth*, во франц.: *cela est éloigné comme le ciel et la terre*.

Итак, в разделах культурологического комментария словаря читатель находит описание тех культурно-смысловых слоев, которые в явном или опосредованном виде выражены в образном основании фразеологических единиц, указание на их роль в этом образном содержании, а также на способность ФЕ выступать в функции знаков языка самой культуры [8, с. 86]. В этих разделах выделены: а) базовые для изучения культуры архетипические оппозиции, отображающие результаты жизни и опыта человека в мире («свет — «тьма», «небо» — «земля», «правый» — «левый», «свой» — «чужой», «верх» — «низ» и т.п.); б) базовые для культуры мифологические представления о мире, в том числе – отображённые в древнейших ритуалах, сложившиеся на основе анимизма, фетишизма и т.п.

В концептосфере культуры процедуры интерпретации выявляют культурные смыслы, которые либо воплощены во фразеологических единицах, либо достаточно прозрачно просматриваются через их образное основание и создают мотивацию значения ФЕ, осознаваемую для восприятия современного носителя языка, или же эта мотивация осознаётся носителями языка в хранилищах их культурной памяти, скрытой в глубинах подсознания. Эту явную или скрытую мотивацию выявляют те линии связи, которые прослеживаются между образным основанием фразеологизма и его значением.

Таким образом, в словаре определена та роль, которую фразеологизм в целом или отдельный его компонент выполняет в концептосфере культуры как её знак – символ, эталон или стереотип. Кроме того, в словаре по возможности даны образные аналоги в других языках (как базарная баба – англ. market woman, apple-wife, to talk Billingsgate; спать без задних ног – англ. to sleep like a dog; взять в свои руки – англ. to take in hand, швед. att ta ngt i sin hand).

Несомненна актуальность словаря, которая состоит в том, что его авторы не только сформулировали, но и мастерски использовали в лексикографической практике идею о том, что именно культурная память образа, мотивирующего значение фразеологической единицы, служит той нишей, в которой культура живет в ФЕ как языковых знаках, создавая предпосылки для непрерывного взаимодействия в них двух разных знаковых систем – языка и культуры, которые не обнаруживают непосредственной связи между собой.

Создателям словаря удалось заставить работать идею о том, что «благодаря живодействующей ассоциации между образом, лежащим в основе фразеологизма, и языковым его значением, с одной стороны, а с другой – с его «культурной семантикой» < ... >, фразеологизмы способны выступать в роли материально-идеальной «оболочки» для знаков «языка» культуры» [5, с. 782]. Поэтому авторы словаря убедительно продемонстрировали небезосновательность сложившегося в языкознании общепринятого мнения о том, что ФЕ являются самым ярким культурно-носным слоем языковых единиц [6, с. 87], что именно ФЕ – есть соль языка [9, с. 73].

Подводя итоги, подчеркнем, что «Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» – это инновационный словарь-справочник, дающий в лексикографическом формате объемное представление о взаимодействии языка и культуры. Это нововведение является, на наш взгляд, самым большим достоинством данного словаря, аналога которому в современной мировой лексикографической практике нет.

Список литературы

1. Библейская энциклопедия. – М., 2001.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
3. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. – М., 2001.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – М., 1997.
5. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – С. 776-782.
6. Федуленикова Т. Н. Генетический прототип – основа национально-культурной специфики фразеологических единиц // Россия и Запад: диалог культур: Материалы 3-й междунар. конф. – М.: Моск. гос. ун-т, 1997. – Вып. 4. – С. 81-88.
7. Федуленикова Т. Н. Вертикальный контекст как форма существования социокультурной информации // Культурно-языковые контакты: Материалы зональной межвуз. конф. – Владивосток: Дальневосточ. гос. ун-т, 1999. – С. 134-145.
8. Potseluyeva N. English History in Etymology of Phraseological Units // Collocations and Idioms 1: The First Nordic Conference on Syntactic Freezes. – University of Joensuu, 2006. – P. 86.
9. Fedulenkova T. Idioms as an Effective Means in Intercultural Approach // Approaches to Teaching English in an Intercultural Context / Meta Grosman (ed.). – Ljubljana: University of Ljubljana, Faculty of Arts, 1997. – P. 67-74.

ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ

УДК 378.147: 811.111

М. С. Перевёрткина

Проблема отбора английских фразовых глаголов в учебных целях

В статье рассмотрены основополагающие принципы отбора английских фразовых глаголов, которыми необходимо руководствоваться при формировании рационального содержания обучения переводу студентов переводческих отделений языковых вузов.

The article touches upon the problem of the basic selection principles of English phrasal verbs which should be taken into consideration while working out the adequate content of the translation and interpretation courses for the students at the departments of modern languages.

Ключевые слова: английский фразовый глагол, принцип отбора, семантическая ценность, сочетаемость, частотность.

Key words: English phrasal verb, selection principle, semantic value, co-occurrence range, frequency.

Проблема отбора английских фразовых глаголов, подлежащих усвоению и дальнейшему использованию студентами при выполнении различных видов перевода, является одной из важных методических проблем. Фразовый глагол – это особая форма словообразования, характерная для английского языка, но отсутствующая в русском языке, образующаяся путём прибавления к моноксемному глаголу предложной частицы – послелога, в результате чего значение исходного глагола может полностью измениться. Таким образом, фразовый глагол представляет собой единство глагола и послелога. Сущность отбора таких лексических единиц в учебных целях состоит в том, чтобы из множества слов, устойчивых сочетаний и речевых клише, входящих в лексический состав языка, выделить те лексические единицы, которые соответствуют данному выше определению, а также целям и условиям обучения.

Первый вопрос, с решением которого связан отбор любого лексического минимума, – это определение единицы отбора. Понятие «единица отбора лексики» включает однозначное слово, однозначное фразеологическое сочетание или клише, лексико-семантический вариант многозначного сло-

ва, фразеологического сочетания или клише [1]. В нашем случае единицей отбора является фразовый глагол, представленный в одном значении.

Не менее важным вопросом отбора языкового минимума является определение его исходных принципов, под которыми понимаются требования к качеству отбираемых единиц. В методике разработана система принципов комплексного отбора лексики, которая учитывает все основные стороны и связи лексических единиц. При отборе английских фразовых глаголов основополагающими принципами можно считать принцип семантической ценности, сочетаемости, стилистической неограниченности и дифференциации сфер употребления, частотности, а также принцип аутентичности и словообразовательной ценности.

Ведущим принципом является принцип семантической ценности, так как он позволяет отобрать те лексические единицы, которые несут важную смысловую нагрузку и в наибольшей мере соответствуют задачам курса теории и практики перевода. Сравним, например, фразовые глаголы *come about* и *come out*, и продемонстрируем соблюдение принципа семантической ценности при выборе одного из этих фразовых глаголов:

Come about – to happen, especially in a way that seems impossible to control, например: how did it *come about* that humans speak so many different languages? (здесь и далее курсив везде наш. – М.П.).

Come out – to become publicly known, например: it was several weeks before the truth of the matter *came out*; to become clear, например: the family resemblances *came out* in the photos; to finish an action, process with a particular result, например: if you spend a little more time on your work now, you'll *come out* ahead in the end; to disappear (if colour comes out, it disappears, because it has been washed), например: ink stains usually *come out* if you use a little methanol (и так далее).

Очевидно, что из представленного будет отобран фразовый глагол *come out*, так как он является более многозначным, чем глагол *come about*, при этом он несёт важную смысловую нагрузку и во многих своих значениях встречается, например, в газетно-журнальных информационных текстах, которые могут предлагаться студентам для перевода.

При отборе английских фразовых глаголов также необходимым представляется учитывать принцип сочетаемости, согласно которому фразовые глаголы с разнообразной сочетаемостью являются предпочтительнее. Сравним, например, фразовые глаголы *put back* и *put out* и их сочетаемость: *put back* a meeting: the meeting has been *put back* to next Thursday; *put back* a clock / watch: could you *put* the clock *back*? *put out* a fire / cigarette: it took firefighters several hours to *put out* the fire; *put out* the rubbish / garbage: the bin is full. *Put* the rubbish *out*, please; *put out* the washing: the weather is great so *put* the washing *out*!; *put out* information / statistics / a statement: the police department has *put out* a statement apologizing for its officers' conduct (и так далее).

Как видно из приведенного выше сравнения, глагол *put out* обладает значительно большей сочетаемостью, и, следовательно, является предпочтительным при отборе.

Наряду с вышеуказанными принципами при отборе английских фразовых глаголов необходимо руководствоваться принципом стилистической неограниченности и дифференциации сфер употребления, анализируя принадлежность фразового глагола к нейтральному, литературному, разговорному или книжно-письменному стилям языка и отбирая преимущественно стилистически нейтральные английские фразовые глаголы. Например, выбирая между синонимичными фразовыми глаголами *to take in* и *to fall for*, отдадим предпочтение стилистически нейтральному *to take in*.

To take in	=	To fall for
To be deceived by someone so that you believe a lie.	=	To be tricked into believing something that is not true.
Don't be <i>taken in</i> by products claiming to help you lose weight in a week.		She'll never <i>fall for</i> that trick!

Следует учитывать и принцип частотности, в соответствии с которым отбираются наиболее употребительные английские фразовые глаголы. При этом представляется возможным опираться на данные различных словарей, при создании которых анализировался словарный состав английского языка и выделялись наиболее часто используемые слова в устной и письменной речи. Приведём пример частотности использования различных фразовых глаголов в английском языке.

Фразовый глагол	Частотность	
	в устной речи	в письменной речи
To come out / to come up	входит в тысячу самых частотных слов	входит в тысячу самых частотных слов
To rush about / to rush around	входит в две тысячи самых частотных слов	входит в три тысячи самых частотных слов

Источником отбора фразовых глаголов могут служить современные аутентичные тексты, которые носители языка создают для носителей же языка, то есть оригинальные тексты, создаваемые для реальных условий общения, а не для общения в учебно-речевых ситуациях. Таким образом, при отборе фразовых глаголов учитывается принцип аутентичности и современности.

Для отбора фразовых глаголов представляется возможным использовать оригинальные газетно-журнальные информационные, художественные, научные, технические, рекламные тексты, деловые письма, документы и тексты из оригинальных учебных пособий. Приведём примеры таких текстов и выделим глаголы, которые могут быть отобраны для изучения.

Газетно-журнальный информационный текст: The election manifesto on which the Labour Party rode to power in 1997 *called for* urgent reform of

the Common Agricultural Policy, describing it as costly and damaging to the environment. The CAP still *accounts for* about 40 per cent of the European Union budget (и так далее) [BBC news].

Художественный текст: I should make the point that, in missing out Peterborough cathedral, he also *missed out* the 25-year sojourn there of the coffin of Mary, Queen of Scots [Clive Aslet. Landmarks of Britain].

Научный текст: What *Accounts for* Virulence? When the flu kills, it usually takes the lives of people whose immunity is already compromised. At times, though, it *cuts down* vigorous young people as swiftly and surely as it does the infirm [Scientific American].

Рекламный текст: *Bring out* the Branston!

Деловое письмо: Dear Rodney: As agreed, meetings will be held every second Tuesday from 9:00 a.m. until noon. *We look forward to* seeing you at the August 14th meeting.

Анализ текстов показал существенное преобладание фразовых глаголов в устной речи по сравнению с письменной. В результате анализа в текстах каждого жанра были выявлены наиболее часто встречающиеся английские фразовые глаголы, некоторые из которых повторялись в разных текстах. Повторяющиеся фразовые глаголы были исключены. В итоге было отобрано шестьдесят фразовых глаголов, подлежащих усвоению и дальнейшему использованию студентами при выполнении различных видов перевода.

При отборе фразовых глаголов также важно принимать во внимание принцип словообразовательной ценности. В современном английском языке от многих фразовых глаголов образуются и часто используются существительные, что может быть продемонстрировано следующими примерами.

Пример:	to let down – опускать, ослаблять; разочаровывать	→	a let-down – замедление; ухудшение; разочарование
	I'm counting on you – don't let me down!	→	The ending of the book was a real <i>let-down</i> .
Пример:	to set back – задерживать, препятствовать	→	a set-back – задержка; спад; понижение
	The cultural revolution set back the modernization of China by many years.	→	The recent crime figures are a major <i>setback</i> for the law and order reforms.

Таким образом, изучение проблемы отбора фразовых глаголов в учебных целях показало, что без учёта вышеперечисленных принципов отбора невозможно сформировать рациональное содержание обучения переводу студентов переводческих отделений языковых вузов.

Список литературы

1. Бухбиндер В. А. О системе упражнений // Общая методика обучения иностранным языкам. – М., 1991. – С. 92-98.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

УДК 82.161 (091): 81'16

Д. И. Петренко

Виталистические идеи метакритики К. И. Чуковского: А. П. Чехов

В статье рассматривается способ представления знаний о системе жизни и творчества А. П. Чехова с точки зрения виталистических идей метапоэтики К. И. Чуковского. Метапоэтика – форма представления знаний и познавательной деятельности художника в процессе осмысления им творчества – воплощается в языке, объединяющем научные, философские и художественные посылки.

The article is devoted to the way of representation of knowledge about system of A.P. Chekhov's life and creativity from the point of view of vitalistic ideas of K.I. Chukovsky's metapoetics. Metapoetics – is the form of representation of knowledge and informative activity of the artist in the process of his understanding and interpretation of creativity, the metapoetics is realized in the language which unites scientific, philosophical and art premises.

Ключевые слова: способ представления знаний, виталистические идеи, метапоэтика, язык А. П. Чехова.

Key words: the way of representation of knowledge, vitalistic ideas, metapoetics, the language of A. P. Chekhov.

Жизнь и творчество А.П. Чехова нашли отображение во многих критических книгах, журнальных, газетных статьях, появлявшихся в печати в конце XIX – начале XX века. Впервые систематизировал эти отзывы и рецензии К. И. Чуковский – писатель, поэт, переводчик, литературный критик. Его книгу «Чехов» (1958) можно отнести к метапоэтическим работам. Метапоэтика – это исследование поэтами собственного творчества, а также творчества других художников слова [7]. В процессе анализа многомерной организации живой метапоэтики К. И. Чуковского перед нами предстает симфоническая энциклопедическая личность писателя, исследователя языка и различных видов творчества.

В книге «Чехов» К. И. Чуковский как литературный критик занимается изучением критических отзывов об А. П. Чехове, поэтому работа К.И. Чуковского относится к области метакритики или метапоэтики литературной критики. В своей книге писатель обращается к анализу языка книг, журналов, газет, воспоминаний об А. П. Чехове, относящихся к пе-

риоду 1888—1931 годов. Он называет книгу А. Б. Дермана «Творческий путь А. П. Чехова» (1929), печатавшиеся в крупных журналах критические статьи о А. П. Чехове: Н. К. Михайловского («Русские ведомости», 1889, № 133; 1890, № 104); М. Протопопова («Русская мысль», 1892, № 6); П. Перцова, Н. Русанова («Русское богатство», 1893, № 1; 1902, № 1); Ф. Змиева («Новь», 1886, № 11); Н. М. Ежова («Исторический вестник», 1909); Н. К. Михайловского («Северный вестник», 1887, № 9).

К. И. Чуковский упоминает о статьях в многотиражных газетах: статья А. Скабичевского («Новости», 1892, № 44); статья А. Амфитеатрова («Каспий», 1892, № 15), называет предисловия: В. М. Фриче (к выпущенному в 1929 году полному собранию сочинений А. П. Чехова), Н. К. Пиксанова (к книге «А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Переписка». М., 1923). В книге «Чехов» упомянуты также статьи в «Энциклопедическом словаре» Ф. Ф. Павленкова (СПб., 1903), в VIII томе полного собрания сочинений А. П. Чехова (М.-Л., 1931), в частности, статью «Чехов и крестьянство» Ив. Теодоровича.

В изучении критики К. И. Чуковский опирается на воспоминания В. В. Вересаева, С. Я. Елпатьевского, называет письма, в которых содержались критические отзывы о А. П. Чехове: А. И. Эртель – В. А. Гольцеву (2 февраля 1894 года), А. Н. Плещеева – А. П. Чехову (14 апреля 1888 года), О. Л. Книппер – А. П. Чехову (1901); приводит примеры стихотворений, посвященных А. П. Чехову, в которых содержится критическая оценка его творчества: Г. Вяткина, Дм. Цензора, Эм. Бескина, С. Якимова, А. Амфитеатрова, Як. Година, А. Лукьянова, Л. Мунштейна, О. Чуминой, И. Гриневской и др. Упоминается и замечание, сделанное А. П. Чехову писателем Ф. Ф. Тищенко во время личной встречи в Ницце 18 декабря 1897 года.

Анализ языка критических статей, отзывов, воспоминаний позволил К.И. Чуковскому сделать следующий вывод: «Чехов... был одним из наиболее оболганных русских писателей» [5, с. 9]. К. И. Чуковский говорит о том, что его долг – освободить образ А. П. Чехова «от той многолетней лжи, которую горе-критики нагромодили вокруг его имени» [5, с. 9-10]. Всем критическим статьям и рецензиям об А. П. Чехове, выходящим в конце XIX - начале XX века, писатель дает заглавие: «Двадцать лет непонимания» [4, с. 587].

К.И. Чуковский выделяет главную черту критических отзывов – А.П. Чехов предстает в них как нежизнеспособный писатель и человек. Современные писателю критики характеризуют А. П. Чехова как человека, лишенного энергии, воли: «слабовольный», «безвольный», «бессильный», «слабый человек», «слабая натура» [6, с. 272]; считают, что отсутствие воли и энергии приводит к превращению А. П. Чехова в недейтельного, пассивного в жизни, неспособного справиться с собственной физической и нравственной немощью человека: он «пассивный»,

«пассивно-сенситивный», «недеятельный», «анемичный», «инертный», «дряблый», «вялый» [6, с. 272], «болезненно вялый», избежавший «вмешиваться во внешнюю жизнь» [6, с. 273], стремившийся к «примирению с жизнью... в вульгарном ее значении» [4, с. 589], «певец безнадежной тоски» [4, с. 597], «слезливый плакальщик» [4, с. 598], певец «скуки жизни» [4, с. 598], «тоски», «печали» [4, с. 599], «апостол тоски и отчаяния», «безысходной скорби» [4, с. 600], «окоченелости», «дряблости» [4, с. 601], он постоянно «стонал», «рыдал», «мрачнел», ронял «печальную слезу» [4, с. 599-600], был «скорбным» «всероссийским нытиком» [4, с. 600-601]; пассивность А.П. Чехова приводит его к равнодушию, безнравственности: «равнодушный к скорбям и тревогам людей» [4, с. 588], «безразличный» [4, с. 590], «бесчеловечный писатель» [4, с. 588], установивший «культ нравственного безразличия» [4, с. 590], «индифферентный» [4, с. 590], «безучастный» [4, с. 590], Чехову «малодоступна нравственная оценка человеческих действий» [4, с. 591], это «аморальный» писатель, не способный понять, «что подло и что благородно» [4, с. 591], «нравственный калека, урод, у которого от долгого бездействия совершенно атрофировалась совесть» [4, с. 591].

О литературном творчестве, языке произведений А.П. Чехова критики отзываются как о «болтовне ради болтовни» [4, с. 592], «праздной игре таланта» [4, с. 588], писанине, которая производится «с холодной кровью» [4, с. 588], «полубреде» [4, с. 592], «фальши», «пошлости» с «жидким сюжетом» [4, с. 593]. Несостоятельность А.П. Чехова как писателя связана в оценке критиков с тем, что он не имеет никаких творческих идей, целей: он «поверхностный, безыдейный писатель» [4, с. 589], ему свойственно «полное отсутствие верховной цели» [4, с. 589], у него «нет идей» [4, с. 590].

Таким образом, критики конца XIX – начала XX века подчеркивают те качества А. П. Чехова, которые противопоставлены интересу к жизни, жизнелюбию, жизненной активности. Многократные упоминания об «анемии», «окоченелости», «бесчеловечности», «атрофированной совести» способствуют созданию образа некрофила, «механического аппарата» для изготовления «милых штришков» [4, с. 621].

К. И. Чуковский противопоставляет мнению критиков свой виталистический взгляд на жизнь и творчество А. П. Чехова. Витализм – основа метапоэтики К. И. Чуковского. В работах «Живой как жизнь» (1962), «От двух до пяти» (1928-1968), «Высокое искусство» (1921-1968), статьях, литературных портретах К. И. Чуковского в наибольшей полноте реализуются тенденции отечественного лингвистического витализма – исследования «жизненной силы», жизненных потенций языка и творчества [см. подробнее о витализме: 1].

Лингвистический витализм метапоэтики К. И. Чуковского выражается в отношении к языку как деятельности, живому, жизненному

явлению в бытии детей и взрослых, в художественном творчестве, в переводческой деятельности, в научных исследованиях. Витальность в работах К. И. Чуковского всегда противопоставлена летальности, жизнь – смерти. Критические работы об А. П. Чехове, по словам К. И. Чуковского, реализуют «мертвую схему» [4, с. 596]. Все это «злая неправда», «нелепая подтасовка цитат», «полное пренебрежение к истине», «безумные статьи», «мусор заскоружденных неправд и полуправд» [6, с. 272-273].

К.И. Чуковский говорит о «тупых», «злых», «стадных» ошибках критиков [4, с. 587, 597], об их «глухоте» [4, с. 621], «бездарности и тупости» [4, с. 620], о «неумении читать его книги» [4, с. 588], о «массовой слепоте критиков» [4, с. 588], «оскорбительно-лживых формулах» [4, с. 591], «травле» [4, с. 592], «грубости», «разнузданности», «наглости», «свирепости» критических суждений [4, с. 592], о «тупых кривотолках» [4, с. 593], о том, что критика создавала «глубоко неверное, ложное представление» об А. П. Чехове [4, с. 597]. Критики «третируют» [4, с. 589] А. П. Чехова, выносят ему «приговор» [4, с. 589], убивают, умертвляют писателя. Самых критиков К. И. Чуковский называет «рабами» [4, с. 590], «эпигонами народничества» [4, с. 591], «слякотью» [4, с. 598], «гуртовыми», «безымянными», «безличными» писателями [4, с. 598], «подголосками общепризнанных идей своей эпохи» [4, с. 599], идущими «скопом, гуртом» друг за другом [4, с. 599].

Мнение критиков К. И. Чуковский характеризует как «трафаретное, штампованное» [4, с. 599], «гуртовое», «сплошное», «массовое» [4, с. 601], это «массовая слепота, массовый гипноз», «эпидемия» [4, с. 602].

К. И. Чуковский ставит задачу – вернуть читателю подлинного, настоящего Чехова. Он обращает внимание на проявление витальных тенденций в жизни и творчестве А. П. Чехова, ставит в основную позицию его могучую волю, энергию, гигантские жизненные и творческие силы.

Главная черта, основное в личности и творчестве А.П. Чехова – его «никогда не ослабевающий, жгучий, живой интерес ко всякому проявлению жизни, ко всякому ее воплощению в зримых и осязаемых образах» [4, с. 604]. К. И. Чуковский настаивает на «жизнелюбии художника» [4, с. 622], говорит о жадном, ненасытном интересе А.П. Чехова к жизни [4, с. 609]. Писатель, по Чуковскому, глубоко познал «науку человековедения» [4, с. 615], поэтому его творчество представляется как «итог пристального изучения жизни» [4, с. 615], «проявление кипящих в художнике жизненных сил» [4, с. 622], и всякое зрелое произведение А.П. Чехова – «живой организм» [4, с. 623].

Главное доказательство того, что А. П. Чехов обладал огромными жизненными силами, – язык его произведений. К. И. Чуковский проводит сложную текстологическую работу по сравнению первоначальных текстов произведений А.П. Чехова в записных книжках, черновиках, газетах, журналах 1880-х годов с окончательными вариантами, которые

сам А. П. Чехов готовил к изданию в 1900-1901 годах. Анализ «мириад поправок» [4, с. 667], внесенных А. П. Чеховым в тексты собственных рассказов, позволяет К. И. Чуковскому сделать значимый вывод: «...в истории мировой литературы неизвестны другие случаи таких колоссальных поправок, изменяющих порою самый стиль первоначального текста» [4, с. 665], «...в усовершенствовании языка, одно из самых удивительных чудес» творчества А. П. Чехова [6, с. 270].

К. И. Чуковский выделяет два главных качества А. П. Чехова, которые позволяют писателю достигнуть «власти над словом» [4, с. 270], «победоносно» распоряжаться языком как материалом творчества, стать «недосягаемым» мастером русского слова. Эти качества – «воля» и «энергия», наиболее частотные слова в тексте К. И. Чуковского об А. П. Чехове.

Воля – '1. Одно из свойств человеческой психики, выражающееся в способности добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений. Сознательное стремление к осуществлению чего-л.; упорство, настойчивость в достижении чего-л. 2. Желание, хотение, требование. 3. Власть, право распоряжаться по своему усмотрению. 4. Состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений; свобода' [3].

В текстах К. И. Чуковского об А. П. Чехове актуализируется весь комплекс значений лексемы «воля». К. И. Чуковский подчеркивает стремление, желание А. П. Чехова добиваться поставленных целей – говорит о «гениально-настойчивой» воле писателя [6, с. 271]. Власть А. П. Чехова над языком утверждается эпитетами «великая», «могучая» воля [6, с. 270; 4, с. 694]. Свобода А. П. Чехова как большого художника находит выражение в том, что воля его «несгибаемая» [6, с. 270]. Цель, к которой с упорством, настойчивостью стремится писатель, – способность строить произведение из «стальных» языковых конструкций, которые позволяют достигать «стального лаконичного стиля» [4, с. 694].

Обратим внимание на лексему «стальной» – '*перен.* сильный, крепкий' [3]. Утверждение силы А. П. Чехова как наполненного жизнью мастера русского слова – одна из главных задач К. И. Чуковского. Не случайно он пишет о том, что в стиле А.П. Чехова проявляется «напряженная мускулатура гиганта» [6, с. 270].

К. И. Чуковский постоянно говорит и об «энергии» языка А. П. Чехова: «непревзойденная энергия краткости» [4, с. 609], «энергия речи» – 4 раза на двух страницах [4, с. 610-611], «энергия в письмах» [4, с. 610], «энергия» сравнений в языке рассказов [4, с. 611], «обычная» для языка А. П. Чехова «энергия» [4, с. 653]. Энергия – '*деятельная сила, соединенная с настойчивостью, решительностью в достижении поставленной цели*' [3].

Сила, настойчивость, решительность позволяют А. П. Чехову пройти собственную «школу высокого взыскательного вкуса» [4, с. 667], «вытравить» из своего языка безвкусицу, достигнуть той внутренней «феноменальной сложности» [4, с. 635] языка при внешней его «компактности» [4, с. 667], которой «не знала мировая новелла» [4, с. 635]. О А. П. Чехове, считает К. И. Чуковский, нельзя говорить как о понуром и вялом писателе именно потому, что язык его произведений отличается огромной силой экспрессии, с помощью которой рассказы «спрессовываются» [4, с. 613], образы при кажущейся простоте получают такую большую смысловую нагрузку, что короткие рассказы А. П. Чехова воспринимаются «как длинные повести со сложным сюжетом» [4, с. 612].

Анализируя литературное творчество А.П. Чехова, К. И. Чуковский говорит об «изобилии кишаших в нем творческих сил» [6, с. 214], «бьющей в нем через край могучей энергии творчества» [6, с. 215], «динамической мощи творчества» [4, с. 654], «великой силе писателя» [4, с. 672], «могучей власти над людьми» [6, с. 216], которые позволили А.П. Чехову передать читателю «гигантское множество... впечатлений и образов» [6, с. 234], создать «грандиозную энциклопедию русского быта восьмидесятых и девяностых годов» [6, с. 208].

«Энергия», «воля», «сила» А.П. Чехова как писателя и человека делали из него «великана», «человека громадных масштабов» [6, с. 234], который «работал, как фабрика, не зная ни минуты простоя, выбрасывая горы продукции... бесперебойно, один за другим, целые десятки шедевров» [6, с. 215]. К. И. Чуковский часто сравнивает работоспособность А. П. Чехова с работоспособностью целых учреждений. Так, анализируя деятельность А. П. Чехова в качестве литературного редактора, К. И. Чуковский говорит о том, что объем выполненной писателем работы был под силу только хорошо организованному литературному агентству с большим штатом сотрудников. В ялтинском Попечительстве А. П. Чехов «являл в своем лице чуть ли не все учреждение» [6, с. 231], в литературе «он работал, как фабрика. Людям помогал так неутомимо и деятельно, словно был не человек, а учреждение. Даже гостей принимал у себя в таком беспримерном количестве, словно у него был не дом, а гостиница» [6, с. 234].

Таким образом, можно говорить о А. П. Чехове как об образце духовно здорового человека. Философы считают, что «здоровье – это образ антропологического потенциала исторически конкретной культуры, то есть образ человека, воплощающий в себе полноту человеческих возможностей на определенном этапе развития человечества; образ, который предпосылочно задается медику и в качестве «нормы здоровья», и в качестве цели (если возникает необходимость «исцелить» человека, вернув его в состояние «нормы»), и в качестве критерия, определяющего «можно» и «нельзя» по отношению к человеку (то есть формирующего

границу «антропологической неприкосновенности»). Конкретизирующим же эталоном понятия здоровья в медицине, как и во всей культуре, является «способность к делу»; или работоспособность, но определяемая не «природно», а «культурно», — как присущая только человеку способность воспроизводить социокультурное основание собственной, присущей только человеку сущности в конкретной исторической форме» [2, с. 440].

Известно, что А. П. Чехов тяжело болел. Но что же помогало ему не только жить, но и вести неустанную деятельность, превышающую возможности рядового человека? Такой рецепт, как установка на «способность к делу», имеющую «культурную» природу, был определен К.И. Чуковским. Именно «человеческая сущность» личности А. П. Чехова, его высокие нравственные качества: «сострадание», «жалость», «человечность», «неусыпная, чуткая совесть», «душевное благородство» [4, с. 663], «страстная гуманность» [4, с. 664] — определяли жизнь и творчество писателя. А. П. Чехов «героически волевой человек» [6, с. 272], творческие силы дают ему возможность «побеждать свои немощи творчеством» [6, с. 272]. Его гигантское жизнелюбие проявлялось во всем. В частности, К. И. Чуковский пишет о гостеприимстве: «Он был гостеприимен, как магнат» [6, с. 205], обладал «размашистым и щедрым радушием» [6, с. 207], в этом радушии сказывалась «огромная жизненная энергия» [6, с. 206], «воля» [6, с. 207]; «душевная щедрость» [6, с. 209] и, что особенно важно для художника, — «феноменальная общительность» [6, с. 208].

К. И. Чуковский особенно подчеркивает то, что в обыденной жизни А. П. Чехов проявлял себя именно как «настойчивый труженик» [4, с. 654], «созидатель жизни» [4, с. 655], был «неутомимо активен» [6, с. 221]; его характеризовало желание «деятельного», «героического», «творческого» «вмешательства в жизнь» [6, с. 224, 274; 4, с. 653], которую А. П. Чехов стремился не только описывать, но и «переделывать», «строить» [4, с. 224]. Если собрать все факты «вмешательства в жизнь», представленные К. И. Чуковским, то получится огромный список. Главное во всем — гигантские масштабы, затрата колоссальной энергии, огромное напряжение сил и воли.

Работу А. П. Чехова по «созиданию» жизни К. И. Чуковский описывает, используя глаголы со значением активной деятельности. А. П. Чехов «сажает» тысячи деревьев [4, с. 222], «ставит» памятник Петру Первому [4, с. 225], «хлопочет» об устройстве Народного дома, биологической станции, «добивается» строительства клиники, «строит» школы, колокольни, пожарные сараи [4, с. 224], «устраивает» общественную библиотеку [4, с. 226], «собирает» книги для школ, «шлет» книги в библиотеки и школы большими партиями. К.И. Чуковский делает вывод: «Вообще всякое строительство увлекает его, так как оно, по его пред-

ставлению, всегда увеличивает сумму человеческого счастья» [4, с. 224].
Счастье К. И. Чуковский рассматривал как наивысшее достижение человеческих усилий, свободного состояния человека, полного сил, жизненной энергии и жизненных устремлений.

Исследование К. И. Чуковского – это не просто констатация фактов, оно нацеливает на размышления и дальнейшие поиски. Один из главных вопросов, которые задает критик, направлен на деятельностное осмысление творчества А. П. Чехова, постоянные усилия для совершенствования и возвышения, с тем чтобы вступить в подлинный диалог не с «милым», «трогательным» Чеховым, а с «великаном», «человеком громадных масштабов» [4, с. 234]. Как видим, «вселенная» А. П. Чехова и сейчас требует огромных усилий для ее познания. Мы только приближаемся к пониманию некоторых истин, о которых нам говорил другой большой художник, вступивший с А. П. Чеховым в серьезный творческий диалог.

Список литературы

1. Дриш Г. Витализм. Его история и система. – М.: ЛКИ, 2007.
2. Рыбин В. А. Медицина как парадигма философского знания // Науки о жизни и современная философия. – М.: Канон+, 2010. – С. 430–454.
3. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: АН СССР, 1957–1961.
4. Чуковский К. И. Еще о Чехове // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Советский писатель, 1967. – Т. 5. – С. 587–699.
5. Чуковский К. И. О себе // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 1. – С. 3–10.
6. Чуковский К. И. Чехов // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 2 т. – М.: Правда, 1990. – Т. 2. – С. 205–284.
7. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика. Учебный словарь. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.

О жанровой специфике трилогий Л. Толстого и М. Горького

Автор исследует проблему жанра трилогии и раскрывает художественную новизну трилогии М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты» и трилогии Л. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» с точки зрения их жанровой специфики.

In article is considered problem of the genre to trilogies M. Gorky's «Childhood», «In folk», «My universities» and trilogies L.Tolstoy's «Childhood», «Adolescence», «Youth». The Author reveals artistic novelty two trilogies with standpoint their genre specifics.

Ключевые слова: Л. Толстой, «Детство», «Отрочество», «Юность», жанр, М.Горький, «Детство», «В людях», «Мои университеты», новаторство, автобиографизм.

Key words: L.Tolstoy, «Childhood», «Adolescence», «Youth», genre, M.Gorky, «Childhood», «In folk», «My universities», innovation, autobiographysm.

Трилогия «Детство», «В людях», «Мои университеты» появилась в печати спустя более полувека после публикации в «Современнике» толстовского «Детства». Не успела «исповедь» М. Горького стать достоянием широкой публики, как критики едва ли не хором стали говорить о том, что она резко, почти контрастно отличается от толстовского жизнеописания.

Дореволюционные рецензенты активно варьируют тезис о том, что Л. Толстой дает поэтическую, благостную картину бытия, а М. Горький, напротив, ошеломляет читателя вереницей ужасных и жестоких сцен, свидетелем которых оказывается его юный автогерой. «Когда-нибудь, – читаем мы в одной из работ той поры, – для школьных сочинений будет задаваться в гимназиях тема: сравнительный разбор обоих «Детств», и гимназисты победоносно докажут, что усадебное лучше чумазого, толстовское благотворнее горьковского» [15]. Другой автор в тон этому заявлению добавляет: «Читаешь и досадуешь. Невольно вспоминаешь благоуханное детство Льва Толстого. По контрасту. Такое злое и грубое это детство. Дерутся, бьют, порют в каждом фельетоне» [12, с. 12]. Примерно в этом же духе высказывается обозреватель «Северных записок» А.Гвоздев: «Трудно себе представить более резкий контраст к «Детству» Льва Толстого, чем то, что показал М.Горький в своих очерках детских лет» [4, с. 150)].

Важно отметить, что многие дореволюционные критики не только «содержательно» противопоставляют трилогии, но и самым решитель-

ным образом разводят две автобиографии по разные стороны «эстетических баррикад». Так, например, Вл. Кранихфельд [5] воспринимает «Детство», «Отрочество», «Юность» как образец классического «рассказа о себе», однако горьковскому «Детству» он отказывает в праве именоваться сочинением автобиографического жанра. У М. Горького, по его мнению, мы видим совершенно особый тип жизнеописания, а именно – автобиографию... без автобиографического героя. «В Николеньке Иртеньеве, – настаивает автор «Утра жизни», – не только угадывается, но даже виден будущий Лев Толстой. А вот у М. Горького «читатель получает яркое представление о среде, в которой протекали детские годы маленького Алеши Пешкова... Но среди многочисленных портретов людей... личность самого рассказчика как будто намеренно затушевывается» [5, с. 118].

В советской критике традиция «жесткого» противопоставления двух трилогий продолжает существовать достаточно долгое время. Тезис Вл. Кранихфельда об «отсутствии мальчика», т.е. автогероя – получает поддержку и развитие в исследованиях таких авторов, как И. М. Нусинов [6], В. А. Десницкий [5], Ф. Левин [8], Н. А. Белкина [1], Б. А. Бялик [3], Б. В. Михайловский [10], Е. Б. Тагер [13] и др.

Заметим, что речь при этом идет именно о жанровой природе этих произведений. Толстовский «рассказ о себе» вышеупомянутые критики трактуют как образец автобиографического жанра. Горьковскую же «исповедь» одни советские авторы (А. Лежнев [9], Ф. Левин [8]) сводят к «писательским воспоминаниям», в которых главную роль играет очерковое начало. Другие (Б.А. Бялик [3], а позднее и С.В. Касторский [6]) стремятся доказать, что «Детство», «В людях», «Мои университеты» должно воспринимать как «книгу, в которой доминирует галерея портретов» [6, с. 44]. Третьи (В. А. Десницкий [5], Г. А. Бровман [2], И. М. Нусинов [11], Н. А. Белкина [1]) проводят мысль о том, что М. Горький создал новый, уникальный жанр – нечто вроде «автобиографии–эпопеи». Они видят в трилогии книгу, в которой воссоздана не «история личности», а судьба народная, взятая в целостной полноте, в гуще крупного исторического события. «Содержание автобиографического цикла, – утверждает один из сторонников этой концепции, – не частная, а всеобщая история, не судьба отдельного человека, его родни, его случайных жизненных попутчиков, а судьба народа на данном историческом этапе» [11, с. 52]. Е. Б. Тагер художественную доминанту горьковского жизнеописания определяет так: «В трилогии есть своя конституция ... отбор и компоновка образов обусловлены не требованиями романической интриги, а задачами иного, эпического замысла: каждый новый персонаж, возникающий под пером Горького, представляет собой грань некоего большого целого – эпического образа России, русской народной жизни» [13, с. 44].

Однако сравнительный анализ двух знаменитых автобиографий свидетельствует о том, что в плане художественно-поэтическом эти сочинения отстоят друг от друга не так уж далеко, как это может показаться. С нашей точки зрения, Горький – автобиограф в осмыслении своего личного опыта идет по пути, открытому его великим предшественником. Если Л. Толстой главным средством обрисовки характера, личности своего героя делает показ «диалектики души», то и М. Горький также «не ограничивается изображением результатов психического процесса: его интересует самый процесс, – и едва уловимые явления этой внутренней жизни...» [14, с. 344]. И в той, и в другой трилогиях мы имеем дело с поэтической структурой, основу которой образует воспроизведение внутренней духовной истории личности автогероя. Иначе говоря – фанбульную основу обеих автобиографий образует история роста человеческого сознания. Наряду с изображением среды и картинами русской жизни оба художника блестяще воссоздают, что и как чувствуют их герои, как растет их познающая мысль и как этот процесс отражается на их нравственности и духовном самоопределении.

Вместе с тем говорить о художественном тождестве двух трилогий не приходится. Оба писателя обращаются к показу внутренней, духовной эволюции своих героев. Однако толстовская «диалектика сознания» отнюдь не идентична горьковской «диалектике сознания», ибо писатели ставят перед собой разные эстетические задачи.

Основу толстовского жизнеописания составляет «поэтизация жизни», которая самым тесным образом связана с неумным стремлением художника заразить своего читателя подлинно нравственным отношением к жизни. Вся толстовская автобиография проникнута духом преклонения перед жизнью, перед различными ее формами и проявлениями. Любовь к жизни, восторг перед нею, отношение к ней как высшей и несоизмеримой ценности человеческого бытия пронизывает все три книги трилогии. С отсечением эпизодов и фрагментов, связанных с образной реализацией идеи поэтизации жизни, трилогия как единое художественное целое распадется и превратится в некий философско-этический трактат.

В соответствии с этой установкой Л. Толстой осваивает совершенно уникальную форму своей «художественной исповеди». Он создает особую – «поэтическую» автобиографию, в которой акцентированы этические проблемы бытия. Неповторимое соединение двух планов – «поэтического» и этического (т.е. нравственного), выраженных через диалектику сознания, и образует оригинальный дух, «неповторимую жанровую физиономию» его трилогии.

В отличие от Л. Толстого, создатель «Детства», «В людях», «Моих университетов» уповает не столько на внутренний дух человека, сколько на радикальное обновление всей русской жизни в целом. Для того, чтобы

вскрыть несостоятельность общественного мироустройства, М. Горький активно насыщает свою исповедь «эпической стихией». Он вводит в повествовательную ткань широкие картины русской жизни, обрисовывает драматические судьбы многих «спутников жизни» Алеши и создает панорамное полотно российской жизни накануне неизбежных, по мысли автора, социальных перемен.

В результате этого горьковское жизнеописание приобретает масштабы «автобиографии-обобщения». Автор «Детства», «В людях», «Мои университеты» выступает с концепцией «Русь», т.е. дает трактовку всей русской общественной жизни изображаемого периода. Такой социальной масштабности, такого уровня художественной обобщенности в трилогии Толстого, как, впрочем, и во всей догорьковской автобиографической традиции, нет. Все это говорит в пользу того, что М. Горький создает особый тип художественной автобиографии, в которой «рассказ о себе» соединен с выражением неких социальных идей, образующих концепцию «спасения», обновления Руси. В его «исповеди» критика «старого, больного мира» уравновешена, гармонизирована изображением роста той силы, которая рано или поздно взорвет «бесконечную цепь вражды и жестокости» – силы под названием «революционный разум». С рождением нового сознания рождается и новый горьковский Герой.

Итак, «диалектика сознания», показ жизни через анализ внутреннего восприятия, исследование самого механизма зарождения чувств и мыслей маленького человека – это то, что роднит, сближает рассматриваемые произведения и ставит их особняком в русской автобиографической традиции. Наряду с этим, продолжая художественную традицию напряженных поисков в области человеческого разума, М. Горький на основе показа диалектики души и мысли создает автобиографию, которая становится открытием как в плане мировоззренческом, так и в плане художественной формы.

В противовес «этической автобиографии» Л. Толстого, в которой синтез «поэтического» и нравственного начал служит выявлению внутренних возможностей личности, М. Горький создает автобиографию героико-революционного типа, в которой прославляется мысль и которая призвана убедить читателя в необходимости радикального обновления русского мира.

Список литературы

1. Белкина Н. А. Проблема положительного героя в автобиографической трилогии Горького // Горьковские чтения. 1947-1948. – М.: АН СССР, 1949. – С. 88-143.
2. Бровман Г. А. Писатель и жизнь. (Заметки об автобиографической трилогии М. Горького) // Знамя. – 1936. – №11. – С. 268-280.
3. Бялик Б. А. Развитие традиций русской классической литературы в творчестве М. Горького // Творчество М. Горького и вопросы социалистического реализма. – М.: АН СССР, 1958. – С. 5-99.

4. Гвоздев А. «Детство» М.Горького // Северные записки. – 1916. – № 2. – С. 149-154.
5. Десницкий В. А. Автобиографические повести Горького. 1. «Детство». 2. «В людях» // Десницкий В. А. М. Горький. – Л.: Худож. лит., 1935. – С.174-222.
6. Касторский С. В. Горький – художник // Очерки. – М.-Л.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1963.
7. Кранихфельд Вл. Утро жизни // Современный мир. – 1914. – № 12. – Отд. 2. – С. 116-133.
8. Левин Ф. Детство Горького // Литературный критик. – 1938. – № 7. – С. 161-173.
9. Лежнев А. (Горелин А. В.). Последние произведения М. Горького // Прожектор. – 1924. – № 12. – С. 4-26.
10. Михайловский Б. В., Тагер Е. Б. Творчество М. Горького. – М.: Просвещение, 1969.
11. Нусинов И. М. Правда о жизни (Автобиографические повести М. Горького) // Литературная учеба. – 1937. – № 6. – С.48-64.
12. Сологуб Ф. Заметки // Дневники писателей. – 1914. – № 1. – С. 12-18.
13. Тагер Е. Б. Творчество Горького советской эпохи. – М.: Наука, 1964.
14. Чернышевский Н. Г. Детство и отрочество. Сочинения графа Л.Н. Толстого. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого // Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений в пяти томах. – М.: Правда, 1974. – Т. 3. – С. 332-346.
15. Чуковский К. И. «Утешеньишко людишкам» // Речь. – 1915. – 5 июля. – № 182.

Тунгусские языки России: исследования и преподавание в вузах

В статье представлен краткий анализ исследования и преподавания тунгусских языков России в диахроническом аспекте (начало XX – XXI века). Особо отмечена деятельность Института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена, а также работа ученых-тунгусоведов в регионах России (Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Республика Бурятия). Выявлена важная роль вузов в подготовке кадров высшей квалификации по редким языкам и литературе народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в изучении и преподавании тунгусских языков.

The article represents the short analysis of research and teaching of Tungus languages of Russia in diachronic aspect (the beginning XX - the XXI-st century beginning) is presented. The activity of The Institute of the people of the North of the Herzen State Pedagogical University of Russia, and also the work of the scientists studying Tungus languages in the regions of Russia (Republic Sakha (Yakutia), Khabarovsk territory, Republic Buryatiya) is especially noted. The important role of high schools in the field of doctoral education on rare languages and the literature of the people of the North, Siberia and the Far East, in learning and teaching of Tungus languages is revealed.

Ключевые слова: тунгусские языки России, эвенкийский язык, эвенский язык, негидальский язык, вузы России, институт народов Севера РГПУ им. А.И. Герцена, филология, этнолингвистика, социоллингвистика.

Key words: tungus languages of Russia, evenki language, evensky language, negidalsky language, high schools of Russia, the Institute of the people of the North of the Herzen State Pedagogical University of Russia, philology, ethnolinguistics, sociolinguistics.

Известно, что по традиционной квалификации тунгусские языки относятся к северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков алтайской языковой общности: эвенкийский (тунгусский), эвенский (ламутский), негидальский, солонский языки. Солоны живут в Китае и поэтому в настоящей статье особенности изучения и преподавания этого языка, так же, как и языков южной (маньчжурской) подгруппы – нанайского, ульчского, орокского, ороцкого, удэгейского, чжурчженского и собственно маньчжурского, не рассматриваются.

Изучение и преподавание эвенкийского, эвенского и негидальского языков в вузах впервые началось в Ленинграде в 30-е годы XX века в стенах Института народов Севера, ЛГПИ им. А. И. Герцена, ЛГУ им. А. А. Жданова. Среди первых исследователей и преподавателей эвенкийского языка можно назвать имена Г. М. Василевич, В. А. Горцевской, О. А. Константиновой, Е. П. Лебедевой, М. Г. Воскобойникова и др. Их очерки грамматики, словари, учебники составили золотой фонд тунгусоведения и до сих пор не утратили своей актуальности. Эвенский язык в этот период изучали и преподавали В. Г. Богораз, В. И. Цинициус,

В. И. Левин, Б. Л. Кронгауз, К. А. Новикова, Н. И. Гладкова и др. Негидальский язык изучали В. И. Цинциус, К. М. Мыльникова. В послевоенный период в связи с систематическим научным исследованием экспедициями АН СССР языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, с появлением фундаментальных трудов, словарей, учебных пособий на новый качественный уровень было поставлено изучение и преподавание тунгусских языков в ЛГПИ им. А. И. Герцена на факультете народов Крайнего Севера (ФНКС). Здесь изучались фонетика, морфология, синтаксис и лексика этих языков, а также проводились диалектологические исследования. Преподаватели эвенкийского, эвенского, негидальского языков помимо лингвистических исследований собирали и публиковали фольклорные материалы и изучали литературу авторов из числа эвенков, эвенов и негидальцев. Всех их объединяла специализированная, единственная в то время в России, кафедра языков, фольклора и литературы народов Крайнего Севера, которую возглавлял профессор доктор филологических наук М. Г. Воскобойников. Позднее руководил кафедрой профессор доктор исторических наук Ю.А. Сем. Эвенкийский и эвенкий язык в 70-е – 90-е годы XX века изучали и преподавали М. Г. Воскобойников, Н. И. Гладкова, И. В. Недялков, Н. Я. Булатова, А. А. Бурыкин, Ю. Д. Сверчкова, Д. М. Берелтуева, Н. А. Зыбин, В.С. Элрика, А.А. Петров и др. Они создали новое поколение учебников и словарей для дошкольных образовательных учреждений, школ, педучилищ и вузов.

Опыт работы ФНКС ЛГПИ имени А. И. Герцена, ныне Институт народов Севера РГПУ имени А.И. Герцена (ИНС), отметившего в 2010 году 75-летний юбилей, стал распространяться по всей стране. В 90-е годы XX века в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока были открыты при вузах отделения и кафедры северной филологии, прежде всего усилиями выпускников Герценовского университета. В Якутском государственном университете (ныне Северо-Восточный Федеральный университет им. М. К. Аммосова) в Республике Саха (Якутия) была создана кафедра северной филологии (зав. кафедрой кандидат филологических наук В. Г. Белолобская). Здесь наряду с юкагирским, долганским и чукотским языками преподаются и изучаются тунгусские языки: эвенкийский (преподаватели А. Н. Мыреева, Т. Е. Андреева, Г. И. Варламова, В. С. Флегонтова и др.) и эвенский (В. А. Роббек, В. Г. Белолобская, С. И. Шарина и др.). При Дальневосточном государственном гуманитарном университете в Хабаровском крае создан факультет народов Севера (декан кандидат филологических наук доцент Д. М. Берелтуева), на котором обучаются преимущественно малочисленные народы Дальнего Востока – нанайцы, ульчи, нивхи, удэгейцы, ороки, орочи, эвены и эвенки. Здесь преподаются и изучаются только нанайский (преподаватель А.С. Киле), эвенский и эвенкийский (преподаватель Д. М. Берелтуева)

языки. В Республике Бурятия при Бурятском государственном университете открыта и успешно работает кафедра языков коренных народов Сибири (заведующий кафедрой кандидат филологических наук доцент Е. Ф. Афанасьева). Здесь преподается и изучается язык разных локальных групп эвенков данного региона.

В недавно открытом Югорском государственном университете в Ханты-Мансийском автономном округе преподаются хантыйский, мансийский и некоторые другие языки этого региона. Здесь тунгусские языки не изучаются.

В начале XXI века в вузах сформировалось новое поколение ученых-исследователей и преподавателей тунгусских языков Севера, Сибири и Дальнего Востока. В РГПУ имени А. И. Герцена успешно работают преподаватели М. С. Толстова, В. С. Ермолаева (эвенкийский язык), И. В. Сентисова (эвенкийский язык). Все они закончили аспирантуру и готовят к защите кандидатские диссертации. По эвенкийской литературе в диссертационном совете Д 212.199.09 при ИНС РГПУ имени А. И. Герцена успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук эвенкийка Э. В. Иванова.

В ИНСе издается серийный сборник научных трудов «Североведческие исследования» (ответственный редактор доктор филологических наук профессор А.А. Петров), в котором публикуются статьи и материалы по различным вопросам этнолингвистики, в том числе по тунгусским языкам. На сегодняшний день издано 4 выпуска этого сборника. Ежегодно проводится Международная научно-практическая конференция «Реальность этноса» (координатор конференции доктор философских наук профессор И. Л. Набок). В 2010 году проведена 11-я конференция, на которой традиционно обсуждались проблемы научного исследования, образования, преподавания языков, фольклора и литературы народов Севера, в том числе тунгусских языков.

Изучение и преподавание исчезающих редких языков малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока сегодня приобретает особую актуальность. Все языки малочисленных народов Севера занесены в 1994 году в Красную книгу языков народов России [1]. В 2002 году вышел второй выпуск этого энциклопедического словаря-справочника. Новые задачи и перспективы сохранения и развития языков народов Севера ставит «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», утвержденная Председателем Правительства Российской Федерации В. В. Путиным в 2009 году [2].

Список литературы

1. Красная книга языков народов России. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 1994.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2009 г. № 132-р. «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

**Судьба вольных переводов 30-х годов XX века
(на материале переводов стихотворений А. С. Пушкина
на татарский язык)**

В статье рассматривается проблема переводов художественных произведений в 1930-ые годы. На примере анализа переводов на татарский язык стихотворений А.С. Пушкина, выполненных в первой трети XX века, определяются принципы перевода, выявляются закономерности и общие черты восприятия произведений Пушкина в разные периоды истории, анализируются трансформации, возникающие в текстах.

This paper examines the problem of the translations of literal works in the thirties of the 20th century. On the example of the analysis of translations of poems by A.S. Pushkin into Tatar principles of the translation are formed. The patterns and common features of foreign perception of literal works by Pushkin are revealed. The transformations appearing in the translations into the Tatar language are analyzed.

Ключевые слова: стихотворения А. С. Пушкина, перевод, татарский язык.

Key words: poems by A. S. Pushkin, translation, Tatar language.

В отечественном литературоведении практически отсутствуют работы, посвященные истории художественного перевода в 30-ые годы XX века. О том, что необходимо обратиться к этой проблеме, пишет в монографии «Перевод в системе сравнительного литературоведения» П. М. Топер. В частности, он отмечает, что «не изучена огромная, разносторонняя и противоречивая переводческая деятельность в России в последующие десятилетия» (речь идет о 30-х гг. – Э. Н.). История перевода советского времени, – продолжает он, – должна быть еще написана <...> со всеми ее достижениями и трагедиями, особенностями и закономерностями, объективными и субъективными факторами развития» [4, с. 123].

Можно отметить, что в 30-ые годы метод социологизма проникал и в переводоведение. Г. Гачечиладзе, говоря о работе А. Смирнова «Методика литературного перевода», увидевшей свет в 1934 году, отмечает: «Главные положения были выдвинуты А. Смирновым еще в начале 30-х гг., у него можно найти некоторые отклонения в сторону упрощенного социологизма, что часто было свойственно литературоведению того времени. А. Смирнов подчеркивает роль художественного перевода как оружия в идеологической борьбе, акцентируя классовый характер метода перевода» [2, с. 88-89].

Именно в 30-ые годы на смену вольным переводам начала XX века приходит практика дословного перевода, о чем свидетельствует сопос-

тавление переводов стихотворений А.С. Пушкина на татарский язык, выполненных в 10-ые и 30-ые годы XX века. В начале XX века Пушкина переводили многие талантливые татарские поэты: Г. Тукай, Дэрдменд, С. Рамиев и др. В их переводах мы наблюдаем общую тенденцию: соотношение содержания стихотворений А. С. Пушкина с эстетическим идеалом татарской литературы, художественным миром «своего» читателя. Как правило, поэты, опираясь на текст предшественника, создают свои оригинальные стихотворения. Именно в этот период были широко распространены такие виды творчества, как «назира»¹ («нэзырэ») и подражание («тэкьлид») [6, с. 124, 189]. Особой популярностью пользовался жанр «назира» – своего рода отклик на произведение другого автора, *ответ* на него. В основном в начале века существовали произведения, созданные по мотивам стихотворений Пушкина, Лермонтова, в них ярко проявлялась точка зрения самого поэта-переводчика на воспринимаемый текст.

Большинство же переводов стихотворений А. С. Пушкина было осуществлено в 30-40-ые годы, и эти переводы кардинально отличаются от тех, которые появлялись в начале века. Все переводчики тяготеют к адекватному отражению подлинника, порой адекватность переходит в дословность. Трепетное отношение к слову можно объяснить изменениями, произошедшими в литературоведении и в общественном сознании советского читателя в целом. Как отмечает Г. З. Хантемирова, в 30-е годы «перевод рассматривался не как вид искусства, а как точная наука, отсюда выдвигаются требования верности букве оригинала, соблюдения формальных элементов произведения» [5, с. 6].

Если татарская литература начала XX века развивалась с опорой на традиции арабо-персидской литературы, то постепенно она теряет свою прежнюю самостоятельность и попадает в известную зависимость от русской литературы. Уходит в прошлое практика вольных переводов, на смену им приходят переводы, во многом отличающиеся дословностью. Так, А. Исхак и А. Ерикей, переводившие многих русских поэтов, чувствовали зависимость от пушкинского текста, они стремились сохранить каждую (даже незначительную) деталь оригинала, что дало возможность татарскому читателю в большинстве случаев почувствовать музыку пушкинского стиха.

Обратимся к переводам двух известных стихотворений А.С. Пушкина. Пушкинский «Зимний вечер» относится к наиболее часто перево-

---

¹ Назира (араб.) – форма поэтического литературного подражания в литературах Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии, т.н. «ответ» на какое-либо произведение другого поэта с обязательным использованием размера, рифмы и системы тропов того произведения, на которое отвечают.

димым произведениям. Впервые перевел это стихотворение Г. Рахманколы (1906 г.), затем Дэрдменд (1907 г.), М. Джалиль (1936 г.), Х. Усманов (1938 г.).

Переводы, выполненные в начале XX века, отличаются лексическим своеобразием: Дэрдменд использует диалектные, устаревшие слова и фонетические формы (*эчәек, эча* и др.). В татарском языке мы не найдем эквивалентов таким словам, как «буря» и «мгла». Переводчики нашли разные пути преодоления данной трудности: «буря» – «буран», «мгла» – «томан», «ак томан» («белый туман»). Можно проследить, как менялось отношение к переводимому материалу, даже на примере одного слова – «кружка» из последнего четверостишия стихотворения «Зимний вечер». Если в 1906 г. слово «кружка» перевели как «бадъян» (деревянный сосуд), то в переводе 1936 г. М. Джалиль уже использовал слово «стакан». По-разному переводили и само название стихотворения: в начале века «Кышкы буран» («Зимний буран») и «Кышкы төн» («Зимняя ночь»), в 30-ые годы переводчики представили дословный перевод («Кышкы кич»). Форма стихотворения также в большей степени подверглась трансформации в первых переводах (особенно в переводе Дэрдменда).

В начале XX века к стихотворениям А.С. Пушкина довольно часто обращался Г. Тукай. Под его пером пушкинские творения приобретали совершенно иное звучание: татарский поэт в большой степени был привержен к расширению содержания оригинальных стихов русского поэта. Г. Тукай через переводы стремился выразить свои просветительские и нравственно-философские взгляды. Р. Башкуров, выделяя основные принципы, характерные для переводческой деятельности татарского поэта, писал о том, что Г. Тукай многое добавляет в свои стихотворения, кое-что опускает, приспособляет перевод к особенностям татарского языка [1, с. 86]. Переводы, как правило, более пространные, чем оригинальные стихи. Так, при переводе стихотворения «Птичка» Тукай большое внимания уделяет образу птицы, описывает ее полет, пение. Он конкретизирует каждое событие, каждую деталь. К примеру, перевод первых двух строк пушкинского стихотворения «*В чужбине свято наблюдаю / Родной обычай старины...*» звучит таким образом:

*Кичә мин читлек ачтым, андагы кошчыкны коткардым,
Күңелсез тоткынымны киң яшел урманга кайтардым* (Тукай).

(Вчера я открыл клетку, освободил птицу, / Грустного узника вернул в просторы зеленого леса [Подстрочный перевод наш. – Э.Н.]).

Перевод А. Исхака:

*В краю, далеком от родной земли,
Соблюдаю один старинный обычай.*

Как мы видим, Тукай, оттолкнувшись от оригинала, представил свою трактовку стихотворения. В его произведении появляется образ уз-

ника, который был популярен в начале прошлого столетия, отчетливо проявляется мотив свободы, что было связано с эпохой национальной борьбы. Перевод Исхака, наоборот, практически дословно передает оригинал, в нем нет добавлений, изменений, характерных для перевода начала XX века.

В перевод Тукая также проникает религиозный элемент (птица возносит молитву), что полностью отсутствует в оригинале (а также в переводе Исхака). Перевод Исхака в полной мере передает своеобразие оригинала, в переводе 1909 года полностью трансформирована форма стихотворения: перевод осуществлен бейтами в традициях арабской поэзии. Исхак даже на уровне звукописи, рифмовки воспроизвел многие особенности стиха Пушкина. Он смог сохранить число слогов в строках, при переводе использован 9-сложный силлабический размер. Перевод Тукая был выполнен 16-сложником.

Тем не менее, нельзя говорить о том, что вольные переводы начала XX века превосходили или, наоборот, уступали переводам 30-х годов. Дело в том, что вольные переводы особенно широкое распространение получают в эпохи становления национальных литератур или переходов в развитии (Серебряный век в русской литературе, начало XX века – в татарской). Вольные переводы Пушкина, Лермонтова и других русских классиков, предпринятые в татарской литературе начала прошлого века, были доступной для массового читателя и эффективной формой приобщения его к русской литературе. В 30-х годах переводчики, наоборот, стремятся полностью воспроизвести все художественные особенности оригинала, у них отсутствует соперничество с переводящимся поэтом – только преклонение перед его талантом.

Таким образом, татарские поэты начала XX века, вступая в диалог с Пушкиным, сознательно подчеркивали индивидуально-авторское начало в переводах. Тукай, Дэрдменд, Сунчелей и другие склонны были открывать в творчестве Пушкина еще один источник близких им идей. При этом они нередко стремились «завершить» переводимое произведение, «вписать» пушкинские образы и идеи в существующую систему национально-художественного сознания. А. Исхак и Х. Усманов творили совершенно в иную эпоху, когда стирались многие индивидуальные грани творчества, и они, создавая свои варианты переводов, во многом ориентировались на переводческие традиции 30-х годов. Каждый из рассматриваемых нами поэтов по-своему прочитывал стихотворение Пушкина и передавал поэтику оригинального стиха в меру своих возможностей. Несомненно только то, что в середине XX века изменилось отношение к переводимому тексту. Поэты-переводчики уже не являются сотворцами предшественников, а переводят, следуя букве оригинала.

Список литературы

1. Башкуров Р. Тукай и русская литература. – Казань, 1958 (на татарском языке).
2. Гачечеладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – М., 1980.
3. Лирика А.С. Пушкина в татарских переводах. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2004.
4. Топер П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. – М.: Наследие, 2000.
5. Хантемирова Г. З. Национальное своеобразие оригинала и проблемы перевода. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974.
6. Әдәбият белеме сүзлеге / Төз.-ред. Әхмәдуллин. – Казан: Татар. китап нәшр., 1990.

Феминные и маскулинные явления в дагестанских языках

Рассматривается проблема выделения феминных и маскулинных явлений в дагестанских языках на материале лезгинского языка, описывается своеобразие гендерно маркированной лексики в дагестанских языках.

The problem of allocation of femininity and masculinity events in Dagestan languages on the material of the Lezgian language, describes the peculiarity of gender-marked words in the Dagestan languages.

Ключевые слова: гендерная лексика, гендерная лингвистика, дагестанские языки, лезгинский язык, маскулинность, феминность.

Key words: Caucasian languages, femininity, Gender studies, gender vocabulary, Lezgian language, masculinity.

Термины «феминность / маскулинность» прочно вошли в сферу гуманитарного знания и, как правило, используются для номинации половой статусной роли личности. Параметр половой статусной роли особенно интересен тем, что, будучи тесно связанным с психофизиологическими свойствами личности, с одной стороны, и с ее социальными проявлениями – с другой, он находится в точке пересечения двух осей: индивидуальных и ролевых качеств говорящего. Очевидно, что, реализуясь в данном параметре, расположенные на обеих осях факторы в совокупности оказывают определенное влияние на манеру речи человека [2]. Причинами этого могут быть как психологические особенности деятельности мозговых полушарий мужчин и женщин, так и социальные различия (различия в образе жизни, сфере деятельности, общественном положении и пр.) [4].

Следовательно, вполне допустимо и обосновано выделение «феминных» и «маскулинных» языковых явлений, исследование которых позволяет установить, каким образом параметр половой статусной роли участвует в процессе текстообразования. Частота употребления в речи персонажей определенных языковых явлений получила название «признаков маскулинности / феминности». Проецирование данного критерия на единицы лексического уровня позволяет выделить «феминную» и «маскулинную» лексику языка.

К маскулинным признакам относятся маскулинная лексика (архаичный лексикон, редкие и диалектные слова, технические термины, сни-

женные лексические средства, профессиональный жаргон) и отклонения от грамматической нормы; к феминным, соответственно, – феминная лексика (эвфемизмы, эмоционально окрашенные прилагательные, особая лексика, связанная с сугубо женским времяпрепровождением, смягчающие слова, употребляющиеся с целью нейтрализации категоричности высказывания), лексика эмфатического и междометного характера, «языковые средства самозащиты» (вводные слова, фразы-клише), восклицания, повторы, усилительные грамматические конструкции и специальные формы вежливости [2].

Явления «феминности» и «маскулинности» в дагестанских языках выделяются достаточно отчетливо. Как пишет А. Г. Гюльмагомедов, сам факт присутствия активного гендерного начала в языковой стихии дагестанских языков не вызывает никаких сомнений, и сами носители дагестанских языков без труда выделяют «мужские» и «женские» слова в речи собеседника [6]. В качестве примера можно привести цитату из стихотворения: *Какадариз папан гафар итимди, / «Лезгидалди» тост лугъузвай «етимди»* (Мужчина, путая мужские слова с женскими, / Говорил тост, бедняга, на лезгинском языке – С. Керимова). В этих строках автор прямо называет некоторые слова и выражения «мужскими» или «женскими» (феминными и маскулинными).

Несомненно, отличия в проявлении мужского и женского в языке не могли не привлечь внимания исследователей дагестанских языков, но комплексному системному изучению таких различий в дагестанском языкознании не уделялось должного внимания до первого десятилетия XXI века. Ярко выраженные особенности женской речи в некоторой степени освещаются исследователями дагестанского фольклора уже в 60-70-е годы XX века. Такие произведения устного народного творчества, как плачи, причитания, колыбельные, создаются и исполняются исключительно женщинами. Анализ устного народного творчества позволяет не только определить стереотипные мужские и женские образы, стереотипные гендерные роли в обществе, закрепленные за мужчинами и женщинами, быт, историю, культуру, мировоззрение горцев, но и особенности женской речи, женской картины мира. С этой точки зрения особый интерес представляет семейно-бытовая поэзия, к которой относят свадебные песни и плачи.

Явления феминности / маскулинности в дагестанских языках проявляются на фонетическом, лексико-фразеологическом и грамматическом языковых уровнях, однако, к сожалению, они пока мало исследованы. Проблема гендерного параметра в языке и речи в некоторой степени затрагивалась при анализе отраслевой лексики дагестанских языков. Традиционное распределение социальных ролей в обществе обуславливало

специфику речевого поведения мужчин и женщин. Так, например, ковроткачество или гончарное дело были традиционно женскими занятиями, следовательно, слова, относящиеся к этой области (например, лезг. *регъ* – гребень для расчесывания шерсти, *чхра* – прялка, *киткин* – клубок ниток; названия элементов орнамента ковров – *пехъ* «ворона», *сернич* – «подойник» и т.д.), чаще употреблялись женщинами. С другой стороны, животноводство, земледелие – традиционно мужские занятия, и профессиональные термины, относящиеся к этой области (например, лезг. *туьрез* – соха, *пер* – лопата, *клавузар* – наковальня, *гъар* – борона и т.д.), чаще встречаются в мужской речи. По словам Ф. А. Ганиевой, анализ отраслевой лексики с точки зрения ее происхождения, структуры, семантики и т.д. имеет большое значение для определения вклада народа в развитие духовной и материальной культуры, для получения бесценных сведений об истории народа [3, с. 11]. Добавим, что подобное исследование отраслевой лексики дает также представление о специфике гендерных отношений в обществе, об особенностях проявления гендерного фактора в языке.

На грамматическом уровне проблемы гендерных различий в речи мужчин и женщин в дагестанских языках затрагивались и при изучении их морфологического строя, в частности, при изучении категории грамматического класса. Однако эти особенности дагестанских языков рассматривались исключительно в грамматическом аспекте. Например, ср. дарг. *в-ях1* «лицо (мужчины)», *р-ях1* «лицо (женщины)», *б-ях1* «морда (животного)» [5, с. 62].

Гендерные различия на лексическом уровне исследователи отмечали довольно часто. Уже в 60-е годы XX века лингвисты–лексикографы обращают внимание на особенности употребления отдельных выражений мужчинами и женщинами, что свидетельствует о степени обусловленных полом различий в речи носителей дагестанских языков. Так, при толковании отдельных выражений в «Лезгинско-русском словаре» Б. Б. Талибов отмечает, что употребление таких выражений, как *гуж хъайиди* 'ах, проклятая' характерно преимущественно для женской речи [6]. Ярко иллюстрирует гендерную специфику следующий пример: в одном из дагестанских языков название указательного пальца переводится как «шьющий палец» (дарг. *ибан т1ул*), что указывает на функциональный признак в основе названия [9; 10]. Отмечают даже случаи функционирования отдельных «женских» языков или диалектов¹. Позже

---

¹ Так, по свидетельству Г.И. Исмаилова, «в сел. Гапшима (Акушинский район) женщины старшего возраста и даже девушки и сегодня владеют «тайным языком». Мужчины совершенно не понимают этого языка. Во всех словах (обычной речи) добавляются звучные слоги, которые сами по себе ничего не значат. Например, *Набчил рарх раши* («иди со мной»); *Набзачилза рархза разашиза*. Дополнительные слоги

А. Г. Гюльмагомедов, анализируя особенности пословично-поговорочных фразеологических единиц, отмечает наличие в лезгинском языке «многочисленной группы фразеологических единиц – формул проклятий и ругательств, встречающихся в речи женщин: *гайида ху-тахуй* (давший пусть унесет)» [5, с. 30], отмечая, что подобного рода выражения – отличительная черта речи женщин во всех дагестанских языках.

В настоящее время проявление гендерного параметра в речи вызывает все возрастающий интерес у исследователей. Так, в «Словаре лезгинского языка» [13] языковые факты, характеризующие речь женщин-лезгинок, помечаются особым знаком (§). Исследователи отмечают, что высокую культурную специфичность обнаруживает отражение гендерного концепта в иберийско-кавказских языках [8]. Исследование специфики проявления гендерного фактора на материале кавказских языков занимаются такие исследователи, как М. М. Касумова, З. Киквидзе, М.М. Магамедова, Б. Алиева, З. Халилова и др. З. З. Кикивидзе в своей обзорной статье отмечает наиболее существенные проблемы, стоящие перед исследователями гендерной специфики кавказских языков. Среди них: 1) речевое поведение женщин и мужчин в различных обстановках (социологические и этнолингвистические аспекты; 2) гендерный аспект языковых средств обращения. Проблеме форм обращения было уделено должное внимание в грузинской лингвистической науке, однако без особого интереса к специфическим гендерным аспектам этих явлений. Примечательно, что в горных районах Кавказа всё ещё сохранился обычай, следуя которому, замужние женщины подвергают табуированию имена родителей и родственников мужа. Особого интереса заслуживает тот факт, что существуют переходные локальности и обстановки, в пределах которых практика табуирования проявляет тенденцию исчезновения; 3) в языковой системе представлен как женский, так и мужской языки; 4) представленность мужчин и женщин в языковой системе (слова, обозначающие женщин и мужчин, гендерно-маркированный порядок слов и его социокультурная значимость, скрытый род и т.д.); 5) гендерная ономастика: она может иметь целью изучение фамилий женщин и мужчин в до- и послебрачный периоды; 6) женщины и мужчины в матрице языковой ситуации. Эта проблема самая объемная, поскольку она подразумевает и синхронические и диахронические аспекты, и микро- и макросоциологические подходы, и, к тому же, она может включить в себя все вышеназванные вопросы [12].

В заключение отметим, что в дагестанских языках феминные и маскулинные явления имеют свою специфику, употребление некоторых

могут быть произвольными. Речь произносится очень быстро, и нетренированный слух совершенно не улавливает семантики слов» [7]. По свидетельству автора, этот факт является отголоском матриархата.

единиц (приветствий, пожеланий и других речевых формул) четко регламентируется полом говорящего, что обусловлено, на наш взгляд, традиционными гендерными отношениями в обществе.

Наше исследование лишь намечает проблематику, комплексный анализ которой позволит глубже исследовать механизмы порождения речи в такой сложной языковой среде, как Дагестан.

Список литературы

1. Алексеев М. Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. – М., 1985.
2. Антинескул О. Л. Половая статусная роль говорящего как параметр текстообразования // Проблемы профессионального высшего образования на рубеже XX-XXI вв.: Тезисы докладов Международной научно-методической конференции (Пермь, 24-28 мая 1999 г.) / Перм. ун-т. – Пермь, 1999. – Т. 2. – С. 101-102.
3. Ганиева Ф. А. Отраслевая лексика лезгинского языка. – Махачкала, 2004.
4. Горошко Е. И., Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. – 1999. – № 2. – С. 234-241.
5. Гюльмагомедов А. Г. Фразеология лезгинского языка. – Махачкала, 1990.
6. Гюльмагомедов А. Г. Гендерная лингвистика, или лингвистическая гендерология (К проблеме исследования на материале дагестанских языков) // Языкознание в Дагестане. – № 7. – 2004. – С. 5-16.
7. Исмаилов Г. И. Татуировки горянок Дагестана. – Махачкала, 2002.
8. Кирилина А. В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. *Caucasiology*. – 2002. – № 2. – С. 134-141.
9. Самедов Д. С. Исследования семантики слов, обозначающих части тела человека (на материале дагестанских языков) // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. – М., 1975. – С. 169-175.
10. Самедов Д. С., Магомедов Г. И. К вопросу о лексических и структурных общностях в дагестанских языках (на материале названий частей тела) // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. – Махачкала, 1984.
11. Талибов Б. Б. Грамматический очерк лезгинского языка. Лезгинско-русский словарь. – М., 1966.
12. Kikvidze Z. Language-made Paradox: Gender Preferences in Georgian. *Women and Language*. – 2002. – Vol. XXV. – № 1. – P. 45-48.

Список словарей

13. Гюльмагомедов А. Г. Словарь лезгинского языка (Лезги ч1алан словарь). – Махачкала, 2003, 2005.

Сведения об авторах

Абросимова Лариса Сергеевна – доцент, педагогический институт Южного Федерального университета, кандидат филологических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону); abrossimova@mail.com

Ахиярова Альфия Гусмановна – аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург); vivianangel@mail.ru

Белов Вадим Алексеевич – аспирант, Череповецкий государственный университет (г. Череповец); belov.vadim.a@gmail.com

Бечина Инна Владимировна – аспирант, Северодвинский филиал Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Северодвинск); taniafed@atnet.ru

Бузина Татьяна Вячеславовна – доцент, институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, кандидат филологических наук, доцент (Москва); tbuzina@yandex.ru

Гилясов Юрий Владимирович – аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург); sweatled@front.ru

Епаринова Екатерина Сергеевна – аспирант, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург); ekaterinaeparinova@yahoo.co.uk

Козина Татьяна Николаевна – доцент, Пензенский государственный педагогический университет имени В. Г. Белинского, кандидат филологических наук, доцент (г. Пенза); T.N.Coзина@yandex.ru

Куркина Татьяна Николаевна – доцент, Воронежский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Воронеж); tnkurkina@mail.ru

Магамедова Марина Маликовна – старший преподаватель, Дагестанский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук (г. Махачкала); mmarrina@list.ru

Морозова Ольга Николаевна – доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); mail.olfrost@gmail.com

Нагина Ксения Алексеевна – доцент, Воронежский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент (г. Воронеж); k-nagina@yandex.ru

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна – доцент, Казанский Федеральный университет, кандидат филологических наук (г. Волжск); ehlviran@yandex.ru

Никифорова Наталья Александровна – преподаватель английского языка, педагогический колледж № 14 (Москва); niknat07@list.ru

Перевёрткина Марина Сергеевна – ассистент, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург); perevertkina_m@yahoo.com

Петренко Денис Иванович – докторант, Ставропольский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Ставрополь); textus@mail.ru.

Петров Александр Александрович – профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург); petrovalexspb@mail.ru

Петрова Елена Серафимовна – доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург); Saint-petelena@mail.ru

Попова Ирина Александровна – аспирант, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (г. Тула); irene.popova@gmail.com

Постнова Елена Аркадьевна – аспирант, Пермский государственный педагогический университет (г. Пермь); 614000@bk.ru

Поцелуева Наталья Васильевна – аспирант, Северодвинский филиал Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Северодвинск); nata_potz@inbox.ru

Савицкая Наталия Владимировна – учитель русского языка и литературы, общеобразовательная школа № 132 (г. Омск); mou132@inbox.ru

Семенова Елена Михайловна – доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук (Санкт-Петербург); wincherry2004@list.ru

Скребова Екатерина Геннадьевна – доцент, Воронежский филиал Российского государственного торгово-экономического университета, кандидат филологических наук (г. Воронеж); dolgorukaja1@rambler.ru

Смирнов Игорь Борисович – профессор, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург); ismirnov@gtn.ru

Смирнов Игорь Николаевич – доцент, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербург); igor_smirnov@bk.ru

Степаненко Ольга Александровна – доцент, Курганский государственный университет, кандидат филологических наук (г. Курган); olgastepanenko@list.ru

Тельминов Геннадий Николаевич – аспирант, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург); freedomliberty@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна – профессор, Северодвинский филиал Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор (г. Северодвинск); taniafed@atnet.ru

Худенко Елена Анатольевна – доцент, Алтайская государственная педагогическая академия, кандидат филологических наук (г. Барнаул); helenahudenko@mail.ru

Цирулев Александр Федорович – заведующий литературным отделом издательства «АЛТЭКС», кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород); ciro-olga@yandex.ru

Чудова Ольга Игоревна – аспирант, Пермский государственный педагогический университет (г. Пермь); chudova-olga@mail.ru

Шустова Светлана Викторовна – профессор, Прикамский социальный институт, кандидат филологических наук, профессор (г. Пермь); lanaschust@bk.ru

Янина Полина Евгеньевна – аспирант, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород); missmarpol@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: E-mail: vestnikfilol@yandex.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

E-mail: vestnik_lgu@list.ru

Научный журнал

Вестник

Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина

№ 1

Том 1. Филология

Оригинал-макет *Н.П. Никитиной*

Подписано в печать 15.03.2011
Бумага офсетная. Формат 60x90 1/16
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 16,25
Тираж 500 экз.
Заказ 616